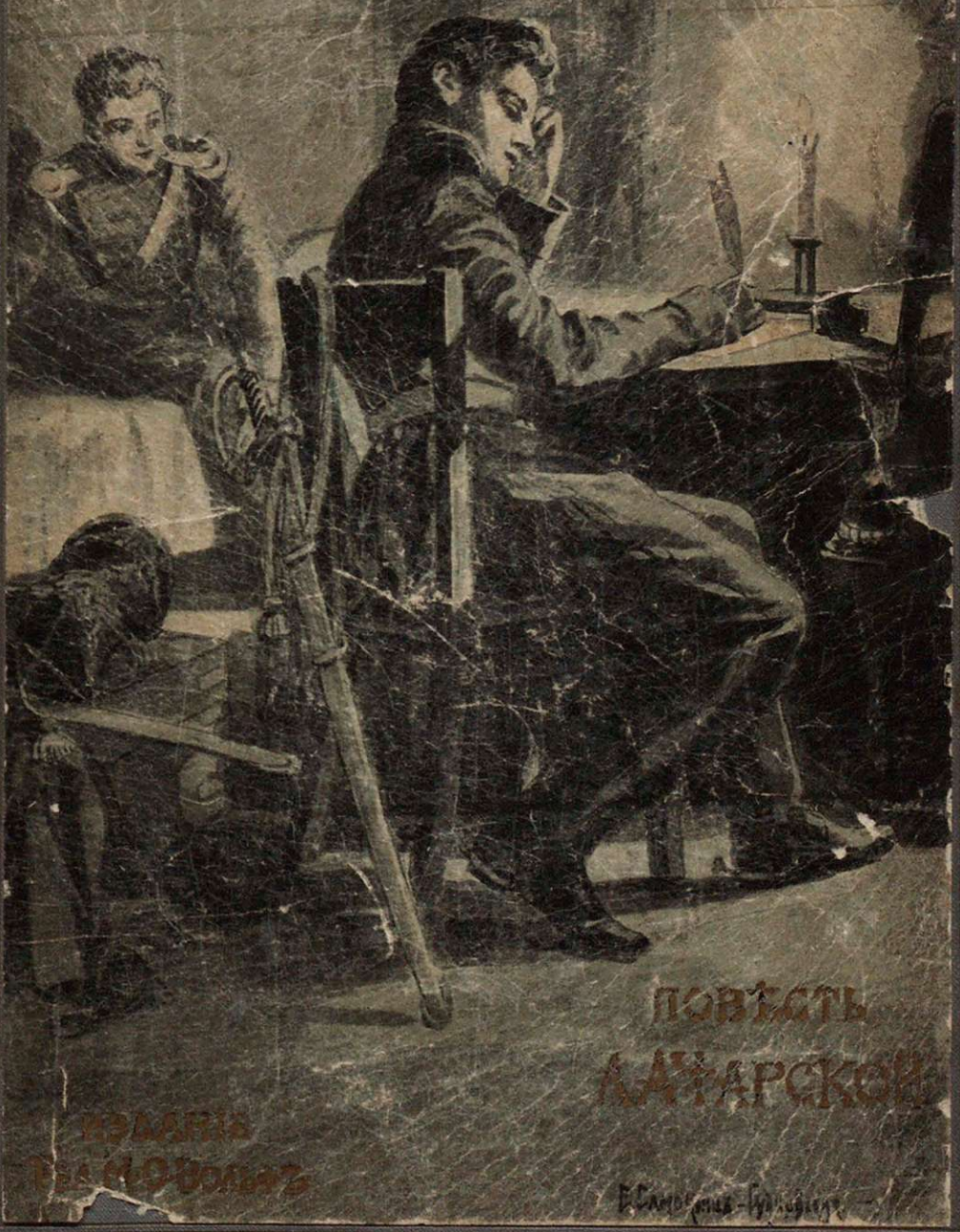
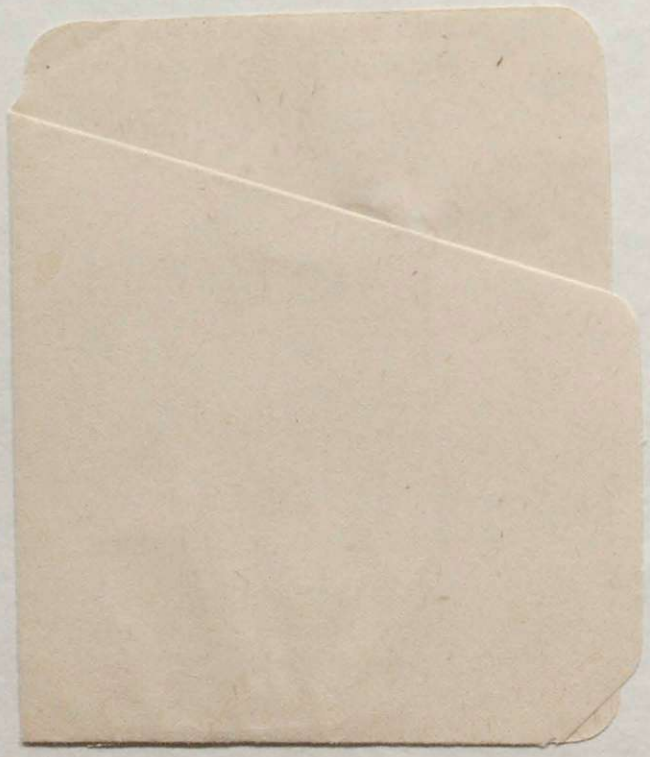
R 452/52

ЫЛАЯ ЖИЗНЬ



ПОВѢСТЬ
А. АТАРСКОЙ

ИЗДАНІЕ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ



11 вкладок

30/5-89 К

Книга Л. А. Чарской «Смѣлая жизнь» признана Ученымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просв. подлежащей включенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній (Отз. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв., № 17953, 25. VI. 908).

Л. А. ЧАРСКАЯ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,

ИЗДАННЫЯ Т-ВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ:

*Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ одною звѣздочкою *, допущены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ библіотеки учебныхъ заведеній.*

*Книги, отмѣченныя двумя звѣздочками **, признаны Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. заслуживающими вниманія при пополненіи библіотекъ учебныхъ заведеній.*

Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ кружкомъ ○, рекомендованы Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. заведеній для чтенія кадетамъ и допущены въ ротныя библіотеки.

*○ **ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.** Повѣсть для юношества, съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*○ **КНЯЖНА ДЖАВАХА.** Повѣсть для юношества, въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*○ **ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.** Повѣсть для юнош., въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина. Изд. 4 е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ВТОРАЯ НИНА. Повѣсть для юношества, съ илл. И. В. Симакова. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

** **ДЖАВАХОВСКОЕ ГНѢЗДО.** Повѣсть для юнош., съ илл. И. Гурьева. Ц. 3 р.

○ **ВЕЧЕРА КНЯЖНЫ ДЖАВАХИ. Сказанія старой Барбалэ. Съ рис. Н. Н. Каразина, И. Гурьева и др. Ц. въ пер. 2 р. 25 к.

○ **ЗА ЧТО? Моя повѣсть о самой себѣ, въ 4-хъ частяхъ, съ илл. И. Гурьева. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

○ **БОЛЬШОЙ ДЖОНЪ.** Повѣсть для юношества, съ иллюстр. И. Гурьева. Изд. 2-ое. Ц. въ переплетѣ 3 р.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ. Юность Лиды Воронской. Повѣсть для юнош., съ илл. И. Гурьева.

ЛѢСОВИЧКА. Повѣсть для юнош., съ илл. З. Шапиро. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 3 р.

○ **СЕСТРА МАРИНА.** Пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ Судковской. Ц. въ пер. 3 р.

○ **ГАЗАВАТЪ. Историческая повѣсть, съ илл. І. І. Смукровича. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

○ **ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ.** Истор. пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **ГРОЗНАЯ ДРУЖИНА.** Историч. повѣсть, съ иллюстр. худ. С. Панова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

ЖЕЛАННЫЙ ЦАРЬ. Истор. пов. для юнош., съ илл. И. Гурьева.

ЦАРСКІЙ ГНѢВЪ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

○ **ОДИНЪ ЗА ВСѢХЪ.** Повѣсть о жизни великаго подвижника земли русской. Съ иллюстр. и снимк. съ карт. Нестерова, Новоскольцева, Брюллова. Ц. въ пер. 2 р.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ. Историческій романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

○ **ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА.** Историческая повѣсть для дѣтей, съ илл. А. Бальдингера. Изд 2-е. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

СИБИРОЧКА. Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. Гурьева. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 3 р.

○ **ГОЛУБАЯ ВОЛНА.** Стихи и пѣсни для юнош., съ илл. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

* **ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ СИРОТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ТАСИНО ГОРЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова. Изд. 2 е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера, Ц. въ переплетѣ. 3 р.

○ **СЧАСТЛИВЧИКЪ. Пов. для дѣтей, съ илл. худ. И. Гурьева. Ц. въ пер. 3 р.

ЩЕЛЧОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. И. Гурьева. Ц. въ п р. 2 р. 25 к.

** **СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ.** Съ рис. В. Мельникова, З. Шапиро и др. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ТРИНАДЦАТАЯ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. Спасскаго.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ. Повѣсть для юношества, съ илл. В. Полякова. Изд. 2-е. Ц. въ пап. переплетѣ 60 к.

ЛУЧШІЙ ДАРЪ. Волшебная картина въ одномъ дѣйствіи. Съ рис. М. Кипина. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА. Разсказъ для малютокъ. съ хром. карт. А. Гейера. Изд. 2-е. Ц. въ пап. переплетѣ 1 р. 50 к.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА. Книжка стишковъ для маленьк. дѣтей, съ илл. Изд. 2-е. Ц. въ папкѣ 50 к.

ВОВИКЪ. Полу-быль, полу-сказка, съ илл. барона Демерта. Ц. 30 к.

○ **НА РАДОСТЬ ЦАРЕВИЧУ.** Разсказъ изъ дѣтской жизни имп. Петра В. Съ рис. Е. Лебедевой. Ц. 15 к.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ. Разсказы для маленькихъ дѣтей, съ хром. карт. Изд. 3-е. Ц. въ пап. переплетѣ 90 к.

НА КРАЙ СВѢТА. Разсказъ для маленькихъ дѣтей, съ илл. Б. К. Кильверта. Ц. 15 к.

СЧАСТЛИВЫЙ ЦВѢТОКЪ. Разсказъ для дѣтей мл. возр. съ рис. И. Гурьева. Ц. въ пап. 30 к.

Старый Дуровъ молча прижалъ голову дочери...

R 452/52

801-88
8318-1

СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ

ПОДВИГИ ЗАГАДОЧНАГО ГЕРОЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ 12 оригин. иллюстраціями Е. П. Самокишъ-Судковской, 4 снимками со старинныхъ портретовъ и однимъ видомъ

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ | Москва
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 18 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1913

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
С-ПЕТЕРБУРГЪ · ВАС· ОСТР· 16 ЛИНІЯ СОБ· ДОМЪ
1913

Государственная
Б Б ЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
5986-70

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Обитатели стараго сада.

БОЛЬШОЙ, старый садъ сарапульскаго городничаго Андрея Васильевича Дурова ярко иллюминованъ. Разноцвѣтные бумажные фонарики, — красные, желтые и зеленые, — тянутся пестрыми гирляндами между гигантами-деревьями, наполовину обнаженными отъ листвы безпощадною рукою старухи-осени.

Пылающія плошки, разбросанныя тамъ и сямъ въ сухой осенней травѣ, кажутся грандіозными свѣтляками, дополняя собою красивую картину иллюминаціи. А надъ старымъ садомъ, непроницаемая и таинственная, неслышно скользитъ подъ своимъ звѣзднымъ покровомъ черноокая красавица — осенняя прикамская ночь...

На стѣнныхъ часахъ въ домѣ городничаго пробило одиннадцать.

И вмигъ старый домъ дрогнулъ и оживился. Цѣлая толпа дѣвушекъ въ легкихъ бѣлыхъ платьяхъ, обшитыхъ кружевами, рюшами и блондами, какія въ началѣ XIX вѣка, по тогдашней модѣ, носили наши прабабушки, высыпала на крыльцо.

— Какая ночь! чудо! совсѣмъ какъ лѣтомъ! — зазвенѣлъ звучными переливами молодой голосокъ, и одна

изъ бѣлыхъ фигурокъ протянула обнаженныя до локтя руки къ темному небу и ласковымъ звѣздамъ.

— Въ такую ночь не грѣшно и по Камѣ прокатиться, не правда-ли, Клена? — присоединился къ первому голосу второй, грудной и низкій, съ пріятными бархатистыми нотами.

Та, которую звали Кленой, повернула лицо къ говорившей. Это была настоящая четырнадцатилѣтняя красавица. Ни у кого, не только въ уѣздномъ городѣ Сарапулѣ, но и въ цѣлой губерніи, не было такого снѣжно-бѣлаго личика, такихъ темно-синихъ глазъ, похожихъ на два великолѣпные сапфира, ни золотистыхъ косъ того неподражаемаго червоннаго отлива, какими обладала вторая дочь сарапульскаго городничаго, Клеопатра. И четырнадцатилѣтняя Клена лучше всѣхъ сознавала неотразимую прелесть своей необычайной красоты и очень гордилась ею.

— Ну, ужь ты выдумаешь, Устенька! — произнесла она недовольнымъ голосомъ. — Что можетъ быть интереснаго на Камѣ ночью! Меня, по крайней мѣрѣ, туда вовсе не тянетъ.

Дѣйствительно, бѣлокурую красавицу Клену не тянетъ на Каму. Что тамъ хорошаго? Холодно, сыро, темно. А въ зеленыхъ зарослях, еще чего добраго, водятся русалки. А она — бѣлокурая Клена — больше всего въ мірѣ боится сырости и русалокъ. Она не Надя. Надя другое дѣло. Та ничего не боится, отчаянная какая-то! Та, не только на Каму, на кладбище побѣжитъ ночью. Вѣдь ходила же она прошлой весной смотрѣть утопленника, выброшеннаго на берегъ. А она, Клена, иная. Она — степенная, благовоспитанная барышня, а не «гусарская воспитанница», не «казакъ-дѣвчонка», какъ называютъ всѣ ея старшую сестру.

Да, кстати, гдѣ-же она? Иллюминація гаснетъ, гости собираются уходить, а Надежды и слѣдъ простылъ.

Хороша именинница! Для нея устроенъ этотъ вечеръ, зажжены фонарики и плошки, приглашены подруги, а она и ухомъ не ведетъ. Любезная хозяйка, нечего сказать!..

И хорошенькая Клена съ безпокойствомъ оглянулась на бѣлую толпу дѣвушекъ: такъ и есть—тамъ нѣтъ Нади. Она исчезла.

— Вася, — взволнованно обращается дѣвочка къ плотненькому коренастому мальчугану, рѣзко отдѣлявшемуся своимъ темнымъ мундирчикомъ отъ нарядныхъ, свѣтлыхъ платьицъ юныхъ гостей,—ты не знаешь, гдѣ Надежда?

Одиннадцатилѣтній Вася, безпечно разсказывавшій въ это время одной изъ барышень о томъ, какихъ крупныхъ карасей наловилъ сегодня въ ихъ пруду дворецкій Потапычъ, сразу замолкъ и осѣкся.

Нѣтъ, онъ не видалъ Нади. Гдѣ-же она? И мальчикъ сталъ съ безпокойствомъ вглядываться въ темную чащу сада, гдѣ не горѣли огни и гдѣ было таинственно и жутко.

— Надя! Надежда! Гдѣ ты?—зазвенѣлъ его дѣтскій голосокъ, уносясь въ темноту навстрѣчу быстро надвинувшейся ночи.

— Оставь, Вася!—остановила его Анна Горлина, высокая, черноволосая дѣвушка съ надменнымъ выраженіемъ лица, дочь богатѣйшаго сарапульскаго купца.— Или ты не знаешь своей сестры? Развѣ мы можемъ доставить ей удовольствіе своимъ обществомъ? Конечно, нѣтъ. Вѣдь мы не умѣемъ командовать на плацу и махать саблями, какъ мальчишки. Мы не воспитывались у солдатъ.

— Да, да,—подхватила толстенькая Устенька Прохорова,—скакать на дикомъ карабахѣ, какъ простые казаки, какъ Надя, мы тоже не можемъ. Мы барышни и должны помнить это...

И жеманно поджимая губки, она повернула спину опѣшившему мальчугану.

Впрочемъ, замѣшательство Васи длилось не долго. Мальчикъ въ одно мгновеніе понялъ, что эти глупыя, по его мнѣнію, напыщенныя дѣвчонки хотѣли обидѣть и унизить его сестру Надю, — сестру, которую онъ, Вася, боготворилъ и которой поклонялся съ самаго ранняго дѣтства. Вся кровь вспыхнула въ жилахъ оскорбленнаго мальчика. Съ пылающимъ лицомъ и горящими глазами приблизился онъ вплотную къ черненькой Аннѣ и заговорилъ, едва удерживаясь отъ безсильныхъ слезъ:

— Какая ты гадкая, Анна!.. И ты, Устенька, и всѣ вы злыя... злыя... нехорошія! За что вы не любите Надю? О, она лучше васъ всѣхъ, она ни про кого никогда не говоритъ дурное, ни съ кѣмъ не ссорится... Никого не бранитъ... И зачѣмъ вы пришли къ ней, если она недостойна вашего общества? Гадкія вы, гадкія, нехорошія! Не люблю я васъ никого! И уходите отъ насъ, если такъ! уходите... если вы такъ гнушаетесь Надинымъ обществомъ!

И, прежде чѣмъ кто-либо могъ удержать или остановить его, Вася въ одну минуту сбѣжалъ со ступенекъ крыльца и стрѣлой помчался по длинной дубовой аллеѣ, освѣщенной догорающими огнями иллюминаціи.

Мальчикъ бѣжалъ такъ быстро, точно всѣ эти нарядныя, гордыя барышни гнались по его пятамъ. И только въ концѣ аллеи, тамъ, гдѣ на поворотѣ ея стоялъ крошечный садовый домикъ съ освѣщеннымъ окошкомъ, Вася остановился.

— Она тамъ! — произнесъ онъ тихонько, — тамъ моя Надя... милая... дорогая! И какъ онѣ смѣли, какъ смѣли обижать тебя!.. Отвратительныя, негодныя дѣвчонки! И Клена хороша тоже! Хоть бы заступилась за сестру. Противная Клена! Еще, пожалуй, насплетничаетъ мамѣ на Надю. Что тогда будетъ?

И сердечко Васи замерло отъ страха за сестру. Онъ зналъ, какъ строго взыскивалось съ нея за каждую

малѣйшую провинность. Ни онъ, ни Клена не несли никогда такихъ строгихъ наказаній, какія перепадали на долю ея, Нади...

А сестру Надю этотъ одиннадцатилѣтній мальчикъ съ большими сѣрыми глазами, полными добродушія и тепла, любилъ больше всего въ мірѣ. Прикажи ему, кажется, Надя броситься въ прудъ, въ этотъ самый прудъ, на берегу котораго онъ стоитъ теперь, — и онъ безъ словъ исполнитъ ея желаніе — безъ словъ и колебаній. Такъ было и будетъ всегда, постоянно. А эта ледышка Клена смѣется надъ нимъ, дразнитъ его за его безграничную любовь къ сестрѣ, къ дѣвчонкѣ! Да развѣ его Надя дѣвчонка, какъ другія? Развѣ она слабое существо, нуждающееся въ поддержкѣ, въ постоянномъ присмотрѣ старшихъ? О, Надя — это особенная, совсѣмъ особенная дѣвочка!

И при этой мысли его неудержимо потянуло увидѣть сестру, подѣлиться съ нею его обидой, разсказать ей все, все объ осмѣлившихся смѣяться надъ нею гостяхъ.

— Надя, Надя! Гдѣ же ты, наконецъ! — чуть не съ плачемъ вырвалось изъ груди ребенка.

Не успѣлъ еще послѣдній звукъ замолкнуть въ безмолвіи ночи, какъ кусты прибрежной осоки раздвинулись и бѣлое существо появилось на берегу пруда, совсѣмъ близко у воды.

— Кто зоветъ меня? Ты, Василій? — и Надя ступила въ свѣтлую полосу изъ своей темной засады.

Голосъ Нади былъ рѣзокъ и грубоватъ немного, какъ голосъ подростка-мальчика. Но съ своей тонкой и стройной и вмѣстѣ съ тѣмъ сильной фигурой, вся окутанная бѣлымъ облакомъ блондъ и волановъ, теперь, въ ночномъ мракѣ, она казалась таинственной ночной феей этой дубовой аллеи и зеленаго прудка. Однако лицо ея — не воздушное, нѣжное лицо феи. Выплывшая

изъ-за темнаго облака серебряная луна ярко освѣщаетъ это смуглое лицо, со слѣдами оспы на немъ, съ большимъ ртомъ и рѣзко очерченными бровями. Единственнымъ украшеніемъ этого юнаго, почти дѣтскаго лица служатъ только одни глаза, громадные, темные; то мрачные и тоскливые, то свѣтящіеся юморомъ, то печалью, то отважные, то робкіе, они бываютъ временами чудо какъ прекрасны. И эти глаза говорятъ, говорятъ такъ много каждому, кто заглянетъ въ ихъ бездонную, какъ пропасть, глубину!

Теперь эти великолѣпные глаза свѣтятся самымъ неподдѣльнымъ искрящимся весельемъ. Въ глазахъ—веселье, а въ складкахъ рта—что-то трогательно-печальное, почти горькое.

— Онѣ ушли?—слышится ея сильный, не-дѣвичій голосъ, и она киваетъ въ ту сторону, гдѣ въ эту минуту догорѣли и погасли послѣдніе огни иллюминаціи и гдѣ разомъ наступила тишина.

— Ушли,—отвѣчаетъ почему-то шопотомъ Вася.—А гдѣ ты была, Надя?

Ему хочется разсказать ей все-все безъ утайки о противныхъ дѣвчонкахъ и его ссорѣ съ ними. Но ему жаль взволновать Надю. Сегодня день ея ангела и надо, чтобы день этотъ закончился гладко и беззаботно. И, вмѣсто всякой жалобы, онъ повторяетъ:

— Гдѣ же ты была, Надя?

— У Алкида,—отвѣчаетъ ея милый, глуховатый голосъ.—По случаю сегодняшняго празднества Ефимъ забылъ насыпать ему обычную ночную порцію овса. Хорошо, что я поспѣла во-время и бѣдный мой конь не остался голоднымъ. А про гостей я совсѣмъ, признаться, и забыла!—неожиданно заключила она и разсмѣялась.

Смѣхъ у нея былъ молодой, звонкій, настоящій смѣхъ ребенка, которому пока не о чемъ безпокоиться

и заботиться. И этотъ смѣхъ такъ не вязался съ ея юнымъ, но полнымъ не дѣтской задумчивости лицомъ.

— Ничего! О нихъ позаботилась Клена—произнесъ Василій съ важностью взрослаго человѣка и вдругъ неожиданно добавилъ, обнимая сестру:—Ахъ, Надя, я хотѣлъ тебя видѣть и... и... Какъ я люблю тебя, если бы ты знала!

— Вотъ такъ-такъ!—еще громче разсмѣялась она,—съ чего это вдругъ, разомъ?

— Я не знаю, Надя,—отвѣчалъ ничуть не смущенный ея смѣхомъ мальчикъ,—но только я тебя очень, очень люблю, больше папы и мамы, больше этого стараго сада... Больше всего, всего въ цѣломъ мірѣ... Ты такая безстрашная, смѣлая, такая отважная, Надя!.. Какъ же тебя не любить?.. Нѣтъ вещи, которой бы ты боялась... Когда ты скачешь на твоемъ Алкидѣ, такая безстрашная и смѣлая, мнѣ кажется, что ты даже не сестра моя родная, не Надя, а что-то совсѣмъ, совсѣмъ особенное... Помнишь, ты мнѣ читала о древнихъ амазонкахъ или о той знаменитой французской дѣвушкѣ-крестьянкѣ, которая спасла свою родину отъ англичанъ... навѣрное онѣ были такія же, какъ и ты, ничего не боялись, отважныя, смѣлыя. Только имъ не приходилось такъ много страдать... Ахъ, Надя, мнѣ такъ жаль тебя, когда мама бранитъ тебя!.. Ты никому не говори этого, Надя, а только, повѣришь ли, мнѣ тогда хочется плакать и я начинаю не любить маму и сердиться на нее. И потомъ, какое у тебя чудное сердце...

— Перестань!— оборвалъ его глухой голосокъ, въ то время какъ громадные, великолѣпные глаза дѣвушки наполнились слезами.—Я не люблю, когда меня хвалятъ. Ты долженъ знать это!

— Ты разсердилась, Надя?— испуганно сорвалось съ губъ мальчика.—Ты недовольна мною?

Но Надя точно и не слышитъ его вопроса. Она

стоитъ, неподвижная и безмолвная, какъ бѣлая статуя, въ серебристой полосѣ луны. Мѣсяцъ играетъ своими кроткими лучами на смугленькомъ личикѣ дѣвушки и ея темнорусой толстой косѣ, перекинутой черезъ плечо на грудь. Большіе, темные глаза, спорящіе блескомъ съ золотыми звѣздами далекаго неба, кажутся такими печальными и прекрасными въ этотъ мигъ...

«Господи!—мысленно произноситъ смугленькая дѣвочка.—Какъ онъ любитъ меня и какъ ему будетъ тяжело, пока онъ не привыкнетъ къ предстоящей разлукѣ!..

И, быстро обернувшись къ брату, она произнесла какимъ-то новымъ, словно размягченнымъ голосомъ, полнымъ любви и ласки:

— Что бы ни было, Василій, что бы ни случилось, слышишь, ты не долженъ осуждать меня!.. Не забывай меня... и люби... люби покрѣпче свою Надю!

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, отвѣтить ей, сказать, что онъ-то ужь никогда ея не забудетъ и всюду и вездѣ будетъ стоять горой за нее, она снова скрылась тамъ, откуда появилась, неуловимая и странная, какъ таинственная фея зеленаго пруда.

ГЛАВА II.

Новая обязанность. — Въ садовомъ домикѣ. — Жанна д'Аркъ.

МАРѲА Тимофеевна Дурова, супруга сарапульскаго городничаго, еще молодая тридцатилѣтняя женщина, съ прекраснымъ тонкимъ лицомъ и холодными сѣрыми глазами, стальной взглядъ которыхъ придавалъ что-то жесткое и надменное общему выраженію лица, сидѣла облеченная въ бѣлый батистовый пудермантель, и убирала на ночь свои еще роскошныя и толстыя, какъ у дѣвушки, косы.

Марѳа Тимофеевна по своему обыкновенію мысленно пробѣжала весь сегодняшній день и осталась имъ недовольна.

Не красавица-Клена, степенная, уравновѣшанная, несмотря на юный возрастъ, и не добродушный толстякъ Вася, общій баловень и любимецъ, тревожили супругу городничаго. Дѣло касалось Нади—этой строптивой, непокорной, полудикой дѣвушки-ребенка, воспитаніемъ которой такъ долго и тщетно занималась сама Марѳа Тимофеевна. Ни увѣщанія, ни строгость, ни наказанія не могли измѣнить своеобразной дикой натуры Нади. Слишкомъ сильные корни пустило въ нее военное воспитаніе ея усатой няньки, денщика-гусара Астахова, выходившаго ее съ первыхъ дней ея ранняго дѣтства.

Сегодня вся эта дикость гусарской воспитанницы выступила особенно рѣзко въ кругу благовоспитанныхъ сарапульскихъ барышень-гостей. Эта Надя, со своими размашистыми манерами солдатской питомицы, съ грубоватымъ голосомъ и смѣло поднятымъ на всѣхъ, горящимъ какимъ-то мальчишескимъ задоромъ, взглядомъ — такъ мало походила на дочь своего отца, принадлежащаго къ старинной дворянской семьѣ.

— Боже мой! — искренно негодовала Марѳа Тимофеевна, — вѣдь такая, какова она есть, Надежда никогда не выйдетъ въ люди, никогда не найдетъ себѣ подходящей партіи... А она уже взрослая барышня, ей стукнуло шестнадцать, пора подумать о будущемъ...

Тутъ Марѳа Тимофеевна вздрогнула и обернулась. Та, о которой она только-что думала, ея злополучная Надя, стояла на порогѣ комнаты, глядя въ упоръ на мать пристальнымъ, не мигающимъ взглядомъ.

— Что тебѣ? — не совсѣмъ любезно произнесла городничиха. — Что ты прокрадываешься, какъ кошка? Сколько разъ я говорила, что надо стучать у дверей, прежде чѣмъ осмѣлиться войти! Этого требуетъ приличіе.

Тонкая, еле уловимая усмѣшка скользнула по полнымъ губамъ Нади, обнажая ея ослѣпительно-бѣлые, ровные зубы.

«Приличіе!» — вотъ слово, которое она слышитъ постоянно изъ устъ матери. «Приличіе!» — вотъ чего ей не преодолѣть во вѣки-вѣковъ!

И тоненькая, статная фигурка, незамѣтно отдѣлившись отъ двери, подвинулась къ матери.

— Я пришла проститься съ вами, маменька, — произнесъ низкій, глуховатый голосокъ.

— Давно пора! И гдѣ ты пропадала до сихъ поръ? — ворчливо оборвала дочь Марѳа Тимофеевна. — Клена передавала мнѣ, что ты не пожелала даже проводить

своихъ гостей, и исчезла куда-то, по обыкновенію. Очень мило и любезно со стороны именинницы, виновницы праздника. Нечего сказать! Ахъ, и когда ты только исправишься, Nadine! Надо же подумать объ этомъ дорогая!

«Дорогая!..» Скучающее выраженіе мигомъ исчезло съ рябого, смуглаго личика дѣвочки... Быстрымъ, ловкимъ движеніемъ, въ которомъ нѣтъ уже ничего неженственнаго и грубаго, Надя бросается на колѣни передъ матерью, схватываетъ ея руки, бѣлыя, прозрачныя руки съ тонкими пальцами, сплошь унизанными перстнями, и лепечетъ въ какомъ-то безумномъ восторгѣ, вся разгораясь румянцемъ и блестя своими темными, яркими глазами:

— «Дорогая»... «дорогая»... «дорогая»!.. О, мама! золотая моя мамочка! Какъ ты сказала это? О, повтори мнѣ это, мама! Голубушка мама! Скажи еще разъ: «Надя, дорогая...» Вѣдь ты любишь меня? Какъ Клену и Васю, любишь? Скажи мнѣ это! Скажи, скажи, мама, голубушка, милая, родная! Ты должна сказать!

Смуглое личико придвинулось теперь почти вплотную къ прекрасному, словно изваянному изъ мрамора, лицу матери. Большіе, яркіе глаза, черные, непроницаемые, какъ ночь, горятъ нестерпимо.

Но жена городничаго не любитъ ни этого страннаго блеска, ни этихъ быстрыхъ порывовъ у Нади. Въ нихъ что-то дикое, необузданное, а Марѳа Тимофеевна такъ далека отъ всего рѣзкаго, грубаго, неженственнаго. Надя—барышня, а первымъ достоинствомъ барышни должна быть скромность. Къ тому же огонь этихъ громадныхъ, обжигающихъ своимъ острымъ взглядомъ, глазъ невыразимо ярокъ: его просто боится Марѳа Тимофеевна. Въ этихъ глазахъ упрямство, своеволіе и отчаянная рѣшимость. И эти слова: «ты должна, мама!»— не есть-ли это высшая степень непочтительности къ

старшимъ, лучшее доказательство упорства и грубости?.. Она слишкомъ хорошо знаетъ Надю, эту непостоянную, взвинченную, капризную натуру, на которую можно только дѣйствовать строгостью и взысканіемъ, не иначе. О, эта Надя! Сколько еще съ нею предстоитъ неурядицъ и хлопотъ!

И, слегка высвободившись изъ цѣпкихъ, сильныхъ рукъ дочери, Марѳа Тимофеевна взглянула на нее пристальнымъ, холоднымъ взглядомъ, способнымъ заморозить всякій порывъ, и сказала ледянымъ, сдержаннымъ тономъ:

— Полно, Надя! Не глупи! Ты уже не маленькая и должна умѣть владѣть собою. Въ твои годы я была уже замужемъ и вела хозяйство. Пора бы и тебѣ заняться этимъ. Я отчасти довольна, что ты зашла ко мнѣ: мнѣ надо было сказать тебѣ, что съ завтрашняго дня я рѣшила дать тебѣ новую обязанность. Она займетъ тебя и отвлечетъ немного отъ твоихъ дикихъ скачекъ на Алкидѣ, которыя хотя и по душѣ твоему отцу, но не нравятся мнѣ. Завтра же ты примешь ключи отъ Натальи и будешь завѣдывать хозяйствомъ. Поняла?

О! Она слишкомъ хорошо поняла это, смугленькая дѣвочка съ темной косой, потому что лицо ея разомъ осунулось, глаза потухли. И никто бы не узналъ въ ней теперь той Нади, которая всего нѣсколько минутъ тому назадъ горѣла такимъ неизъяснимымъ, восторженнымъ порывомъ.

— Доброй ночи, маменька! — покорно произнесла эта новая Надя и приложилась губами къ блѣднымъ, хрупкимъ пальцамъ матери, унизаннымъ перстнями.

— Доброй ночи, дитя! — произнесла нѣсколько ласковѣе Марѳа Тимофеевна, подкупленная смиреніемъ и покорностью дочери. — Завтра ты начнешь свои новыя обязанности, а теперь ступай съ Богомъ!

И желая нѣсколько сгладить свою строгость, она притянула къ себѣ темнорусую головку съ тяжелой косой и поцѣловала дочь въ лобъ, на которой набѣжали тонкія, какъ ниточки, морщинки.

Это былъ чуть не первый поцѣлуй, полученный Надей отъ матери. Онъ проникъ въ самое сердце чуткой, впечатлительной дѣвушки.

— Завтра!—мысленно произнесла Надя, выходя отъ матери и направляясь по темной аллеѣ къ садовому домику.—Завтра!.. Но не будетъ этого «завтра»... По крайней мѣрѣ не будетъ здѣсь. Твой поцѣлуй, мама, твой первый поцѣлуй, будетъ и послѣднимъ. Чувствуешь-ли ты это, дорогая? Чувствуешь-ли, что твоя строптивая, злая Надя готовится нанести тебѣ помимо воли новую непріятность? Ахъ, мама, мама! зачѣмъ ты не любишь меня, какъ Клену и Васю? Можетъ быть, тогда мнѣ было бы легче выполнить задуманный планъ. Тогда, быть можетъ, я пошла бы на мой поступокъ хотя съ разбитымъ отъ печали и горя сердцемъ, но унося свѣтлое воспоминаніе о тебѣ!.. О, мама! Какъ жаль, что это не случилось!

Съ головою, наполненною этими думами, Надя миновала длинную аллею, ведущую отъ главнаго крыльца большого дома прямо къ низенькому крылечку садоваго домика, и взобравшись по шаткимъ ступенькамъ, толкнула входную дверь. Миновавъ темныя сѣни, она очутилась въ маленькой горницѣ, слабо освѣщенной сальной свѣчей, воткнутой въ старинный бронзовый подсвѣчникъ.

Дрожащее, трепетное пламя свѣчи играло на развѣшенномъ по стѣнамъ оружіи, придавая странный блескъ гладко полированной стали старыхъ дѣдовскихъ кинжаловъ, шашекъ, саблей и палашей. Между ними находилась и гусарская сабля отца Нади, отставного ротмистра, съ которой онъ не разлучался за время

своей прежней, походной жизни. Теперь эта сабля, какъ почетное напоминаніе о быломъ, висѣла на стѣнѣ крошечной горницы. Въ ней больше не нуждались. Она отслужила свою службу и могла отдыхать послѣ долгихъ трудовъ. На небольшомъ кругломъ столикѣ у окна были разложены подарки, полученные сегодня утромъ отъ родныхъ: чудесное сафьяновое сѣдло съ малиновымъ вальтрапомъ—подарокъ отца, и тутъ же деревянная кубышка съ 300-ми червонцевъ отъ него же; золотые часы—подарокъ маленькаго Васи, пріобрѣтенный имъ на собственныя карманныя деньги и до слезъ растрогавшій Надю; серебряная кружка отъ Клеопатры и, наконецъ, длинная, массивная золотая цѣпь, родовая цѣпь ихъ семьи, возложенная на шею именинницы руками ея матери.

— Носи, Надя, эту фамильную вещь съ уваженіемъ и вниманіемъ къ ней,—сказала при этомъ Марѳа Тимофеевна,—и помни, что человѣкъ, которому она принадлежитъ, долженъ быть достойнымъ нашего славнаго и честнаго рода.

Этотъ голосъ, эти слова еще до сихъ поръ звучатъ въ ушахъ Нади. Она словно чувствуетъ прикосновеніе холодныхъ золотыхъ звеньевъ къ своей обнаженной, по тогдашней модѣ, шеѣ... Потомъ взглядъ ея падаетъ на бѣлую, узенькую дѣвичью постельку, на развѣшанное по стѣнамъ оружіе, на всю скромную обстановку маленькой горницы, гдѣ она провела этотъ годъ по желанію отца, захотѣвшаго имѣть подлѣ себя свою любимицу, обойденную материнскою любовью. Самъ Андрей Васильевичъ не жилъ въ «большомъ домѣ»: его хлопотливая должность городничаго требовала частыхъ отлучекъ даже и въ ночную пору и, чтобы не тревожить своими поздними возвращеніями семью, отставной ротмистръ предпочелъ выбрать своимъ мѣстожительствомъ мезонинъ садоваго домика.

Надя, чувствовавшая себя связанной и стѣсненной подъ кровлей большого дома, за этотъ годъ, проведенный въ садовомъ домикѣ, какъ-то разомъ воспрянула духомъ. Этому способствовала немало близость отца, котораго она боготворила. И теперь, прислушиваясь къ его твердымъ шагамъ въ мезонинѣ (онъ вернулся сегодня раньше обыкновеннаго), она съ трепетомъ думала о томъ, что ей предстояло вынести, когда...

О, это «когда!..» Ужь скорѣе бы оно совершилось, скорѣе бы прекратилось несносное ожиданіе того, что неизбѣжно.

И невольная дрожь при мысли объ этомъ неизбѣжномъ охватываетъ все стройное тѣло дѣвочки. Глаза ея наполнились непрошенными слезами... Вотъ-вотъ она разрыдается сейчасъ горько, неудержимо...

И вдругъ ея затуманенный взглядъ упалъ на большую картину въ золотой рамѣ, висящую надъ ея кроватью.

На картинѣ изображена дѣвушка. На ней простая одежда деревенской пастушки. Вдоль спины спущены двѣ толстыя золотистыя косы. Но лицо дѣвушки такъ странно и необычайно. Оно какъ бы отмѣчено самимъ Провидѣніемъ. Въ выраженіи его что-то величественное, неземное, недоступное лицу простого смертнаго. И эта дѣвушка не простая смертная. Она героиня. Ея имя занесено на страницы исторіи. Это—знаменитая пастушка, великій полководецъ французской земли. Это безсмертная Жанна д'Аркъ, побѣдившая англичанъ и проложившая своимъ мечомъ дорогу къ трону молодому дофину Франціи. Она изображена здѣсь какъ-разъ въ ту минуту, когда ей слышатся священные голоса, призывающіе ее спасти родину. Оттого-то взоръ ея странно-прекраснъ и остръ, какъ у ясновидящей... Оттого и блѣдное лицо ея полно необычайнаго упоенія... Велика была судьба этой дѣвушки, двигавшей французскіе полки

однимъ взмахомъ своей слабой женской руки и сгорѣвшей на кострѣ по жалкому навѣту невѣжественныхъ дикарей.

И при видѣ этого дивнаго лица, этихъ странныхъ глазъ, слезы Нади изсякли. Она уже не плачетъ больше. Ея темные глаза такъ и впились въ картину, прикованные къ блѣдному лицу знаменитой пастушки. А въ ушахъ звенятъ знакомыя, милыя слова, сказанныя сегодня:

«Я люблю тебя за то, что ты такая смѣлая и отважная... не какъ другія!»

О, милый, маленькій, глупый Вася! Она-то смѣлая и отважная! Она—Надя!

Не оттого-ли, что она на полномъ скаку заставляетъ своего Алкида брать препятствіе? Или, не задумываясь, отправится въ ночную пору на кладбище, гдѣ подъ бѣлыми крестами мирнымъ сномъ покоятся мертвецы? Но вѣдь это ребячья отвага, о которой стыдно и говорить! А между тѣмъ, когда дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, когда надо пойти на нѣчто болѣе крупное, важное,—у нея, Нади, словно опускаются руки, холодокъ пробѣгаетъ по спинѣ и всѣ члены дрожатъ, какъ въ лихорадкѣ. Она испытываетъ страхъ, какой могутъ испытывать подобныя ей, вполнѣ обыкновенныя созданья...

Такъ нѣтъ-же! Нѣтъ! Она не хочетъ быть такою, какъ всѣ!..

Сколько разъ ея отецъ выражалъ сожалѣніе, что она родилась не мальчикомъ, могущимъ покрыть неувядаемой славой ихъ старинный дворянскій родъ. И онъ не зналъ тогда, дорогой, милый отецъ, что каждое его слово расплавленнымъ оловомъ вливалось въ ея пылкое сердечко и жгло своимъ нестерпимымъ горячимъ огнемъ.

— Да нѣтъ-же, нѣтъ!—упорно и настойчиво срывается теперь съ запекшихся губъ Нади, и громадные глаза ея загораются мрачнымъ огнемъ.—Прочь, нерѣши-

тельность, страхъ и женская слабость! Сама судьба предначертала мнѣ иную долю. И я буду тѣмъ, чѣмъ она указываетъ мнѣ стать. А ты, ты поможешь мнѣ,— поднявъ снова взоръ на бѣдную пастушку съ золотыми косами, добавляетъ она глухимъ шопотомъ,—ты поможешь мнѣ своимъ примѣромъ... Ты должна мнѣ помочь, Іоанна!

ГЛАВА III.

Въ послѣдній разъ.—Безъ возврата.

Ты еще не спишь, дочурка?

И рослая, сильная фигура Андрея Васильевича Дурова неожиданно выросла на порогѣ.

Это былъ далеко еще не старый человѣкъ, но уже значительно тронутый сѣдиною. Молодецкая осанка, длинные, съ замѣтной просѣдью усы, коричневая, съ золотыми шнурами венгерка—все это обличало въ немъ лихого кавалериста. Его сѣрые глаза, большіе и ласковые, съ любовью смотрятъ на дочь.

— Не ложишься еще, именинница?—ласково говоритъ онъ.—А я виноватъ передъ тобою, Надюкъ. Исчезъ съ твоего праздника, дѣвочка... Къ Парукину зашелъ по дѣлу... Надо было ему наставленія дать... А то опять пошаливать стали киргизы и башкиры. Расчухали, разбойники, что казаки вышли вчера изъ города, и сегодня же ночью постоялый дворъ Накипина разграбили... Главныхъ зачинщиковъ поймали, слава Богу. Теперь надолго отучатъ ихъ отъ грабежа... Вотъ по какому дѣлу замѣшкался твой старый папка. Ты ужь прости его, не гнѣвайся, Надюкъ!

— Ахъ, папа!—горячо сорвалось съ устъ дѣвушки,—какъ можете вы говорить такъ! Да вѣдь вы не знаете, какъ я...

Она не договорила. Спазма сжала ей горло, мѣшая докончить. Невыразимое волненіе охватило ее.

«Какъ онъ меня любитъ! Бѣдный, дорогой папа!—

тревожно выстукивало ея измученное сердечко.—А я-то... что готовлю ему!..»

И, сдѣлавъ надъ собою невѣроятное усиліе, смугленькая дѣвочка принудила себя ласково улыбнуться отцу. Но взглядъ ея остался тревожнымъ и вся она дрожала отъ волненія.

Андрей Васильевичъ уже успѣлъ замѣтить состояніе дочери, ея дрожащій голосъ, внезапную блѣдность, покрывшую встревоженное лицо.

— Что съ тобою, Надюкъ? Ты нездорова, моя дѣвочка? Ты вся дрожишь! Надя! Надя моя, говори же, что это съ тобою, ради Бога!

Съ трудомъ пересилила свое волненіе Надя и отвѣтила глухо, чуть слышно, едва владѣя непокорнымъ языкомъ:

— Мнѣ только холодно, папенька. Не безпокойтесь, я совершенно здорова.

И она прильнула къ его груди, пряча блѣдное лицо и мрачно горящіе глаза, наполненные теперь самой безысходной тоскою. Холодные шнуры и золотыя пуговки отцовской венгерки до боли впились въ ея похолодѣвшія щеки, такъ сильно она прижалась къ нимъ, стараясь заглушить этимъ иную боль, гораздо болѣе острую и мучительную—боль ея сердца.

— И въ самомъ дѣлѣ ты не въ себѣ, дочурка,—произнесъ съ замѣтной тревогой въ голосѣ Андрей Васильевичъ.—Не дай Богъ, захвораешь. Коли холодно, протапливать вели горницу, а нѣтъ, перекочевывай въ большой домъ. И то пора: октябрь близко. Вѣдь никто не неволитъ насъ жить въ этомъ курятникѣ... А только, не дай Богъ, заболѣешь, сейчасъ же мнѣ скажи, слышишь, дѣвочка? Береги себя ради твоего стараго папки... Не приведи Господь, случится что, вѣдь я мѣста себѣ не найду. Надюкъ ты мой, рябчикъ ты мой милый!—заключилъ отставной кавалеристъ съ необычайной нѣжностью въ голосѣ.

Онъ часто называлъ такъ въ шутку свою любимицу, намекая этимъ прозвищемъ на тронутое оспой личико Нади, и Надя всегда со смѣхомъ принимала отъ него эту шутку. Но теперь ей было не до смѣха.

То, что онъ говорилъ ей теперь, ея дорогой, ненаглядный папа, только больше и мучительнѣе терзало и безъ того истерзанную непосильными муками душу бѣдной дѣвочки. Ей становилось страшно при одной мысли, что станется съ нимъ, когда онъ лишится надолго, можетъ быть на-вѣки, своего Надюка-гусаренка, своего милаго «рябчика». А что, если ея поступокъ убьетъ, сведетъ въ могилу его—такого чуднаго, ласковаго, заботливаго, родного?

«О, Господи!—съ содроганіемъ думалось Надѣ,—все вынесу, все, только не это! Боже! Умоляю Тебя! Только не это! Ты, великій и милосердный, Ты избавишь меня отъ этого новаго ужаса! Ты не допустишь его! Господи, молю Тебя, сохрани его! спаси и помилуй!»

И до боли стискивая зубы, боясь разрыдаться, она все крѣпче и тѣснѣе прижималась къ отцовской груди, призывая къ себѣ на помощь все свое мужество и самообладаніе, которое, казалось, ускользало отъ нее все дальше и дальше.

И вдругъ быстрая какъ молнія мысль прорѣзала ея мозгъ.

«А что, если остаться? Что, если подчиниться своей скромной дѣвичьей долѣ и забыть безумное, влекущее ее неудержимо стремленіе вырваться на просторъ, на волю? Если покориться условіямъ судьбы и природы, сдѣлаться простенькой, тихенькой сарапульской барышней, какъ и сотни ей подобныхъ?»

И разомъ оторвавшись отъ груди отца, она заглянула ему въ глаза своими громадными, расширенными донельзя, горящими зрачками.

Вотъ оно—это милое, дорогое лицо, такъ безумно

Надя стояла на колѣняхъ передъ кресломъ...

любимое ею съ дѣтства; вотъ они—эти чудесные, ласковые глаза, которые такъ довѣрчиво и ясно глядятъ ей въ самую душу! И подумать, что въ слѣдующее же утро эти милые глаза, не встрѣтясь съ ея взглядомъ, можетъ быть сомкнутся на-вѣки!.. Что эта благородная мужественная голова не вынесетъ нанесеннаго ей удара, и эти дорогія уста никогда не произнесутъ ея имени! О!.. Нѣтъ, нѣтъ! Она не въ силахъ нанести этого удара ему—милому, ненаглядному, родному...

Что-то съ силой сжало грудь Нади, подкатилось къ самому горлу, не давая ни вздохнуть, ни опомниться... Мигъ... и она упадетъ къ ногамъ отца, обхватитъ его колѣни и разскажетъ ему все, все, заливаясь слезами раскаянія и горя...

Вдругъ, словно изъ тумана, выплываетъ передъ ней странная дѣвушка въ деревенскихъ сандаліяхъ, съ золотыми косами, небрежно раскинутыми вдоль спины. Глаза ея съ укоромъ и гнѣвомъ устремлены на Надю, уста шепчутъ чуть слышно, почти неуловимо:

«Такъ вотъ ты какая! Жалкая, ничтожная, слабенькая дѣвочка! И ты требовала отъ меня помощи, благословенія, отъ меня, которой недостойна завязать ремень на сандаліи! О, бѣдное, малодушное созданіе! Гдѣ тебѣ быть тѣмъ, къ чему влекло тебя твое ничтожное тщеславіе, твоя непомѣрная дерзость! Напрасно я повѣрила твоей клятвѣ, повѣрила дѣтскому лепету бѣднаго слабаго ребенка!»

«Нѣтъ, нѣтъ, ты не права, Іоанна,—мысленно воскликнула обезумѣвшая отъ стыда и отчаянія Надя,—ты увидишь, что я достойна твоего покровительства, клянусь тебѣ!»

Она какъ-то разомъ преобразилась. Куда дѣвались прежнее смятеніе, ужасъ и печаль? Глаза горятъ рѣшимостью и отвагой. Лицо смотритъ бодро, спокойно... Прежній трепетъ волненія исчезъ съ него безслѣдно.

Голосъ ея звучитъ твердо и смѣло, когда, повернувшись къ отцу, она говоритъ съ ласковой улыбкой:

— Не безпокойтесь обо мнѣ, папаша! Меня дѣйствительно знобитъ немножко... Усну, и все какъ рукой сниметъ къ завтрашнему утру.

— Ну, Христосъ съ тобой, дѣтка, ложись скорѣе. И впрямь, пожалуй, сонъ—лучшее лѣкарство,—произнесъ отецъ, поднимаясь съ кресла. И обнявъ дочь, онъ крѣпко поцѣловалъ ее въ обѣ поблѣднѣвшія щечки.

При этомъ прежнее волненіе снова вернулось было къ Надѣ.

«Въ послѣдній разъ!—произнесла она мысленно, цѣлуя благословлявшія ее руки.—Въ послѣдній разъ... Завтра это драгоцѣнное благословеніе получатъ Клена и Вася... а она... Надя... злая, непокорная Надя, самовластный гусаренокъ, милый «рябчикъ», Надя—его любимица... будетъ уже далеко, далеко...»

Но Андрей Васильевичъ не замѣтилъ новаго волненія дочери. Онъ еще разъ поцѣловалъ смуглое личико и, не обернувшись, исчезъ за дверью.

И хорошо сдѣлалъ, что не обернулся. Его Надя, его бѣдный, милый «рябчикъ», стояла теперь на колѣняхъ передъ кресломъ, на которомъ онъ только-что сидѣлъ и покрывала его старенькую кожаную обивку исступленными поцѣлуями, смѣшанными съ беззвучными слезами...

Иныя минуты въ жизни человѣческой кажутся вѣчностью. Такія именно минуты и переживала Надя, ползая на колѣняхъ вокругъ кожанаго кресла и покрывая поцѣлуями и слезами и самое кресло, и полъ горницы, гдѣ, казалось, еще оставались слѣды ея отца...

Наконецъ, уже слезъ не хватало. Ихъ точно выпило до капли измученное сердце смугленькой дѣвочки.

Она тяжело поднялась съ колѣнъ и, пошатываясь, подошла къ дубовому комоду, на которомъ стояло неболь-

шое круглое зеркальце. Пошаривъ въ комодѣ и почти ничего не видя отъ слезъ, она, наконецъ, подняла руки надъ головою. Какой-то небольшой блестящій предметъ блеснулъ въ ея пальцахъ... Мигъ... и тяжелая темно-русая коса скатывается, отдѣленная отъ головы дѣвушки, и, свернувшись змѣею, падаетъ на полъ...

Дрожащими руками срываетъ теперь съ себя Надя всѣ принадлежности своего дѣвичьяго туалета. Съ лихорадочной поспѣшностью выбрасываетъ она изъ комода широкія казачьи шаровары, высокіе, грубые сапоги, длиннополый синій чекмень, барашковую шапку съ алымъ верхомъ и алый поясъ. Все это какъ въ сказкѣ, словно по щучьему велѣнію, появляется передъ нею. Дрожащія руки плохо повинуются ей... Ихъ движенія судорожны, торопливы, даже пальцы сводитъ отъ волненія...

Только черезъ четверть часа, совершенно перерожденная своимъ новымъ костюмомъ, взглядываетъ она въ зеркало.

Въ синемъ чекменѣ, перетянутомъ въ таліи алымъ поясомъ, съ заткнутымъ за него оружіемъ, въ казачьей шапкѣ на коротко остриженныхъ «въ кружокъ» волосахъ, она ничего не имѣетъ общаго съ прежней Надей, дочерью сарапульскаго городничаго.

Ничего женскаго нѣтъ въ этомъ блѣдномъ лицѣ, такомъ юномъ и отважномъ.

Не больше 14 лѣтъ на видъ кажется ему—этому юному, стройному казачку-мальчику съ упрямымъ крутымъ лбомъ и темными, такъ и поблескивающими изъ-подъ черныхъ бровей, глазами.

И дивится невольному своему новому виду Надя. Какъ, однако, преображаетъ срѣзанная коса и мужская одежда!... Но ей нѣтъ времени раздумывать и мѣшкать.

Гдѣ-то недалеко отъ садоваго домика слышится шелестъ сухихъ листьевъ и ржаніе коня.

— Милый! Заждался меня! — тихо произносятъ губы Нади и впервые за этотъ вечеръ счастливая улыбка скользитъ по ея смуглому лицу.

Проворно беретъ она со стола кубышку съ деньгами и часы, погружаетъ то и другое въ глубокій карманъ казачьихъ, съ красными лампасами, шароваръ. Потомъ, еще разъ взглянувъ во вдохновенное лицо странной пастушки, Надя снимаетъ шапку, истово крестится широкимъ русскимъ крестомъ и безшумно проскальзываетъ за порогъ горницы...

Въ старомъ саду темно какъ въ могилѣ. Но знающей каждый его закоулокъ Надѣ не надо свѣта. Подъ ея ногами шуршатъ осенніе листья. Надъ головой радостно мигаютъ алмазныя звѣзды, а въ сердцѣ Нади борется безумная печаль съ радостнымъ сознаніемъ обрѣтенной свободы...

Миновавъ дубовую аллею и повернувъ за уголъ развалившейся бесѣдки, вокругъ которой мраморные фавны замерли въ прыгающихъ позахъ, Надя выходитъ на береговой обрывъ, гдѣ мѣрно катитъ свои темныя воды тихо плещущая и царственно-спокойная Кама.

— Алкидъ! — чуть слышно зоветъ дѣвушка и въ отвѣтъ ей звучитъ новое ржаніе коня, гдѣ-то ужь близко, совсѣмъ близко отъ нея, тамъ за кустами дикаго орѣшника, разросшагося въ изобиліи по уступамъ обрыва.

И въ ту же минуту двѣ темныя тѣни выступаютъ изъ темноты въ лунную полосу; тѣнь высокаго человѣка въ кучерской поддевкѣ и сѣраго въ яблокахъ статнаго коня, чистой карабахской породы.

Это конюхъ Ефимъ съ Алкидомъ — неизмѣннымъ другомъ и любимцемъ Нади.

— Ахъ, наконецъ-то, барышня! А мы ужь заждались васъ! — говоритъ онъ веселымъ шопотомъ. — Да куда же это вы собрались въ такую позднюю пору?

Ефимъ нисколько не пораженъ мужскимъ костю-

момъ Нади. Не разъ дворня видѣла въ немъ старшую барышню во время ея верховыхъ прогулокъ по сарапульскимъ окрестностямъ. Самъ городничій, выучившій верховой ѣздѣ дочь, подарилъ вмѣстѣ съ конемъ и весь казачій костюмъ своей любимицѣ, находя, что въ мужскомъ одѣяніи гораздо удобнѣе и легче держаться въ сѣдлѣ.

Не то удивляло Ефима, а позднее время, выбранное барышнею для верховой прогулки.

Еще до ужина Надя таинственно вызвала его изъ людской и приказала ему къ 12-ти часамъ ночи осѣдлать Алкида и ждать ее вмѣстѣ съ конемъ надъ обрывомъ, позади сада.

Онъ не посмѣлъ ослушаться молодой хозяйки, обѣщавшей ему къ тому же щедрое вознагражденіе. И Надя сдержала свое обѣщаніе: изъ тонкой дѣвичьей руки въ закорузлую грубую ладонь Ефима перешла цѣлая груда монетъ—и мѣдныхъ, и серебряныхъ.

— Слышишь, никому ни слова о томъ, что видѣлъ,— дрожащимъ голосомъ говоритъ она теперь чуть-ли не до земли кланявшемуся ей конюху.—Я на тебя надѣюсь, Ефимъ! А теперь ступай! Ты мнѣ больше не нуженъ.

— Да куда же вы собрались, барышня?—попрежнему недоумѣвалъ тотъ, хлопая глазами,—и скоро-ли вернуться изволите?

— Вернусь-ли скоро—не знаю, голубчикъ,—съ невольной грустью въ голосѣ произнесла Надя.—Я ѣду туда, гдѣ меня ждетъ счастье!.. Прощай же, старина! Не поминай лихомъ!

Быстро вскочивъ въ сѣдло съ легкостью настоящаго кавалериста, Надя легонько тронула ногами крутые бока Алкида и скоро ея стройная фигурка, слившаяся въ одно цѣлое съ силуэтомъ коня, исчезла во мракѣ осенней ночи.

ГЛАВА IV.

Недавнее былое.

СТУДЕНАЯ осенняя ночь Прикамскаго края широко раскинула свои черныя крылья надъ уснувшими окрестностями Сарапула...

Надя медленно подвигается впередъ. Она ѣдетъ шагомъ, чтобы не утруждать Алкида. Еще цѣлыхъ 50 верстъ придется сдѣлать въ эту ночь ея вѣрному другу. Внизу подъ ея ногами попрежнему катитъ свои глубокія воды темная Кама — младшая сестра красавицы-Волги. По ту сторону ея далеко чернѣютъ въ отдаленіи громадные силуэты лѣсовъ-исполиновъ сосѣднихъ Пермской и Оренбургской губерній. Въ ихъ темныхъ зарослях таятся зеленыя озера съ студеной и зеркальной поверхностью. Тамъ водятся разные дикіе звѣри и недобрые люди изъ кочевыхъ бродячихъ киргизскихъ племенъ. Но не туда держитъ путь отважная смуглая дѣвушка въ казачьемъ чекменѣ и барашковой шапкѣ. Ея путь лежитъ южнѣе, къ темному вятскому лѣсу, громаднымъ пятномъ чернѣющему передъ ней на горизонтѣ.

Тамъ, за этимъ лѣсомъ — цѣль ея путешествія.

Два дня тому назадъ вышелъ казачій полкъ изъ Сарапула, куда былъ прикомандированъ на лѣто для усмиренія башкирскихъ и киргизскихъ шаекъ. Надя слышала, что дневка полка назначена въ 50-ти верстахъ отъ Сарапула за этимъ темнымъ лѣсомъ, и она должна, во что бы то ни стало, примкнуть къ нему съ зарею.

Еще издали высокіе гиганты протягиваютъ къ ней

свои сучковатыя вѣтви-руки, и она въѣзжаетъ на своемъ конѣ подъ ихъ таинственно-мрачный пологъ.

Здѣсь, подъ покровомъ лѣса, наполовину оголеннаго въ эту позднюю осеннюю пору, дѣвушка совсѣмъ почти выпускаетъ поводья. Ей хочется отдохнуть, успокоиться немного. И понятливый конь тотчасъ же замедляетъ ходъ, угадывая желаніе своей юной госпожи.

Теперь она подвигается медленно, тихо. Одна рука, выпустившая поводья, упала на стройную шею Алкида, другая безсознательно перебираетъ его шелковистую гриву.

Глубоко задумалась Надя... Передъ нею проходитъ цѣлый рядъ картинъ, еще недавнихъ, но кажущихся теперь такими далекими, давно минувшими...

Передъ нею далекая, пыльная дорога... О, какой безконечной кажется она!.. Горячее солнце печетъ вовсю. Оно не знаетъ удержу, это лѣтнее солнце, такое яркое, безжалостно палящее.

По пыльной дорогѣ, ровно выстроившись въ стройныя, ровныя шеренги, скачутъ гусары. Взводъ за взводомъ, эскадронъ за эскадрономъ. Сколько ихъ! Не счесть... Между ними и она—Надя—крошечная, чумазая трехлѣтняя дѣвчурка, важно возсѣдающая въ сѣдлѣ своего дядьки, правофланговаго гусара Астахова. Съ самаго ранняго дѣтства Надя и не помнитъ иной няньки. «Асташъ» ходитъ за нею, «Асташъ» умываетъ и одѣваетъ ее по утрамъ, а вечеромъ укладываетъ на сонъ грядущій. Онъ, тотъ же неизмѣнный «Асташъ», первый учитъ ее читать «Богородицу» и складываетъ крохотныя ручонки на молитву. Онъ же, ради Надинаго удовольствія, машетъ затупленной на концѣ саблей передъ лицомъ дѣвочки, приводя ее въ восторгъ видомъ сыплющихся огненныхъ искръ... Онъ даетъ ей пистолетъ—пощелкивать, старый, заржавѣвшій пистолетъ, негодный къ употребленію, а по вечерамъ носитъ ее къ

музыкантамъ, которые передъ «зарею» играютъ всевозможныя штучки на потѣху «ротмистровой дочуркѣ», какъ называютъ бравые усачи-гусары свою общую любимицу Надю.

Да и нельзя не любить ея, этой чумазенькой, смѣтливой дѣвчурки, поминутно выкрикивающей своимъ дѣтскимъ звонкимъ голоскомъ слова кавалерійской команды:

— Эс-кад-ронъ, спра-ва по-три заѣзжай! Маршъ, маршъ!

И слушая этого крошечнаго командира, и полковникъ, и офицеры, и лихачи-гусары—все это помираетъ со смѣху.

— Ай да Надя! Ну, можно-ли не любить эту прелесть?! — говорятъ они, искренно любуясь занятнымъ ребенкомъ.

А между тѣмъ «кое-кто» не любитъ ея, Нади!

Тутъ-же въ походѣ «на маршѣ» ѣдетъ за полкомъ карета. Въ ней сидитъ молодая дама поразительной красоты. Это—Марѳа Тимофеевна Дурова, мать Нади, и она-то и не любитъ своей дѣвочки.

Еще до рожденія дочери прелестная молоденькая ротмистрша мечтала имѣть мальчика-сына, изящнаго и бѣлокураго, какъ маленькаго ангела. И вмѣсто него родилась Надя—смуглая, некрасивая, крикливая Надя, съ громаднымъ ртомъ и крупными чертами.

И Марѳа Тимофеевна, обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, не взлюбила ребенка. Къ тому-же ея дочь не отличалась кротостью и кричала съ утра до ночи, такъ-что ее пришлось взять изъ кареты и ввѣрить попеченіямъ фланговаго Астахова. Здѣсь она можетъ кричать и вертѣться до-сыта: Астаховъ чудо терпѣнія и боготворитъ ее. И сейчасъ, въ этотъ знойный лѣтній полдень, Надѣ не сидится спокойно въ солдатскомъ сѣдлѣ.

— Астасъ!—картавитъ она по-дѣтски,—я пляницка хоцу! Дай пляницка Надюсѣ!

И мигомъ появляется, Богъ-вѣсть откуда, медовый, порядочно-таки засусленный пряникъ и изъ закорузлой солдатской руки прямо переходитъ въ алый ротикъ темноглазой дѣвчурки...

Надя грызетъ пряникъ, а гусары идутъ себѣ да идутъ впередъ по пыльной дорогѣ, позвякивая стременами, поблескивая на солнцѣ серебряными ментиками да золочеными шнурами своихъ венгерокъ.

Ихъ однообразное шествіе усыпляетъ Надю... Пряникъ выскакиваетъ изъ дѣтской ручонки и падаетъ на дорогу. Темнорусая головенка склоняется на сильную солдатскую грудь и Надя засыпаетъ блаженно-сладкимъ сномъ золотого дѣтства...

. . . . . .

Новый мигъ—новая картина...

Небольшая уютная комната... Широкое окно, выходящее въ садъ... Подъ окномъ куртины и клумбы, сплошь засаженныя резедой, левкоемъ, душистымъ горошкомъ...

Душный іюльскій полдень близится къ концу. Косые лучи солнца проникаютъ въ окно и золотятъ темнорусую головку, склоненную надъ работой... Пчелы жужжатъ назойливо, однозвучно, носясь надъ куртинами сада. Отъ куртинъ поднимается душистая, пряная волна аромата. Она кружитъ темнорусую головку, мѣшаетъ сосредоточиться дѣтскимъ мыслямъ, отвлекаетъ отъ работы...

— Жжж!—жужжатъ пчелы,—вотъ охота сидѣть за скучнымъ плетеньемъ, когда все здѣсь въ саду такъ ярко, блестяще и красиво! Брось свои кружева, дитя! Выйди къ намъ, въ нашъ міръ тепла, воздуха, свѣта!

И смугленькая дѣвочка борется съ непреодолимымъ желаніемъ. Передъ ней безобразный валекъ, на которомъ вьется между двумя рядами коклюшекъ безконечная полоса кружевъ, неровная, грязная, захватанная дѣтскими ручонками.

Съ ненавистью смотритъ смугленькая Надя на злополучный валекъ, а пчелы вокругъ нея жужжатъ все назойливѣе и громче:

—Выйди! выйди къ намъ! у насъ такъ хорошо и привольно!

На этотъ разъ искушеніе слишкомъ сильно. Смугленькая дѣвочка бросаетъ тревожный взоръ на дверь, потомъ съ легкостью кошки вспрыгиваетъ на окно и черезъ минуту ея не по лѣтамъ высокая, тоненькая фигурка въ бѣломъ платьицѣ несется стрѣлой по аллеѣ, прямо навстрѣчу солнцу и свѣту, теплу, цвѣтамъ и пчеламъ... Вотъ уже она миновала цвѣтникъ и очутилась между кустами орѣшника, на крутомъ берегу Камы... Здѣсь, въ этой чащѣ, она съ тѣмъ-же неизмѣннымъ Асташомъ построила крошечную бесѣдку, носящую громкое названіе «Надинаго арсенала».

Теперь—увы!—Асташъ уже далеко. Ахтырскій полкъ продолжаетъ вести свою походную жизнь въ то время, какъ гусарскій ротмистръ Дуровъ—отецъ Нади—навсегда оставилъ строй и прежнихъ друзей, получивъ мѣсто городничаго въ уѣздномъ городѣ Сарапулѣ на Камѣ. Астаховъ ушелъ, а Надя осталась. Недѣлю только провелъ бравый гусаръ въ гостяхъ у своего ротмистра, а уже успѣлъ порадовать свою питомицу и выстроить ей этотъ «арсеналъ» на память о себѣ. Крошечная хижинка на берегу Камы сдѣлана по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Это настоящій крошечный арсеналъ съ игрушечными пушками, выдолбленными изъ дерева по образцу настоящихъ; а внутри арсенала скрыты всевозможныя сокровища; тутъ и старыя ржавыя пистоли, и такія-же сабли, и длинная винтовка, и разстрѣлянные патроны, и много, много подобныхъ вещей.

Надя совсѣмъ переродилась среди всѣхъ этихъ, милыхъ ея сердцу сокровищъ. Теперь уже никакъ нельзя признать въ этой маленькой отважной фигуркѣ прежней

сонливой дѣвочки, склоненной лишь какіе-нибудь полчаса тому назадъ надъ скучнымъ плетеньемъ. Съ разгорѣвшимися глазами, съ пылающимъ лицомъ, она машетъ тяжелой саблей надъ головою, щелкаетъ курками пистолетовъ и кричитъ рѣзкимъ, пронзительнымъ голоскомъ:

— Эскадронъ! Въ атаку! Маршъ, маршъ! — и несется съ дикимъ пламенемъ въ глазахъ отъ порога хижины прямо въ густо разросшіеся кусты орѣшника, махая своею саблею и отхватывая ею зеленыя вѣтки съ чуть намѣченными плодами.

Кусты хлещутъ по лицу дикую дѣвочку, царапаютъ ей шею и руки... Она отчаянно продирается сквозь нихъ, пылкая, порывистая, способная забыть цѣлый міръ въ своей упоительной игрѣ...

А по тропинкѣ, проложенной къ арсеналу, бѣжитъ уже толпа дворовыхъ дѣвушекъ, кричащихъ на разные голоса:

— Барышня, къ мамашѣ! Маменька гнѣваются! Извольте идти скорѣй домой.

И вотъ воинственный жаръ сразу исчезаетъ изъ сердца странной дѣвочки. Пистолетъ и сабля выпадаютъ изъ рукъ и, печально поникнувъ головою, она идетъ, окруженная торжествующимъ сборомъ всѣхъ этихъ Дашекъ, Акулекъ и Танекъ, туда, гдѣ ее ждутъ ненавистныя кружева, длинная нотація, брань, быть можетъ даже наказаніе.

. . . . . .

Темный лѣсъ, молчаливый и непроницаемый, какъ тайна, попрежнему окружаетъ своимъ тѣснымъ кольцомъ со всѣхъ сторонъ Надю... Алкидъ изрѣдка издаетъ продолжительное ржаніе. Надъ головою все то-же алмазное небо, осыпанное міріадами звѣздъ...

Темный лѣсъ надвигается все ближе и ближе... Онъ точно хочетъ завлечь и замкнуть юную всадницу въ свой заколдованный кругъ. Точно хочетъ заключить ее въ

заповѣдный тайникъ своего глухого, мертваго царства. Но смугленькая Надя не боится темнаго лѣса... Она ничего не боится—эта отважная, смѣлая дѣвочка, съ душою сильною, твердою,—не женской душой. Попрежнему спокойнымъ, мѣрнымъ шагомъ ѣдетъ она по узкой лѣсной тропинкѣ, сплошь покрытой шуршащимъ ковромъ опавшей листвы. Попрежнему тонкая ручка машинально теребитъ шелковистую гриву Алкида, а въ пылкой головкѣ одна за другой тянется вереница картинъ и образовъ недавняго былого.

Передъ ней свѣтлый, теплый іюльскій вечеръ. Полный благовоннаго аромата стоитъ онъ надъ Камой. У самой рѣки, на отлогомъ, заросшемъ сочной муравой, берегу, у пылающаго костра, сидитъ нарядное общество.

Поверхъ разостланной на травѣ скатерти разставлены закуски, вина, прохладительное питье. Общество преимущественно состоитъ изъ дамъ—хозяекъ лучшихъ домовъ Сарапула. Между ними и мать Нади. Тутъ-же подъ деревомъ и сама Надя, высокенькая не по лѣтамъ, десятилѣтняя дѣвочка, съ мрачными глазами и задумчивымъ лицомъ.

— Я не могу справиться съ этой дѣвчонкой,— слышится холодный, ровный, точно металлическій голосъ Надиной матери,—все въ ней грубо... невоспитанно... рѣзко... Мужъ сдѣлалъ ошибку, отдавъ ее воспитывать этому ужасному солдафону Астахову, и теперь мнѣ стоитъ много труда повернуть по-своему эту упрямую, своенравную натуру.

Надя понимаетъ о комъ идетъ рѣчь. Но ни стыда, ни смущенія не видно на ея смугломъ личикѣ. Она уже привыкла и къ постоянному недовольству матери, и къ выговорамъ, и даже къ наказаніямъ. Да и потомъ... виновата-ли она, Надя, что Богъ далъ ей не женскую душу? Виновата-ли, что съ колыбели только и слышала трубные звуки полкового марша, бряцаніе стремянъ и

сабель, что дѣтской постелькой служила ей круглая спина эскадронной «Матреши», нянькой—милый, незабвенный, дорогой Асташъ, котораго она никогда не забудетъ?

Если ей и больно и обидно сейчасъ, такъ только оттого, что опять затронули этого ея ненагляднаго Асташа, обидѣли его незаслуженно, обозвавъ «ужаснымъ солдафономъ».

Это онъ-то ужасный, онъ — ласковый и нѣжный, учившій ее всегда относиться хорошо и участливо къ людямъ? Онъ, отъ котораго она выучилась любить и понимать людей, жалѣть бѣдняковъ, сочувствовать несчастнымъ?..

И смугленькая дѣвочка дрожитъ отъ негодованія и гнѣва за своего далекаго друга. Глаза ея разгораются все ярче и ярче, лицо принимаетъ гнѣвное, отталкивающее выраженіе. Она разомъ дѣлается некрасивой, почти безобразной.

— Полюбуйтесь на нее, mesdames! Ну, не сущій-ли это волченокъ, право!—слышится снова холодный, раздраженный голосъ,—и кто скажетъ, что это моя дочь... Хороша, не правда-ли? Пришлось ее взять на прогулку сегодня, чтобы она, по своему обыкновенію, не выкинула какой-нибудь новой шалости, оставшись дома... О, я, несчастная мать!

И въ металлическомъ голосѣ дрожатъ нотки настоящаго отчаянія.

Но сарапульскія дамы не согласны съ мнѣніемъ Маріы Тимофѣевны.

Нѣтъ, нѣтъ! она не несчастная мать, она не можетъ быть несчастной, когда у нея есть Клена—этотъ бѣлокурый ангелъ съ картины Рафаэля, это благословеніе Божіе ихъ семьѣ, Клена, красавица Клена!

И сарапульскія дамы начинаютъ всячески хвалить бѣлокурую Клену, совершенно позабывъ о близости

смугленькой дѣвочки, угрюмо притаившейся въ сторонкѣ. А смугленькая дѣвочка такъ безконечно рада ускользнуть отъ общаго вниманія.

«А что, если?.. — прорѣзываетъ внезапная мысль десятилѣтнюю головку. — Что, если умчаться туда, въ эту чащу, которая такъ манитъ своимъ пріютомъ и прохладой? Вѣдь пройдетъ достаточно времени, пока эти дамы перестанутъ восхвалять достоинства Клены! Полчаса на восхваленіе, полчаса на закуску. И такъ, ей остается часъ. Цѣлый часъ свободы! О! она, Надя, отлично сумѣетъ воспользоваться имъ!»

И прежде, чѣмъ кто-либо спохватился, смугленькая дѣвочка уже далеко...

Темная зеленая чаща дала ей больше, чѣмъ обѣщала... Громадныя деревья точно упираются въ синее небо своими мохнатыми верхушками; синее небо ласково сквозитъ сквозь зеленое кружево листвы... Въ высокой сочной травѣ растутъ дикія маргаритки, рѣютъ крылатые кузнечики, изумрудныя букашки и Божьи коровки, похожія на рубиновыя капельки крови...

Надя вдыхаетъ въ себя ароматный запахъ смолы, бросается въ траву и лежитъ тамъ нѣсколько минутъ безъ мысли, безъ желанія, прижимаясь пылающимъ лицомъ къ сочной, прохладной муравѣ... Потомъ быстро вскакиваетъ на ноги, нагибаетъ къ землѣ гибкую вѣтку громадной плакучей березы, въ видѣ молчаливаго сторожа стоящей надъ дикимъ лѣснымъ озеркомъ, и, вскарабкавшись на нее, усаживается на вѣтвистомъ суку, низко склоненномъ надъ водою.

Все лицо ея свѣтится безумнымъ восторгомъ... Она вполнѣ отдается этому новому наслажденію. Она ликуетъ... Цѣлые дни, проведенные съ утра до вечера надъ скучными коклюшками или за чтеніемъ французской книжки, дни тоски, выговоровъ, наказаній — все забыто. Она точно и не Надя больше, а маленькій духъ

этого дикаго лѣса, съ его вѣковыми деревьями и зелеными озерками на каждомъ шагу.

Разъ! И она прыгаетъ съ наклонившейся подъ тяжестью ея тѣла вѣтки и опять бѣжитъ, путаясь въ высокой травѣ, падая и спотыкаясь, и опять поднимаясь, и опять падая, все дальше и дальше въ сонную чащу, густо заросшую, дикую, почти непроходимую на взглядъ... Голоса съ рѣки доносятся все глуше и глуше... Вотъ они почти затихли... Ихъ не слышно больше. Она одна теперь, совсѣмъ одна среди лѣсного царства, передъ лицомъ неба и лѣса, такого ласковаго, гостепріимнаго, веселаго...

Въ изнеможеніи падаетъ она въ траву, и разомъ засыпаетъ счастливымъ ребяческимъ сномъ, наполненнымъ радостнымъ роемъ самыхъ свѣтлыхъ и дивныхъ видѣній. За то пробужденіе ужасно... Открывъ заспанные глаза, она видитъ передъ собою мать, гнѣвную, разсерженную до послѣдней степени. А кругомъ недовольныя, усталыя лица... Они всѣ искали ее, считали погибшей, съѣденной волками, упавшей въ Каму. Хорошенькую прогулку, нечего сказать, устроила имъ эта несносная маленькая дѣвочка! И несносная маленькая дѣвочка получаетъ наказаніе, безпощадное, строгое, почти жестокое, и выноситъ его стойко, безъ слезъ и криковъ, свойственныхъ дѣтямъ ея возраста...

. . . . . .

Черная, черная сѣверная вятская ночь... Почти такая же, какъ эта, но еще чернѣе, еще непроглядиѣе... Ярко мигаютъ ласковыя звѣзды на далекомъ небѣ... На крыльцо дома проскальзываетъ маленькая фигурка въ неизмѣнномъ бѣломъ платьицѣ... Смуглое личико полно напряженнаго вниманія и тревоги... Она прислушивается съ минуту, держась рукой за косякъ двери...

Слава Богу, ни звука! Всѣ спятъ спокойно. И въ два прыжка бѣленькая фигурка минуетъ шаткія ступени

и несется по дубовой аллеѣ въ сторону домовыхъ построекъ и задняго двора.

Уже у самой конюшни—цѣли ея путешествія—кто-то настигаетъ бѣлую фигурку и чѣмъ-то влажнымъ и скользкимъ касается ея обнаженной руки.

Бѣлая фигурка вздрагиваетъ отъ неожиданности, пугливо озирается и вдругъ заливается тихимъ задавленнымъ смѣхомъ.

— Мустафа, Магометъ! Эхъ испугали, противные!

Два громадные, мохнатые дворовые пса съ тихимъ взвизгиваніемъ прыгаютъ вокругъ Нади. Одинъ изъ нихъ подскакиваетъ повыше и вмигъ облизываетъ все ея лицо своимъ горячимъ, влажнымъ языкомъ. Другой умильно обнюхиваетъ руку дѣвочки, въ которой та держитъ большую краюху хлѣба, густо посыпанную солью.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не для васъ!—говоритъ Надя и грозитъ пальцемъ.— Не для васъ—для Алкида. Да тише-же, негодные! Съ ногъ собьете!

Но собаки не унимаются. Онѣ своими дикими прыжками провожаютъ Надю до самыхъ дверей конюшни. Съ замираніемъ сердца отодвигаетъ она засовъ отъ дверей и входитъ въ стойло Алкида.

Мѣсяцъ тому назадъ привели этого дикаго красавца-карабаха на дворъ городничаго. Какъ сейчасъ помнитъ Надя общій восторгъ, вызванный появленіемъ чуднаго коня. Онъ никого не подпускалъ къ себѣ—этотъ статный дикарь, не знавшій, однако, до сихъ поръ узды и повода.

И вотъ его обуздали. Лихой кавалеристъ и безподобный наѣздникъ, Андрей Васильевичъ съ большимъ трудомъ усмирилъ дикаго черкесскаго скакуна.

Но за то благородный конь и повиновался одному только ротмистру.

Ему да Надѣ.

То, чего достигъ силой и плетью городничій, того

добилась одною ласкою и терпѣніемъ смуглая дѣвочка.

И ни одна душа не знала объ этомъ въ домѣ. Цѣлый день проводила Надя за своимъ плетеньемъ, усмиренная, притихшая на видъ. Марѳа Тимофѣевна понять не могла причины этой перемѣны съ дочерью.

— Слава Богу, образумилась наша Надя. Ничинаетъ позабывать свои гусарскія замашки,—говорила она не разъ Андрею Васильевичу.

Но Надя, присмирѣвшая съ виду, остается все тѣмъ-же дичкомъ въ душѣ, тѣмъ казакомъ-дѣвчонкой, тѣмъ-же гусарскимъ питомцемъ, какимъ была и раньше.

Умная дѣвочка поняла, что этимъ кажущимся смиреніемъ она можетъ добиться многаго, и по крайней мѣрѣ усыпить подозрительность матери и достичь своей цѣли. А эта цѣль наполняла теперь все существо Нади.

Съ той минуты, какъ она увидала дикаго карабаха, съ мечущими искры глазами, съ нервными ноздрями и распущеннымъ по вѣтру хвостомъ, она отдала ему всѣ свои дѣтскія думы, все свое маленькое сердце.

Вскочить на его сильную спину, тронуть крутые бока и нестись, подобно стрѣлѣ, выпущенной изъ лука, на гордомъ дикомъ скакунѣ съ быстротою вѣтра—вотъ о чемъ только и мечтала теперь отважная дѣвочка.

И мечта ея осуществилась... Каждую ночь, когда все затихало въ домѣ городничаго и погружалось въ сонъ, смугленькая дѣвочка проскальзывала тайкомъ изъ дѣтской, гдѣ крѣпкимъ, безмятежнымъ сномъ спали ея младшіе сестра и братъ, и прокрадывалась въ конюшню. Тамъ она ласково гладила Алкида, съ любовью разговаривала съ нимъ, задавала ему новый кормъ въ ясли, кормила хлѣбомъ съ солью, — любимымъ его лакомствомъ и всячески старалась угодить ему.

И конь, и дѣвочка отлично понимали другъ друга. Черезъ недѣлю, не больше, дикій карабахъ покорно выходилъ изъ стойла, ведомый въ поводу маленькой дѣт-

ской ручонкой. Надя подводила его къ скамейкѣ, стоявшей въ углу двора, и при ея помощи карабкалась на крутую спину Алкида.

Сначала медленно, потомъ все быстрѣе и быстрѣе кружилась она по просторному двору на послушно повиновавшемся ей четвероногомъ дикарѣ.

А еще черезъ недѣлю маленькая всадница поздней ночью безстрашно объѣзжала спящія крѣпкимъ сномъ окрестности Сарапуля...

. . . . . .

Черная ночь окутываетъ городскіе дома и сады своимъ темнымъ покрываломъ, а бѣленькая фигурка, точно вросшая въ сѣдло, носится по крутому берегу Камы, рискуя каждую минуту свергнуться вмѣстѣ съ конемъ въ холодныя воды сонной рѣки. Но самъ Богъ хранитъ маленькую всадницу съ ея конемъ. Усталая, но довольная и счастливая, передъ самымъ разсвѣтомъ только подъѣзжаетъ она къ дому... Но что это? Въ окнахъ его горятъ огни, мелькаютъ тѣни. Прислуга снуетъ по двору съ зажженными фонарями...

Очевидно ее ищутъ, ее хватились...

Сердце смугленькой дѣвочки екаетъ и замираетъ. Не наказанія боится она, нѣтъ! Ей страшно за будущее, страшно потерять эту прелесть полуночныхъ прогулокъ, страшно разлуки съ Алкидомъ, котораго она любитъ теперь больше всѣхъ и всего, послѣ отца, конечно.

— Барышня! Неужто-жъ это вы, матушка?

На лицахъ конюха Ефима и дворецкаго Потапыча написанъ самый неподдѣльный ужасъ.

Ихъ маленькая барышня такъ-же спокойно сидитъ на спинѣ «дьявольскаго коня», какъ они называютъ Алкида, какъ въ креслѣ. А между тѣмъ этотъ конь никого, кромѣ самого хозяина, не подпускаетъ къ себѣ! Поистинѣ адское навожденіе...

А ужь изъ дома къ заднему двору несется, безтол-

ково размахивая руками, цѣлая вереница Дашекъ, Танекъ, Акулекъ.

Надю снимаютъ съ сѣдла и торжественно ведутъ къ матери на судъ и расправу. Но на этотъ разъ ни суда, ни расправы не послѣдовало. Не наказывать-же ее въ самомъ дѣлѣ, какъ маленькую — эту тринадцатилѣтнюю дѣвочку съ ея почти сложившимся характеромъ, такимъ настойчивымъ и упорнымъ!

И когда преступница предстала передъ лицомъ своего грознаго судьи, — Марѳа Тимофѣевна только взглянула на нее своимъ острымъ стальнымъ взглядомъ и произнесла холодно, но спокойно:

— Ты неисправима. Къ сожалѣнію, я не могу болѣе сомнѣваться въ этомъ. Родительскій домъ тебѣ, должно-быть, не понутру, и поэтому съ завтрашняго-же дня ты отправишься къ бабушкѣ Александровичъ въ «Бидливыя кровки» и будешь жить тамъ до тѣхъ поръ, пока тоска по домашнимъ не вернетъ тебя къ намъ раскаявшейся и исправленной вполнѣ. А теперь ступай отъ меня, непослушная, негодная дѣвчонка!..

Но непослушная, негодная дѣвчонка стоитъ, какъ заговоренная, не дѣлая ни шагу. Чуткимъ ухомъ слышитъ она приближающіеся шаги... Да, да, слухъ не обманываетъ ея — это онъ! Отецъ... Его разбудили, встревожили, обезпокоили изъ-за ея исчезновенія.

Онъ входитъ въ своемъ старомъ бѣличьемъ халатѣ съ неизмѣнной трубкой во рту. Его лицо блѣдно и носитъ слѣды тревоги.

— Надя! Дѣвочка моя, что ты опять надѣлала?! Пойми-же, малютка: ты не мальчикъ. И мальчишескія замашки твои не могутъ радовать меня. Дитя! Дитя! Я самъ, видитъ Богъ, искренно желалъ имѣть старшаго въ родѣ сына, чтобы онъ со славой продолжилъ нашъ честный Дуровскій родъ, но разъ этого не случилось — не можемъ-же мы идти противъ судьбы, дитя! Надо

покориться! пойми-же меня, моя милая, злая дѣвочка!

Но злая дѣвочка ничего не понимаетъ. Она только знаетъ одно: ея счастье кончилось; взойдетъ солнце и она въ послѣдній разъ пожелаетъ добраго утра ему—дорогому, чудному папѣ.

И злая дѣвочка судорожно рыдаетъ тяжелыми не дѣтскими слезами, рыдаетъ оттого, что «Бидливыя кровки» будутъ такъ далеко, далеко отъ ея ненагляднаго папы, и оттого, что жестока судьба сдѣлала непростительную ошибку, создавъ ее дѣвочкой...

. . . . . .

Безоблачное, горячее и синее-синее, какъ исполинскій сапфиръ, повисло небо надъ роскошной, самимъ Богомъ благословенной Украиной... Небольшая, но глубокая рѣчка Удай, пересѣкая одинъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ Кобелякскаго уѣзда, струитъ свои прозрачно-зеленоватыя воды. Въ этомъ живописномъ уголку все такъ свѣжо, нѣжно и красиво: и бѣлыя, какъ снѣгъ, крытыя соломенными кровлями, хатки, особенно бѣлыя и чистыя благодаря хозяйственности и домовитости полтавскихъ хохлушекъ, и вишневые садочки, наполняющіе воздухъ одуряющимъ въ эту раннюю весеннюю пору ароматомъ своихъ цвѣтовъ, и степи, зеленыя степи, безъ конца и начала, съ чуть поднявшимися изумрудными хлѣбами. А надъ всѣмъ этимъ чуднымъ благоухающимъ югомъ цѣлое море золотыхъ лучей, такъ обильно и щедро разсылаемыхъ разнѣженнымъ солнцемъ мая.

Въ громадномъ дубѣ *) по узкому извилистому Удаю плыветъ Надя. Какъ она выросла и загорѣла! Сколько радостнаго возбужденія въ смугломъ, посвѣжѣвшемъ на вольномъ воздухѣ, личикѣ! Движенія ея увѣренны и ловки. Она умѣло править рулемъ, въ то время какъ четыре

*) Малороссійская лодка.

дѣвушки-хохлушки, принадлежащія къ обширной дворнѣ «Бидливыхъ кровокъ», мѣрными взмахами веселъ разрѣзаютъ быстрыя прозрачныя воды рѣки...

— Ой, панночку, лихо! — кричитъ быстроглазая Одарка, приставленная въ качествѣ горничной къ новой обитательницѣ «Бидливыхъ кровокъ». — На бродъ, на бродъ вгодили!

И тутъ же сильный толчокъ лодки заставляетъ подпрыгнуть на мѣстѣ молоденькихъ путешественницъ.

Онѣ, дѣйствительно, наѣхали на мель. Лодка покачнулась и сѣла, вонзившись въ глубокій рѣчной песокъ. Но это ничуть не нарушаетъ веселаго настроенія дѣвушекъ. И быстроглазая Одарка, и живая хорошенькая Хивря, и молоденькая Гапка съ двумя черешнями вмѣсто глазъ, да и сама Надя — все это хохочетъ весело, заразительно, звонко. Мигомъ сбрасывается тяжелая обувь съ стройныхъ дѣвичьихъ ножекъ и вся маленькая толпа проказницъ перебирается въ бродъ къ отлогому берегу, густо поросшему осокой.

Надя впереди другихъ. Ея лицо такъ и сіяетъ оживленіемъ. Простой посконный сарафанъ, вышитая рубаха, безчисленныя монисты на совсѣмъ черной отъ загара шейкѣ совершенно преображаютъ прежнюю сарупульскую барышню и мало отличаютъ ее отъ всѣхъ этихъ Одарокъ, Хиврей и Гапокъ, чумазыхъ и здоровыхъ деревенскихъ дѣвчурокъ. Со смѣхомъ бѣжитъ она впереди нихъ, босая, хохочущая, съ растрепанной вдоль спины косою. И вдругъ острый взглядъ дѣвочки замѣчаетъ нѣчто неподалеку рѣчного берега въ травѣ. Съ виду это совсѣмъ ничтожный блестящій глянцовитый шарикъ съ двумя зелеными, ярко горящими пуговками. Но Надя знаетъ и этотъ шарикъ съ двумя пуговками, знаетъ смертельную опасность, грозящую каждому, кто наткнется на него. Быстро наклоняется дѣвочка. Мигъ — и зеленое, тонкое, какъ лента, тѣльце гадюки судорожно

Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина

извивается кольцомъ, стиснутое за горло смуглой, тонкой рукою.

Теперь Надя съ тѣмъ же хохотомъ несется назадъ, прямо навстрѣчу своимъ деревенскимъ подружкамъ, все сильнѣе и сильнѣе стискивая своими тонкими пальчиками горло змѣи.

Хивря, Мотря, Одарка и Горпина шалѣютъ отъ ужаса и съ дикимъ крикомъ бросаются вразсыпную, подальше отъ отчаянной панночки и ея страшной плѣнницы.

А она такъ и помираетъ со смѣху, размахивая мертвымъ тѣломъ уже задушенной гадюки. Потомъ, сильно размахнувшись, она хочетъ бросить трупъ змѣи въ кусты и вдругъ, разомъ, замираетъ отъ неожиданности и изумленія.

Кусты осоки раздвигаются передъ нею и, какъ въ сказкѣ, нежданно-негаданно появляется среди нихъ черноглазый, кудрявый мальчикъ, почти юноша, лѣтъ 16—17 на видъ.

Но самъ черноглазый мальчикъ со своимъ загорѣлымъ, скорѣе симпатичнымъ, нежели красивымъ, лицомъ очень мало похожъ на сказочнаго принца. На немъ простая полотняная блуза и широкія малороссійскія шаровары навыпускъ. Лицо дышитъ здоровьемъ и привѣтливостью.

— Здравствуйте! — говоритъ черноглазый мальчикъ, —не бойтесь меня: ничего страшнаго во мнѣ нѣтъ.

— Я никого и ничего не боюсь и не боялась! —надменно обрываетъ его Надя и оживленное лицо ея разомъ принимаетъ выраженіе гнѣва и обиды.

— Ишь, какая храбрая! —насмѣшливо протягиваетъ юноша. —Ну, ну, ладно! Не злитесь! На меня никто никогда не злится. Вы, кажется, убили гадюку? Здорово! Въ первый разъ вижу, чтобы наши дѣвчонки занимались таковскими дѣлами! Ну, ну, не обижайтесь! —поспѣшилъ онъ прибавить, замѣтя непріятное впечатлѣніе,

произведенное послѣдними словами на его новую знакомую.—На меня, повторяю вамъ, нельзя злиться, я—само добродушіе. А зовутъ меня Сашей. Просто Сашей, а то и Сашей Кириакъ, если желаете. А ваше имя, сударыня?

— А меня зовутъ Горпиной, Грицкина Горпина изъ крайней хаты. Слыхали?—храбро солгала Надя и покраснѣла.

— Те-те-те! Меня не проведете! Знаю я, какая вы Горпина. Даромъ, что босоножка и загорѣли, какъ чумичка... И вовсе не Горпина вы, а панночка изъ «Бидливыхъ кровокъ»... Бабушки Александровичъ внучка! Правда?

— Ну, правда, если хотите!—согласилась Надя, и оба хохочутъ тѣмъ веселымъ, почти безпричиннымъ молодымъ смѣхомъ, который сближаетъ разомъ почти незнакомыхъ людей.

— А вы зачѣмъ это въ кустахъ прячетесь да поглядываете, а?—шутливо накинулась на своего новаго знакомаго Надя, вытирая выступившія отъ смѣха слезы на глазахъ.

— Васъ хотѣлъ посмотрѣть,—просто отвѣтилъ мальчикъ.

— Меня?—дѣлаетъ она большіе глаза.—Да что же я за особенная такая, что на меня смотрѣть ходятъ?

— А вотъ и выходитъ, что особенная. Вѣдь васъ сюда, говорятъ, на исправленіе прислали къ бабкѣ. Вы, говорятъ, изъ двухъ пистолетовъ разомъ стрѣляете и полкомъ командовать умѣете и саблей рубитесь, какъ гусаръ. Говорятъ, вы вашу маменьку очень огорчали и въ наказаніе васъ въ «Бидливыя кровки» запекли. Правда?

— И правда, и нѣтъ!—откровенно созналась дѣвочка, ничуть не смущенная его словами.—И изъ-за этого-то на меня и приходятъ смотрѣть, какъ на чудовище какое-то?—спросила она съ улыбкой.

— Признаюсь, изъ-за этого... А только, знаете-ли... Я разочаровался...

— Въ чемъ?

— Да не оправдываете вы моихъ ожиданій... Я думалъ что-то особенное встрѣтить... новую русскую Жанну д'Аркъ...

— Кого?

— Жанну д'Аркъ. Развѣ вы не слышали? Такая героиня была въ XV вѣкѣ, во времена старой Франціи... Она войскомъ командовала... знаете... а сама какъ простой солдатъ жила, на голой землѣ спала, хлѣбомъ да водой питалась. У меня о ней цѣлая книжка есть! Хотите, принесу? И картина о ней тоже...

«Жила какъ простой солдатъ... войскомъ командовала...—словно зачарованная, какъ въ чаду, повторяла Надя.—Такъ, значитъ, была же такая, что пренебрегла своей дѣвичьей долей и пошла противъ самой природы наперекоръ судьбѣ...»

— И что-же, добилась она чего-нибудь?—вся задыхаясь отъ волненія, спросила она своего новаго собесѣдника.

— Ну, понятно, добилась, враговъ-англичанъ разбила въ пухъ и прахъ, потомъ, съ мечомъ въ рукѣ, путь въ столицу, занятую непріятелемъ, проложила, для будущаго короля Франціи. А въ концѣ-концовъ сгорѣла на кострѣ, заподозрѣнная въ колдовствѣ...

— Стойте, стойте!—вся потрясенная до глубины души, въ безсознательномъ порывѣ и стискивая его руки, воскликнула Надя.—И эта дѣвушка-воинъ, какъ она дошла до того, какимъ образомъ почувствовала она свое призваніе?

— Во-первыхъ, вы не щиплите меня, пожалуйста,—спокойно произнесъ Саша, съ комической опасливостью отодвигаясь отъ своей новой знакомой,—а то вы сами не замѣчаете, какъ исщипали мнѣ руки; а во-вторыхъ,

Жанна еще въ дѣтствѣ слышала голоса подъ священнымъ дубомъ, призывающіе ее къ мечу и къ подвигу. Да всего вамъ и не разскажешь; лучше я вамъ книжку принесу сюда, или къ теткѣ вашей Злачко-Яворской, благо мы съ ней сосѣди по домамъ въ Лубнахъ. Вы, поди, ея племянницу, Людмилочку Остроградскую, еще не знаете?

— Не знаю.

— Напрасно! Добрая дѣвочка, даромъ, что гадюкъ не истребляетъ, и въ Жанны д'Аркъ не годится. Они въ Лубнахъ живутъ зимою. А лѣтомъ здѣсь... У нихъ вечера бываютъ... танцы... Гостей наѣзжаетъ много. Бабушка васъ навѣрное пошлетъ къ нимъ знакомиться. Туда и книжку принесу... А пока домой пора. Пять верстъ—конецъ не малый. Мама у меня взыскательная. Попадетъ, чего добраго...

— Такъ не забудете книжку?..

— Не забуду ужь! Прощайте, будущая Жанна д'Аркъ.

— Прощайте, Саша!

. . . . . .

Стройно и звучно льются нѣжные звуки стариннаго прадѣдовскаго экосеза... Мелькаютъ въ плавныхъ, красивыхъ движеніяхъ танца нарядныя пары юныхъ гостей. Низкіе поклоны, изящныя позы, граціозные реверансы и сіяющіе молодостью глаза и улыбки—все это сливается въ одну сплошную звучную гамму все наростающаго и накипающаго бурнаго веселья.

Домашій оркестръ богатой и гостепріимной помѣщицы Злачко-Яворской вылѣзаетъ, какъ говорится, изъ кожи, лишь-бы доставить удовольствіе своимъ исполненіемъ ласковой и тароватой хозяйкѣ. Тонкимъ голосомъ заливаются скрипки. Мощнымъ басомъ вторятъ имъ контрабасы.

Неподдѣльное веселье царитъ кругомъ. Кружева,

блонды, цвѣты—все это смѣшалось въ одно пестрое облако, закружившееся, завертѣвшееся въ упоительномъ танцѣ...

Безпечно-весело танцуетъ Надя. Ради нея да ради ея кузины Милочки Остроградской и устроила весь этотъ вечеръ ихъ баловница-тетка. Не узнать теперь Надю. Въ своемъ длинномъ воздушномъ платьицѣ, съ высокой модной прической, побѣлѣвшая, благодаря усиленнымъ заботамъ тетки Яворской, всѣми силами старавшейся свести загаръ съ лица смуглянки, Надя кажется теперь вполнѣ скромной и воспитанной барышней. По крайней мѣрѣ она ничуть не отличается манерами отъ своей кузины Милочки, танцующей визави съ какимъ-то высокимъ мальчикомъ-кадетомъ.

Надя танцуетъ съ Сашей. И онъ много измѣнился за этотъ годъ. Здѣсь, въ Лубнахъ, онъ уже не носитъ своей парусиновой блузы и высокихъ сапогъ. На немъ фракъ, жабо изъ кружевъ, на ногахъ щегольскія туфли съ блестящими пряжками.

Онъ успѣлъ близко подружиться съ Надей за это время. Цѣлый годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ встрѣтилъ босоногую панночку изъ «Бидливыхъ кровокъ» съ удушенной гадюкой въ рукѣ. Съ тѣхъ поръ уже Надя успѣла переселиться, по просьбѣ тетки Яворской, къ ней въ Лубны, успѣла пріучиться къ занятіямъ, приличнымъ молоденькой барышнѣ изъ старинной дворянской семьи. Надя отлично рисуетъ, немного поетъ, играетъ на клавикордахъ. Тетя Яворская не жалѣетъ труда и денегъ, чтобы перевоспитать своего «дичка», какъ она, смѣясь, называетъ дѣвочку. Къ ней и Милочкѣ, второй племянницѣ Яворской, круглой сироткѣ, приходитъ два раза въ недѣлю танцмейстеръ, единственный мастеръ своего дѣла въ ихъ Лубенскомъ захолустьѣ, и преподаетъ обѣимъ барышнямъ не легкую по тому времени науку манеръ, граціи и выдержки.

Теперь и сама Марѳа Тимофеевна не узнала-бы, пожалуй, въ этой степной, выдержанной барышнѣ своего отчаяннаго гусаренка—Надю. Но если по внѣжности она измѣнилась, то въ душѣ осталась тѣмъ-же казакомъ-дѣвчонкой, тѣмъ-же гусарскимъ питомцемъ, тою-же дикаркой. Еще ярче, пожалуй, разгорѣлось въ ней внутреннее пламя любви къ дикой мальчишеской свободѣ, лелѣянное съ дѣтства. Еще сильнѣе закипѣла буря въ душѣ, наполняя трепетомъ сердце этого страннаго, необычайнаго ребенка.

Саша Киріакъ сдержалъ данное годъ тому назадъ слово и принесъ тогда-же своей новой пріятельницѣ обѣщанную книжку объ Іоаннѣ д'Аркъ,—книжку и картину, изображающую героиню Франціи подъ священнымъ дубомъ. И Надя прочла эту книжку и... словно прозрѣла... Точно открылись духовные глаза дѣвочки и она поняла вдругъ то, чего до сихъ поръ не понимала. Поступокъ Іоанны сталъ разомъ доступнымъ и понятнымъ душѣ Нади.

«Если такъ поступила одна женщина,—думалось ей,—почему не можетъ поступить такъ-же и другая?..» Кто поручится за то, что судьба не готовитъ долю Іоанны ей—смугленькой Надѣ?.. Кто знаетъ: можетъ быть и ее влечетъ такое-же таинственное призваніе къ свѣтлому мечу, къ походу, къ военной и ратной жизни? Вѣдь не даромъ-же она, Надя, вздрагиваетъ отъ малѣйшаго звука военной трубы, недаромъ лицо ея покрывается краской, когда она видитъ солдатъ, вступающихъ въ городъ. Недаромъ ее кидаетъ то въ жаръ, то въ холодъ отъ одного только слова: «война... битва»...

И, можетъ-быть, самое ея дѣтство проведенное «на маршѣ», въ походѣ, служитъ преддверіемъ къ тому неизвѣданному и чудесному будущему, на которое она рѣшилась теперь пойти...

Рѣшилась-ли она? Такъ-ли?

О, да! Вполнѣ рѣшилась! Ея рѣшеніе безповоротно съ той самой минуты, какъ, вызванный ея пылкимъ воображеніемъ, предсталъ передъ нею впервые образъ скромной пастушки съ отважнымъ, вдохновеннымъ взоромъ и золотыми косами до пятъ.

А сегодня ея рѣшеніе стало окончательнымъ. За корсажемъ хранится письмо, полученное ею изъ Сарапуля,—письмо, въ которомъ ее зовутъ домой отецъ, мать, родные.

Вернуться домой и снова погрузиться въ мелкія заботы, снова гнуть спину за несносными коклюшками, выслушивать нотаціи матери, ссориться съ Кленой.

Нѣтъ! Нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ!

Нѣтъ, не для этой ничтожной дѣвичьей доли родилась на свѣтъ она—смугленькая Надя! О! Она достойна лучшаго жребія, и, если не сейчасъ по возвращеніи подъ родительскую кровлю, то черезъ годъ, черезъ два, черезъ три, наконецъ, а она докажетъ всѣмъ, всему міру, что сильная воля, отвага и мужество могутъ пересилить всѣ законы, всѣ пресловутыя условія природы. И, она, Надя, будетъ солдатомъ рано или поздно, потому что женская доля ее не привлекаетъ, а отталкиваетъ, потому что яркій примѣръ героини Франціи доказываетъ ей слабенькой 14-лѣтней дѣвчуркѣ—что и женская ручка можетъ держать тяжелый мечъ и владѣть имъ. И темнорусая головка гордо поднимается, въ то время какъ крошечныя ножки старательно выдѣлываютъ па экосеза.

— Саша,—говоритъ Надя, блестя разгорѣвшимися глазами,—какъ жаль, что нѣтъ войны теперь...

— А что?

— Я-бы съ восторгомъ вступила въ ряды добровольцевъ или повела войска, какъ Іоанна...

— Вы перепутали фигуру, маленькая чудачка!—говоритъ невозмутимо Саша, но сердце его бьетъ тревогу:

онъ слишломъ хорошо знаетъ своего друга, чтобы не понять, насколько серьезны ея слова.

О, этотъ смѣлый черноглазый, совсѣмъ особенный Саша! У него также не простая будничная душа. Надя успѣла узнать и полюбить его за это время. Если въ немъ нѣтъ того воинственнаго духа, которымъ обладаетъ она, Надя, то все-же и его душа, такая чуткая и прекрасная, несмотря на насмѣшливый умъ, таитъ въ себѣ неисчерпаемыя сокровища. Онъ, Саша, созданъ на пользу ближнихъ. Это видно по всему. Нѣтъ человѣка въ хуторѣ, который не благословлялъ-бы его. Онъ лѣчитъ больныхъ, заготовляетъ и сушитъ травы для цѣлебныхъ настоекъ. Онъ жаждетъ принести пользу человѣчеству, онъ—этотъ черноглазый насмѣшливый мальчикъ. И онъ добьется своего, онъ станетъ врачомъ. Его мать, богачиха и гордячка, желаетъ видѣть въ сынѣ умнаго степного помѣщика, которому она передъ смертью передастъ всѣ свои богатые хутора. Дѣло лѣкаря—наемное дѣло. Имъ занимаются бѣдняки. Оно не для ея единственнаго Саши... Но какое ему дѣло до этого?.. Онъ будетъ врачомъ или—не стоитъ жить и прозябать глупо, безцѣльно.

Такъ говорилъ онъ Надѣ и такъ поняла она его. Поняла и оцѣнила его твердую душу и смѣлое сердце, жаждущее добра.

И оба они, и онъ и Надя, такъ тождественны во многомъ, такъ похожи одинъ на другого въ своихъ безумныхъ порывахъ къ невозможному!

И теперь смугленькая дѣвочка, выступая подъ мѣрные звуки экосеза объ руку со своимъ другомъ, думаетъ свою вѣчную, свою единственную думу. Думаетъ и высказываетъ ее вслухъ.

— Пусть нѣтъ войны, все равно,—рѣзкимъ глухимъ голосомъ говоритъ эта странная дѣвочка.—Война не при чемъ. Можно вполнѣ быть отважной и смѣлой и въ мирное время. Не правда-ли, Саша?

Но Саша не успѣваетъ отвѣтить. Экосезъ переходитъ въ веселую, удалую польку. Бѣленькая, нѣженькая, какъ цвѣтокъ и быстрая, какъ птичка, Милочка Остроградская подбѣгаетъ къ Сашѣ и вертится съ нимъ въ головокружительной пляскѣ.

Смугленькая Надя остается на мѣстѣ и машинально смотритъ имъ вслѣдъ, не видя ихъ, тѣмъ пустымъ взглядомъ, которымъ она умѣетъ смотрѣть такъ часто. Смотритъ и шепчетъ беззвучно.

— Да, да, конечно! И я докажу имъ это, докажу во что бы то ни стало!

А скрипки заливаются попрежнему, смѣются и плачутъ въ одно и то-же время; тяжелые контрабасы гудятъ во-всю своимъ мрачнымъ, торжествующимъ басомъ.

И никто изъ нарядныхъ гостей, ни сама тетя Яворская, ни бѣленькая Милочка, похожая на цвѣтокъ и птичку, ни одна душа въ цѣлыхъ Лубнахъ, ни въ цѣломъ свѣтѣ не подозрѣваетъ мыслей смуглой дѣвочки, оставшейся стоять разсѣянной и спокойной среди общей сутолоки большой залы.

. . . . . .

Скрипки поютъ, словно смѣются, контрабасы гудятъ мѣрнымъ, глухимъ гуломъ...

Надя, задремавшая-было въ сѣдлѣ, вздрагиваетъ и открываетъ глаза...

Что это? Ни контрабасовъ, ни скрипокъ, ни Саши Кириака, ни бѣленькой Милочки, ни бальной залы. Вмѣсто нихъ слышатся какіе-то странные звуки. Но это не бальная музыка, нѣтъ! Это звучитъ рожокъ горниста...

Такъ и есть... Лѣсъ порѣдѣлъ, словно растаялъ; сквозь высокія деревья, составляющія его опушку, сквозитъ алое зарево зари... Кое-гдѣ сквозь кустарникъ можно разглядѣть группы коней, спѣшенныхъ казаковъ, ружья, поставленныя въ козлы...

Надя разомъ поняла, гдѣ она находится, и встрепенулась, какъ птичка, въ своемъ сѣдлѣ.

Долгая ночь и 50 верстъ разстоянія остались далеко позади за нею.

Картины минувшаго также отошли назадъ вмѣстѣ съ ними...

Она взглянула на небо, сняла шапку и истово перекрестилась, привѣтствуя эту первую зарю своей новой, смѣлой жизни.

ГЛАВА V.

На казачьей дневкѣ.—Полковникъ.

Итакъ, походъ нашъ выполненъ удачно. Самъ Матвѣй Ивановичъ *) не пожелалъ-бы ничего лучшаго... Хотя, правда, что тутъ труднаго разсѣять и прогнать двѣ-три киргизскія разбойничьи шайки?.. Мои молодцы, я увѣренъ, способны и на болѣе серьезныя побѣды... Такъ-ли я говорю, господа?

И бравый, еще далеко не старый полковникъ съ удовольствіемъ оглянулъ окружающихъ его офицеровъ, собравшихся къ завтраку въ просторную крестьянскую избу.

Тутъ были люди разныхъ возрастовъ, начиная отъ сѣдого, какъ снѣгъ бѣлаго, есаула и кончая молоденькимъ, совсѣмъ почти юнымъ хорунжимъ. Но на всѣхъ лицахъ, и молодыхъ и старыхъ, одинаково отпечатлѣлись удаль, мужество и храбрость.

— Что и говорить, Степанъ Ивановичъ, молодцы наши сумѣютъ постоять за себя,—подтвердилъ слова начальника увѣнчанный почтенными сѣдинами старый есаулъ съ широкимъ шрамомъ вдоль щеки—неизгладимымъ слѣдомъ турецкой сабли.—А вотъ только жаль, что негдѣ проявить имъ эту ихъ львиную храбрость. Мирный застой связываетъ крылья. А какъ на-зло, новое затишье не предвѣщаетъ войны.

— Ну, за этимъ дѣло не станетъ,—поглаживая свой

*) Знаменитый въ то время атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ, Платовъ.

Юный казачокъ смотрѣлъ смѣло и бодро...

сивый усъ и усмѣхаясь полными губами, произнесъ полковникъ Борисовъ, командиръ казачьяго полка.—Говорятъ, австрійцы не очень-то довольны новой опекой, навязавшейся имъ въ лицѣ корсиканца Бонапарта и, кто знаетъ, можетъ быть этотъ всемірный побѣдитель пожелаетъ продлить свою дерзость до конца и обратить на западъ свои алчные взоры... Аустерлицкій миръ заставляетъ думать о многомъ... да и всѣ поступки новаго героя говорятъ за то, что Европа можетъ всколыхнуться въ концѣ-концовъ и нашъ милостивый императоръ не откажетъ въ помощи сосѣдямъ пруссакамъ, къ которымъ, какъ уже слышно, подбирается этотъ выскочка.

— О, если-бъ это было такъ!—неожиданно сорвалось съ устъ молоденькаго хорунжаго и чарка съ крѣпкой запеканкой выскользнула изъ рукъ и со звономъ покатилась на полъ.

— Вотъ гдѣ молодая-то кровь сказалась!—весело разсмѣялся полковникъ, а за нимъ и всѣ офицеры, съ ласковымъ одобреніемъ поглядывавшіе на своего юнаго товарища.—Подожди, братъ Миша, и на нашей улицѣ праздникъ будетъ. Погоди малость, придемъ на Донъ, въ станицу, съѣзжу и въ Черкасскъ къ «наказному» *), авось и услышу отъ него пріятную новость о приказаніи усмирить зазнавшагося Бонапарта.

— Ахъ, если-бы такъ!..—блеснувъ глазами, произнесъ юноша.—Да я-бы, кажется...

Но юному хорунжему не суждено было выразить своего желанія. Дверь въ избу отворилась и высокій, плечистый, пожилой казакъ вошелъ въ горницу и почтительно остановился у порога.

— Что скажешь, братъ Вакула?—ласково обратился къ нему полковникъ.—Что скажешь, Щегровъ?

— Ваше высокородіе, — отрапортовалъ по-военному

*) Атаману.

бравый Щегровъ,—мальчонка тутъ прискакалъ, невѣдомо откуда. Съ вашимъ высокородіемъ, штобы это, безпремѣнно говорить желаетъ. Я ему и такъ и этакъ:—«Погоди, ихъ высокородіе, говорю, завтракать изволятъ съ господами офицерами. Не каплетъ надъ тобою»... Куды тутъ! Такъ и претъ. Вовсе диковинный парнишка, надо полагать, ваше высокородіе.

— Вольный?

— Никакъ нѣтъ. Одежа наша на емъ, а ужь гораздъ младешенекъ только. Сущее дите... А конь евонный, такъ я много коневъ перевидалъ, ваше высокородіе, а такого ни въ жисть.

— Да ну?!

— Ей-ей, ваше высокородіе, конь королевскій!

— Ну, такъ подавай намъ его сюда—твоего мальчонку!—весело произнесъ Борисовъ,—посмотримъ, что за диковинку такую прибило въ нашу сторону.

При послѣднихъ словахъ Степана Ивановича (такъ звали полковника) Щегровъ исчезъ такъ-же быстро за дверью, какъ и появился. Черезъ минуту его могучая фигура снова выросла на порогѣ. На этотъ разъ онъ вошелъ не одинъ. Смѣлымъ шагомъ, съ высоко поднятой головой, съ запыленнымъ и обвѣтреннымъ лицомъ, носящемъ на себѣ слѣды тревоги, вошла въ избу Надя, неузнаваемая въ своемъ казачьемъ нарядѣ.

— Откуда ты, малецъ? И что тебѣ надо отъ меня?—спросилъ, при видѣ этого юнаго казачка, полковникъ.

Юный казачокъ смотрѣлъ смѣло и бодро. Надя, казалось, нимало не смутилась, очутившись въ этомъ большомъ и чуждомъ ей офицерскомъ обществѣ. Отъ ея отвѣта зависѣла теперь вся ея будущность и она твердо помнила это. Смѣло поднятые на полковника глаза дѣвушки безъ словъ, казалось, молили о чемъ-то. И, поймавъ этотъ взглядъ, тревожный и молящій въ одно и то-же время, добрый Степанъ Ивановичъ почувствовалъ

какую-то невольную жалость въ сердцѣ къ молоденькому казачку и мягко, ласково обратился къ нему съ вопросомъ:

— Какого ты полка, мальчуганъ?

— Я не умѣю еще чести быть причисленнымъ къ какому-бы то ни было полку, господинъ полковникъ, — отвѣчалъ ему смѣлый голосокъ, — но именно для того-то и пріѣхалъ я къ вамъ — просить удостоить меня этой милости.

— Но развѣ ты не казакъ? — удивленно спросилъ полковникъ, въ то время какъ прочіе офицеры съ изумленіемъ разглядывали диковиннаго мальчика, одѣтаго въ казачій чекмень, по формѣ, какъ и подобаетъ истинному казаку.

Съ лица Борисова исчезла разомъ ласковая улыбка. Сивыя брови его нахмурились. Юный казачокъ казался ему теперь подозрительнымъ и страннымъ.

— Ужь не изъ бѣглыхъ-ли ты, малецъ? Не напроказничалъ-ли у себя въ полку, да и удралъ, чего добраго, изъ ставки и выискиваешь себѣ пристанища въ другомъ казачьемъ отрядѣ?

И онъ острымъ, проницательнымъ взглядомъ впился въ встревоженное лицо страннаго мальчика.

Вмигъ смуглыя щеки Нади покрылись краской негодованія, стыда. Глаза вспыхнули гнѣвомъ.

— Я русскій дворянинъ, господинъ полковникъ, — съ гордымъ достоинствомъ произнесла дѣвушка, — а не бѣглый казакъ, какъ вы думаете... Я нигдѣ еще никогда не служилъ, клянусь моей честью! Но я пришелъ просить у васъ этой милости, господинъ полковникъ...

— То-есть, какой милости? О чемъ ты... вы просите, молодой человѣкъ?

— Я прошу весьма немногого, господинъ полковникъ. Позвольте мнѣ дойти съ вашимъ полкомъ до мѣста, гдѣ квартируютъ регулярныя войска, чтобы поступить въ одинъ изъ нихъ товарищемъ *).

*) Товарищами называли юнкеровъ.

И, говоря это, Надя трепетала въ ожиданіи отвѣта. Бѣдной дѣвочкѣ было-бы очень трудно, почти невозможно пуститься одной въ такое трудное путешествіе. Мѣстность кишѣла кругомъ бродячими киргизскими шайками, да и Алкидъ ея нуждался въ хорошемъ стойлѣ и, несмотря на всю свою выносливость, требовалъ регулярнаго за собою ухода.

Полковникъ долго молчалъ, покручивая свой сивый усъ, не подозрѣвая, какъ въ эту минуту тревожно, болѣзненно сжимается подъ грубымъ сукномъ казачьяго чекменя бѣдное маленькое дѣвичье сердечко.

Наконецъ, онъ пристально взглянулъ въ глаза Нади своимъ острымъ, прозорливымъ взглядомъ и спросилъ:

— Но почему-же, юноша, ваши родители не отвезли васъ въ полкъ лично, а пустили скитаться одного по лѣснымъ трущобамъ, такого юнаго, почти ребенка?

При этихъ словахъ смуглое личико Нади вспыхнуло яркимъ румянцемъ. Между всѣми достоинствами дѣвушки было одно, чуть-ли не самое крупное изо всѣхъ, которое въ настоящую минуту значительно затрудняло ея положеніе: она не умѣла лгать. И теперь взглядъ ея, помимо воли, потупился въ землю подъ пристальнымъ взоромъ полковника и она нервно теребила бахрому своего алаго форменнаго пояса.

Это смущеніе снова непріятно подѣйствовало на присутствующихъ здѣсь офицеровъ. Полковникъ переглянулся съ есауломъ. Офицеры съ нескрываемой подозрительностью смотрѣли на страннаго мальчика со смущеннымъ лицомъ, очевидно скрывающаго какую-то тайну. И снова прежняя догадка мелькнула въ головѣ Борисова:

«И въ самомъ дѣлѣ, не бѣглый-ли казакъ передъ ними? Или, еще хуже того, какой-нибудь юный преступникъ, ушедшій изъ тюрьмы?»

И, не колеблясь больше, старый служака произнесъ вслухъ:

— Но послушайте, мальчуганъ, чѣмъ докажете вы искренность своихъ словъ?

— О! вы все еще не вѣрите мнѣ, полковникъ! — съ искреннимъ порывомъ вскричала Надя. — Но, клянусь вамъ, я не то, что вы думаете. Моя совѣсть чиста. Я ничего не сдѣлалъ дурного людямъ, ничего дурного или безчестнаго!.. Ну... да... конечно, ничего дурного, — въ смущеніи замялась она, — если не считать безчестнымъ то, что я тайкомъ ушелъ изъ родительскаго дома, такъ какъ отецъ и мать слышать не хотѣли о томъ, чтобы я поступилъ въ полкъ. О, господинъ полковникъ! умоляю васъ, помогите мнѣ! Возьмите меня съ собою! Я не долго буду докучать вамъ своимъ обществомъ! Мнѣ-бы только добраться до регулярныхъ войскъ. Прошу васъ, господинъ полковникъ!

Голосъ Нади дрожалъ и обрывался отъ волненія. Ея смуглое лицо дышало такой неподдѣльной искренностью, а глаза, полные слезъ, съ такою мольбою впились взглядомъ въ мужественное лицо стараго служаки, что не повѣрить ей уже было невозможно.

И полковникъ повѣрилъ. Повѣрили и офицеры.

— А мальчикъ-то, клянусь честью, говоритъ правду! — съ суровой ласковостью произнесъ сѣдовласый есаулъ, окидывая ободряющимъ взглядомъ юнаго казачка.

— Ты думаешь, Ермолай Селифонтычъ? — живо обратился къ нему Борисовъ.

— Ахъ, конечно, правду! — неожиданно сорвался съ мѣста молоденькій хорунжій.

Онъ все это время сидѣлъ какъ на горячихъ угольяхъ. Этотъ смугленькій мальчикъ въ казачьемъ чекменѣ сразу побѣдилъ его своимъ открытымъ, честнымъ лицомъ. Этотъ смугленькій мальчикъ, по мнѣнію Миши Матвѣйко (такъ звали семнадцатилѣтняго хорунжаго), не могъ лгать. Такъ чистъ былъ темный взглядъ его красивыхъ глазъ, такъ искренненъ и убѣдителенъ звукъ

его голоса, что молоденькій хорунжій, помимо воли, заговорилъ, обращаясь къ полковнику, своимъ молодымъ звонкимъ голосомъ, полнымъ мольбы и волненія:

— О, господинъ полковникъ! возьмите его! Ради Бога, возьмите! Вѣдь одному ему не добраться до войскъ... И, наконецъ, если вы не вѣрите ему, господинъ полковникъ, то дайте мнѣ его на поруки. Я вамъ головой ручаюсь, что это одинъ изъ честнѣйшихъ малыхъ, какого я когда-либо встрѣчалъ!

— Ого! — весело расхохотался полковникъ. — Нѣтъ, нашъ Миша-то каковъ, а? — подмигивая на расходившагося офицерика его старшимъ товарищамъ, говорилъ онъ. — Ну, будь по-твоему, Миша.

— Вы слышали, — обратился уже серьезно полковникъ къ Надѣ. — Вы слышали вашего ходатая? Оправдайте-же его и наше довѣріе, молодой человѣкъ! А я... я беру васъ съ собою.

— О, вы останетесь мною довольны, господинъ полковникъ! — поспѣшила отвѣтить Надя, съ благодарностью взглянувъ въ сторону юнаго хорунжаго, въ которомъ разомъ почувствовала будущаго пріятеля и друга.

— Ну, а теперь сообщите намъ ваше имя, молодой человѣкъ! — произнесъ уже много ласковѣе, очевидно, не колебавшійся болѣе въ ея искренности полковникъ.

Надя вздрогнула. Сказать имя — значило-бы открыться во всемъ. Вѣдь легко могло случиться, что кто-либо изъ окружающихъ ее офицеровъ могъ знать ея семью. Тогда надо было-бы сказать «прости» всему: и смѣлому замыслу, и новой долѣ, и вольной жизни, которая открывалась передъ нею во всей ея привлекательной свободѣ... Вѣдь узнай кто-нибудь изъ нихъ, что она дѣвушка, ее безъ всякихъ разговоровъ вернутъ домой, и тогда снова прежняя ненавистная жизнь съ плетеньемъ кружевъ съ утра до вечера, съ мелкими хозяйственными заботами и со всѣмъ прочимъ, что такъ глубоко претитъ ея пылкой

и вольной натурѣ, поглотитъ ее, затянетъ въ свою невылазную тину... И потому голосъ ея замѣтно дрожалъ, когда, смущенно окинувъ глазами все общество, она произнесла робко, чуть слышно:

— Моя фамилія—Дуровъ.

Слава Богу!.. Ни на одномъ лицѣ здѣсь сидящихъ офицеровъ не выразилось удивленія. Никому изъ нихъ, очевидно, не знакомо имя сарапульскаго городничаго.

— А ваше имя?—продолжалъ спрашивать полковникъ, уже съ явнымъ довѣріемъ и лаской поглядывавшій на отважнаго мальчика, стоявшаго передъ нимъ.

«Надя»...—хотѣла-было по привычкѣ отвѣтить Надя, но мигомъ опомнилась и прикусила языкъ.

Въ одну секунду, почему-то, передъ ея мысленными взорами промелькнулъ ясный, жаркій полдень въ Малороссіи... Узкій извилистый Удай... Толпа босоногихъ дивчатъ, улепетывающихъ отъ нея, панночки, или, вѣрнѣе, отъ страшной гадюки, извивающейся въ ея рукахъ, и въ раздвинувшихся прибрежныхъ кустахъ осоки—высокій, статный черноглазый Саша Киріакъ.

Гдѣ онъ теперь, этотъ необычайный, совсѣмъ особенный мальчикъ, который такъ пришелся по душѣ ей, Надѣ? Чувствуетъ-ли онъ, гадкій, милый насмѣшникъ, что его маленькая пріятельница добилась-таки своего? И задумавшись на минуту надъ милымъ воспоминаніемъ, Надя твердо произнесла, глядя своими черными честными глазами въ острые глаза полковника:

Мое имя Александръ, а по батюшкѣ—Васильевичъ.

— Ого!—вскричалъ, окончательно развеселившись, Борисовъ.—Да вы родились подъ счастливой звѣздой, Александръ Васильевичъ, нося имя безсмертнаго своего тезки *)! Отъ души желаю, чтобы хотя отчасти вы были похожи на него. Ну, а теперь, пожалуйте-ка къ намъ

---

* Суворовъ.

да закусите хорошенько. Вы, чай, устали съ дороги?.. Щегровъ!—приказалъ Борисовъ своему молодцоватому вѣстовому,—подыщи-ка конька между нашими запасными лошадьми для новаго казака.

— Ахъ, нѣтъ! пожалуйста, позвольте мнѣ остаться съ моимъ Алкидомъ,—живо воскликнула Надя, успѣвшая уже было усѣсться за столъ между сѣдымъ есауломъ и молоденькимъ хорунжимъ.—Я не могу съ нимъ разстаться ни за что на свѣтѣ!

— И то правда,—произнесъ Степанъ Ивановичъ,—у васъ вѣдь есть конь, юноша, и не конь даже, а восьмое чудо міра, если вѣрить Вакулѣ,—махнулъ онъ въ сторону Щегрова, все время стоявшаго на вытяжкѣ у дверей.

— Конь знатный, что и говорить, ваше высокородіе!—отозвался старый казакъ.

— О, да! мой Алкидъ—прелесть!—блеснувъ глазами, воскликнула пылко Надя.

— Браво, молодой человѣкъ, браво!—одобрилъ старый есаулъ, съ явнымъ сочувствіемъ оглядывавшій Надю изъ-подъ своихъ нависшихъ бровей во все время ея допроса.—Сильная привязанность къ лошади есть лучшая рекомендація кавалериста!

Онъ и не подозрѣвалъ, старый воинъ, какимъ яркимъ отзвукомъ прозвучала его похвала въ трепетномъ сердцѣ казака-ребенка.

— Ну, познакомьте насъ со своимъ сокровищемъ,—чуть усмѣхаясь подъ своими сивыми усами, добродушно произнесъ полковникъ.—Нѣтъ, нѣтъ, не теперь только,—проговорилъ онъ поспѣшно, видя, что Надя вскочила уже изъ-за стола, готовая бѣжать по его желанію.—Закусите какъ слѣдуетъ, чѣмъ Богъ послалъ, а въ это время и вашему коньку зададутъ корму. Не правда-ли, Щегровъ?—снова обратился онъ къ старому казаку.

— Такъ точно, ваше высокородіе! — отрапортовалъ тотъ и мигомъ скрылся за дверью, съ цѣлью исполнить приказаніе начальника.

Надя еще разъ благодарно взглянула на полковника и принялась за ѣду.

ГЛАВА VI.

Новый другъ.

СЕНТЯБРЬСКІЕ дни коротки и недолговѣчны... А первый день, проведенный Надей среди казаковъ, показался ей однимъ сплошнымъ коротким мигомъ... Офицеры какъ-то особенно задушевно и просто отнеслись къ новому товарищу. Они расхваливали ея Алкида и долго любовались молоденькимъ всадникомъ, съ легкостью птички впорхнувшимъ въ сѣдло... И во весь день не нашлось минуты у дѣвушки, чтобы какъ слѣдуетъ сосредоточиться на своемъ новомъ положеніи и вникнуть въ него. За то, когда незамѣтно подкравшаяся ночь снова окутала окрестность, когда во всѣхъ избушкахъ замелькали огни и послышалась громкая команда «на конь!», сердце Нади впервые сжалось въ груди.

Съ этимъ роковымъ «на конь!» все старое, прежнее, худое и хорошее, все, наполнявшее до сихъ поръ ея жизнь, какъ-бы разомъ отпадало отъ нея и уходило куда-то далеко, далеко...

«Еще не поздно,—говорилъ дѣвушкѣ какой-то внутренній голосъ,—одумайся, вернись! Подумай, что ждетъ тебя въ будущемъ! Сможешь-ли ты совладать со своей женской слабостью въ трудныхъ походахъ и на ратномъ полѣ? Ты, привыкшая спать на мягкой постели, ѣсть съ серебра, ты, нуждающаяся въ родной заботѣ и ласкѣ... Дитя! Дитя! Брось свои тщеславныя мечты, вернись въ отцовскій домъ, пока еще не поздно! Не для тебя, слабой, юной дѣвочки, почти ребенка, суровая доля солдата!»

— Что это, Боже мой! Я, кажется, колеблюсь, — съ ужасомъ спрашивала сама себя Надя. — Какой позоръ! какое малодушіе! Боже мой! помоги мнѣ, укрѣпи меня! Господи, поддержи хоть ты меня, ты, могучая, сильная, мужественная Іоанна!

Тутъ ея мысли были прерваны звукомъ сигнальнаго рожка, выигрывавшаго походъ. Къ нимъ присоединились трубы, послышалась мелкая, частая дробь барабана. И все это покрылось могучимъ и сильнымъ, уже знакомымъ Надѣ голосомъ, выкрикивающимъ мощнымъ басомъ слова команды: «Справа по три заѣзжай!» Сотни выстроились въ одну минуту, и весь полкъ стройнымъ шагомъ двинулся впередъ.

И въ ту-же минуту въ первыхъ рядахъ, гдѣ ѣхали пѣсенники и музыканты, послышались звуки заунывной казачьей пѣсни.

«Душа добрый конь»... — выводили сильные молодые голоса, и каждый звукъ, каждая строфа этой несложной, но глубокой по своему смыслу пѣсни невольно западала въ чуткую душу Нади. Что-то сладостно-печальное и въ то-же время безконечно-удалое чуялось въ ней. Она говорила, эта пѣсня, и о синемъ, тихо плещущемъ Донѣ, и о яркихъ пышныхъ станицахъ, тонувшихъ въ зелени виноградниковъ, и о черноокихъ казачкахъ, поджидающихъ своихъ мужей, отцовъ и братьевъ въ вольныхъ южныхъ степяхъ, поросшихъ золотистой пшеницей и кукурузой... Но больше всего звучала эта пѣсня любовью къ коню, этому вѣрному товарищу-другу каждаго казака. Ему-то и посвящалась она, этому безсловесному четвероногому товарищу по брани и походу, по ратному полю и мирной станичной жизни, дѣлившему съ своимъ всадникомъ и голодъ, и жажду, и трудъ, и усталость, и сладкій непродолжительный отдыхъ.

И Надя заслушалась пѣсни, ласково трепля рукою стройную шею своего ненагляднаго Алкида. Ей невольно

пришло въ голову, что эта пѣсня касается и ее, не менѣе, нежели другихъ. Единственное, что осталось ей ото всего родного и близкаго—это онъ, ея красавецъ-Алкидъ. Къ тому-же Алкидъ—послѣдній подарокъ отца.

«Бѣдный, дорогой отецъ! Какъ-то перенесетъ онъ тяжелый ударъ, нанесенный ему его Надей?»—съ тоскою думалось дѣвушкѣ, и горячія слезы жгли ея глаза и, скатываясь одна за другою по блѣднымъ щекамъ, падали рѣдкими каплями на шелковую гриву Алкида.

Темный осенній вечеръ мѣшаетъ окружающимъ казакамъ разглядѣть эти тяжелыя непрошенныя слезы ихъ молодого спутника. И Надя отдалась всецѣло во власть этихъ захватившихъ ее такъ внезапно тяжелыхъ слезъ.

«Что-то дѣлается теперь дома?—продолжаетъ думать съ невыразимой тоскою бѣдная дѣвочка,—что отецъ, Вася, Клена? Какъ отнеслись они къ ея поступку? Простятъ-ли они когда-нибудь ее, бѣдную, злую Надю?.. Что мать? О, должно быть она сильно разгнѣвана на нее! А папа?.. Родной мой!—мысленно обращается къ отцу смугленькая дѣвочка,—не кори меня, ненаглядный, милый папа! Прости меня и пойми, если можешь! О, папа! Ты поймешь, я знаю, ты долженъ меня понять, потому что ты такъ крѣпко любишь свою Надю... Папа.. папочка мой... не горюй, не плачь, ненаглядный... Каждая твоя слезинка камнемъ упадетъ на душу твоей дѣвочки... А ей предстоитъ еще такъ много испытаній впереди! Милый мой! Вѣрь, что никогда твоя Надя не сдѣлаетъ ничего дурного! О, папа мой! Папочка ненаглядный, ты жалѣлъ что не имѣешь первенца сына, который могъ-бы покрыть славой нашъ честный родъ! Клянусь тебѣ, папа, я буду имъ! Ты съ гордостью произнесешь когда-нибудь имя твоей бѣглянки-Нади... Я добьюсь этого, папа, ради тебя, Васи, ради безумной моей любви къ дорогой родинѣ... И Богъ поможетъ мнѣ!»

Тутъ уже Надя не могла сдерживаться больше. Низко опустилась она въ стременахъ и, обвивъ руками гибкую шею красавца-Алкида, залилась цѣлымъ потокомъ неслышныхъ, горячихъ слезъ.

— Что это, вы никакъ дремлете, Дуровъ?—послышался за нею звонкій, молодой голосъ, по которому она разомъ узнала своего недавняго ходатая—хорунжаго Матвѣйко.

Надя проворно смахнула слезы и взглянула на говорившаго. Выплывшая въ эту минуту изъ-за облаковъ луна освѣщала юное лицо офицерика, полное горячаго участія къ ней.

— Не грустите, Дуровъ,—произнесъ Матвѣйко, понижая голосъ до шопота, чтобы не быть услышаннымъ ближними рядами казаковъ.—Оно, конечно, сразу тяжеленько бываетъ... Вѣдь я то же пережилъ... А потомъ зато, какъ привыкнешь, чудо какъ хорошо!.. Просто въ отчаяніе приходишь, что черезъ 3—4 недѣли надо возвращаться домой и остаться на зиму до слѣдующаго похода *)... А какъ матушка убивалась, если-бы вы знали, Дуровъ, когда меня снаряжала въ военщину!.. Вѣдь мой батька—природный казакъ и я также долженъ служить въ казакахъ... Это нашъ старинный законъ въ Землѣ Войска Донского. И сестренка у меня есть, Дуровъ, красавица...

— И у меня есть... И братъ есть,—сразу оживилась Надя, почуявъ искреннее участіе въ словахъ юноши-хорунжаго.—Славный онъ мальчуганъ! Вотъ, если-бы вы увидали его, Михаилъ... Михаилъ...—и Надя въ нерѣшительности замолкла, не зная отчества своего новаго товарища.

— Эхъ, что тамъ за церемоніи,—разсмѣялся тотъ,—знаете что, Дуровъ, какъ придемъ на слѣдующую дневку,

*) Казаки не составляли въ тѣ времена постоянныхъ регулярныхъ войскъ и ихъ распускали въ мирное время.

выпьемъ запеканки на брудершафтъ, а пока зовите меня Мишей попросту, безъ затѣй. Вамъ сколько лѣтъ?

— Шестнадцать.

— Ну, а мнѣ семнадцать. Мы, значитъ, почти погодки съ вами и между нами церемоніи быть не должны. Я васъ просто Сашей звать буду... Можно?

— Ахъ, пожалуйста! — поспѣшила произнести Надя.

— И отлично! — обрадовался Матвѣйко. — А знаете, что у насъ въ станицахъ дѣлаютъ казаки, чтобы не очень скучать по родинѣ и дому? Берутъ горсть родной земли, зашиваютъ въ ладонку и носятъ на груди съ крестомъ вмѣстѣ. И мнѣ Даня-сестра такую ладонку сшила.

«А у меня ея нѣтъ! — мысленно произнесла съ сокрушеніемъ Надя. — Нѣтъ родной вятской земли съ собою... А кто знаетъ, можетъ быть судьба занесетъ далеко отъ нея и гдѣ-нибудь на чужбинѣ придется сложить буйную головушку»...

— А вы желали-бы войны, Миша? — внезапно обратилась она къ своему новому пріятелю, стараясь прогнать отъ себя печальныя мысли.

— Знаете, Саша, — произнесъ тотъ, и Надя поразилась выраженіемъ глубокой тоски, зазвучавшей вдругъ въ звукахъ его молодого голоса. — Я и хочу ея и нѣтъ — въ одно и то-же время. Я боготворю родину, царя... Но мнѣ жаль причинить горе матери и Данѣ... Если меня убьютъ... вѣдь я ихъ единственный покровитель, Саша... А меня убьютъ, навѣрное, я это знаю... На войнѣ меня ждетъ могила... Мнѣ бродячая цыганка нагадала: «погибнешь отъ вражеской пули»... Какъ вы думаете, можетъ-ли это быть правдой, Дуровъ?

— Вздоръ! — увѣренно произнесла Надя.

Этотъ молоденькій жизнерадостный мальчикъ все больше и больше привязывалъ ее къ себѣ. Его заботы о матери и сестрѣ трогали ее и располагали въ его пользу.

— Ну, вотъ, ну, вотъ, и я думаю тоже, — обрадовался, какъ-бы встрепенулся тотъ. — Меня всѣ дома зовутъ счастливчикомъ, и я впрямь счастливчикъ. Всѣ меня любятъ и всюду мнѣ хорошо — и въ полку, и въ станицѣ. Ужь и самъ не знаю, почему такъ...

«Да потому, что ты самъ славный, чуткій, хорошій, и другимъ такъ тепло и хорошо съ тобою!» — хотѣлось крикнуть Надѣ, но она только ласково кивнула юношѣ и произнесла потомъ, помолчавъ немного:

— Жаль мнѣ, что намъ не долго придется побыть съ вами, Миша. Наши пути расходятся. Вы вернетесь въ станицу, а я поѣду дальше. Не знаю, куда пошлетъ меня судьба... Но только я никогда не забуду васъ. Вы подошли ко мнѣ въ тяжелую минуту, когда меня грызла тоска, и своимъ участіемъ утѣшили и успокоили меня такъ хорошо, такъ добро. Спасибо вамъ, Миша! — и она крѣпко пожала небольшую, но сильную руку юноши.

— Ахъ, Дуровъ! — искреннимъ порывомъ вырвалось изъ устъ Матвѣйки. — Вы непремѣнно должны поѣхать къ намъ, погостить у насъ въ станицѣ. Всегда успѣете дойти до регулярныхъ войскъ. Теперь не война — мирное время, торопиться некуда. А какъ матушка-то будетъ рада, Даня! Вы ихъ полюбите сразу, Саша, я въ этомъ увѣренъ! А они-то съ васъ души не будутъ чаять, я ужь заранѣе знаю! Онѣ въ восторгѣ отъ храбрыхъ, а вы — сама храбрость, Дуровъ! Ну, кто изъ нашей молодежи рѣшится тайкомъ удрать изъ-подъ родительскаго крова и пробираться Богъ-знаетъ куда, въ невѣдомыя мѣста, къ невѣдомымъ людямъ? Я видѣлъ, какъ вамъ было тяжело при допросѣ полковника и какъ вы стойко перебороли и смущеніе и тревогу... А между тѣмъ, не сердитесь, но мнѣ кажется, вы не все сказали Степану Ивановичу, у васъ на сердцѣ лежитъ какая-то тайна... Не правда-ли, Дуровъ?

Надя ничего не отвѣтила, только кивнула головою.

Тайна... О, да, онъ не ошибся, этотъ прозорливый юный офицерикъ. У нея есть тайна, постоянная тайна, которая будетъ всю жизнь тяжелымъ ярмомъ лежать на ея душѣ. Зачѣмъ, тысячу разъ зачѣмъ она родилась не мальчикомъ?! Какъ легко и хорошо сложилась-бы тогда ея жизнь! А теперь, Богъ знаетъ, что ждетъ ее впереди. Но что-бы ни было, она, Надя, добьется своей цѣли, хотя-бы самой тяжелой, дорогой цѣною. Цѣною труда, терпѣнія, муки—все равно, не добьется!.. И она вся горѣла отъ волненія въ то время, какъ сердце ея наполнялось неясной тревогой и сладкимъ торжествомъ.

А полкъ все идетъ да идетъ впередъ...

Въ ушахъ попрежнему звучитъ та же за душу хватающая мелодія торжественной и печальной казацкой пѣсни... попрежнему черная ночь осѣняетъ природу своими властными крыльями, попрежнему, тихо побрякивая стременами, взводъ за взводомъ, сотня за сотней, идутъ казаки, унося все дальше и дальше за своимъ потокомъ смугленькую дѣвочку въ невѣдомую, темную, непроглядную даль...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Вербуночъ.—Красавчикъ Юзекъ.

МАЛЕНЬКІЙ, обычно грязный городъ Гродно сталъ почти неузнаваемъ. По узкимъ извилистымъ улицамъ бродятъ цѣлыя толпы уланъ, утопая по колѣно въ весенней грязи, въ разноцвѣтныхъ мундирахъ всевозможныхъ полковъ. Апрѣльское солнце весело играетъ на оправахъ ихъ сабель, на глянцовитой поверхности кожаныхъ кобуръ, привѣшенныхъ къ поясамъ, на высокихъ киверахъ съ серебряными значками. Уланы съ трудомъ передвигаютъ ноги, слегка пошатываясь и задѣвая прохожихъ. Впереди нихъ идутъ пѣсенники, приплясывая и выкрикивая веселые, удалые припѣвы. Имъ вторятъ трубы, неистово гудя своимъ оглушительнымъ басомъ. Передъ каждой такой толпой выступаютъ бравые молодцы въ разстегнутыхъ колетахъ, съ потными, красными отъ вина и возбужденія, лицами. Они едва держатся на ногахъ и выкрикиваютъ на разные голоса, надорванные и охрипшіе отъ натуги:

— Эй, бравые люди! Кто желаетъ записаться? Торопитесь! Времени мало! А жизнь солдата-кавалериста сущее наслажденіе. Сюда, къ намъ, господа! Времени

мало—желающихъ много... Что можетъ быть лучше кавалерійскаго житья!

Это—вербовщики изъ разныхъ полковъ нѣсколькихъ уланскихъ дивизій, присланные сюда для новобранцевъ. Они, по обычаю того времени, вызываютъ тѣхъ, кто желаетъ добровольно идти въ солдаты. На нихъ мундиры самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Это старые солдаты—видно по всему. На ихъ нетрезвыхъ лицахъ написана увѣренность и отчаянная удаль.

Окна нижняго этажа шинка *), помѣщавшагося на одной изъ главныхъ городскихъ улицъ, открыты настежь. Мимо нихъ поминутно снуютъ эти безпорядочныя толпы старыхъ и новыхъ вербовщиковъ и завербованныхъ. И все это пляшетъ, поетъ и бѣснуется въ какомъ-то безумномъ весельѣ.

У одного изъ оконъ стоитъ Надя. Она попрежнему въ синемъ казачьемъ чекменѣ и донской папахѣ. Она смотритъ на бѣснующуюся толпу безучастнымъ взоромъ, въ то время какъ мысли ея носятся далеко-далеко и отъ горланящей оравы, и отъ грязнаго Гродно, и его кривыхъ улицъ. Онѣ витаютъ тамъ, вокругъ Раздарской станицы и тихаго Дона, гдѣ она провела послѣднюю зиму.

Добрый полковникъ далъ ей пріютъ у себя въ домѣ: она проживала частью у него, частью у своего новаго друга—Миши Матвѣйко, гдѣ испытала настоящее мирное семейное счастье. Мать молодого Матвѣйки и его красавица-сестра дѣйствительно души не чаяли въ Надѣ. Миша не ошибся. Его товарищъ сумѣлъ завоевать себѣ общее расположеніе и любовь. И никто въ домѣ не подозрѣвалъ, что подъ казачьимъ чекменемъ скрывается дѣвушка, и уже одно это несказанно радовало Надю, такъ трепетавшую за цѣлость ея роковой тайны.

*) Питейный домъ, корчма.

Живя въ станицѣ, она цѣлые дни проводила въ степяхъ на берегу Дона, охотясь за всевозможною дичью или просто катаясь на своемъ Алкидѣ. Потомъ, когда выпалъ снѣгъ и рѣка застыла, дѣвушка проводила большую часть времени дома, среди гостепріимной и милой семьи Матвѣйко. И когда вернувшійся изъ Черкасска, отъ наказнаго атамана Платова, Борисовъ объявилъ ей, что онъ получилъ подъ команду Атаманскій полкъ, который не сегодня-завтра долженъ выступить въ Царство Польское,—Надя какъ будто даже опечалилась немного при мысли о разставаньѣ съ милой, такъ гостепріимно принявшей ее Донской землей. Трогательно было ея прощаніе съ Матвѣйко, въ особенности съ красивой, мечтательной, серьезной красавицей Даней, которая успѣла горячо привязаться къ юному казаку и полюбить его за кротость и какую-то, словно дѣвичью, чуткость.

Цѣлую зиму провелъ Атаманскій полкъ въ походѣ на безпрестанномъ маршѣ за рѣдкими остановками, и только весною Надя, вмѣстѣ съ остальными, попала въ Гродно. О, это Гродно! Дѣвушка почувствовала себя разомъ печальной и одинокой среди чужого, грязнаго мѣстечка, перенесенная сюда прямо изъ вольныхъ степей придонской станицы.

Борисовъ, окончивъ свое дѣло, ласково распростился съ ввѣреннымъ его попеченіямъ юнымъ казачкомъ и повелъ свой полкъ далѣе вглубь Польши на лѣтнія квартиры. И Надя осталась теперь одна, безъ друзей и поддержки, совершенно одна въ цѣломъ большомъ и страшномъ мірѣ.

Ея новые друзья—милый добродушный Миша Матвѣйко, котораго она успѣла полюбить ничуть не менѣе своего брата Васи, его красавица-сестра, подарившая такимъ искреннимъ участіемъ ее, Надю,—все это осталось тамъ, далеко отъ нея, у зеленыхъ береговъ тихо

плещущаго Дона. И Богъ знаетъ, увидитъ ли она ихъ когда-нибудь снова.

Передъ ея глазами кривыя грязныя улицы Гродно, ревущая, пляшущая, орущая толпа—этотъ дикій «вербунокъ», возмущающій своей пьяной удалью всю душу смугленькой дѣвушки...

Она готова уже отойти отъ окна, чтобы не видѣть этой расходившейся, разношерстной крикливой, толпы, какъ вдругъ рѣзкій, громкій голосъ коснулся ея слуха:

— Эй, пригожій паренекъ, не хочешь-ли завербоваться въ нашъ полкъ? Ей-ей, славное у насъ житье!.. Не житье, а масленица, прямо могу сказать. Удаль и забубенщина наша славятся на всѣ другіе полки... По рукамъ, что-ли, да и дѣло въ шляпѣ!

Надя съ невольнымъ ужасомъ отшатнулась отъ окна: передъ нею была всклокоченная голова и багрово-красное лицо какого-то пьянаго улана въ разстегнутомъ колетѣ. За нимъ стояло нѣсколько другихъ такихъ-же молодцовъ, очевидно уже завербованныхъ гулякой, и всѣ они выводили нестройными голосами какую-то удалую солдатскую пѣсню.

«Если нельзя инымъ путемъ поступить въ полкъ, какъ только черезъ эту безобразную вербовку,— такъ Богъ съ нимъ,—подумала съ невольной брезгливостью Надя,—придется подождать, не пройдетъ-ли какой-нибудь другой полкъ черезъ мѣстечко»...

Хорошо было такъ думать—только думать, но каково было ей ждать одной въ неизвѣстномъ чужомъ городѣ, почти безъ денегъ, такъ какъ взятая ею сумма, подарокъ отца приходила къ концу.

Въ ту минуту какъ она намѣревалась закрыть окно, на улицѣ въ собравшейся вокругъ харчевни толпѣ послышались крики: «Намѣстникъ *) идетъ,

*) Намѣстниками назывались главари вербунка.

намѣстникъ! Дорогу господину намѣстнику, эй вы, крикуны»!

Вся толпа разомъ притихла.

Къ группѣ подгулявшихъ уланъ подходило двое мужчинъ, одинъ въ полной уланской формѣ, съ мужественнымъ лицомъ не русскаго типа и съ аршинными усами, уже тронутыми сѣдиной, другой—юноша, почти мальчикъ, лѣтъ шестнадцати на видъ, съ растерянным, какъ-бы обиженнымъ выраженіемъ, поразительной красоты лица.

— Какъ дѣла?—обратился старшій изъ двухъ спутниковъ къ подгулявшему главарю группы.

— Идетъ, слава Богу. Есть, понятно, разные упрямые молодчики, которые предпочитаютъ сидѣть на печи и ѣсть кашу,—произнесъ тотъ, насмѣшливо взглядывая на Надю, стоявшую у окна,—но ихъ, благодареніе Богу, гораздо меньше, нежели желающихъ.

— А вы развѣ не желаете завербоваться, сударь?—вѣжливымъ тономъ обратился вновь прибывшій усачъ къ Надѣ.

Молодая дѣвушка, не ожидавшая этого вопроса, смутилась и покраснѣла.

— Если нѣтъ иного пути попасть въ полкъ, какъ этотъ,—произнесла она смущенно, указывая на волнующуюся на улицѣ толпу,—то признаюсь, у меня нѣтъ къ тому особенной охоты.

— Да кто-же вамъ говоритъ про этотъ путь!—расхохотался самымъ искреннимъ смѣхомъ офицеръ.—Вы можете записаться въ полкъ и безъ того, чтобы умащивать дурацкой пляской наши гродненскія трущобы. Для этого стоитъ только сходить къ ротмистру Казимірскому, который командуетъ однимъ изъ эскадроновъ коннопольскаго полка. Да вотъ, не угодно-ли присоединиться къ намъ? Мы съ моимъ юнымъ другомъ идемъ туда и съ этою же цѣлью. Желаете?

Надя не заставила повторять приглашенія. Черезъ

минуту она была уже на улицѣ и вмѣстѣ съ обоими спутниками храбро зашагала по грязной кривой улицѣ Гродно.

Путь ихъ оказался недолгимъ. Не больше какъ черезъ какіе-нибудь четверть часа бравый усачъ, отрекомендовавшій себя корнетомъ Линдорскимъ, и оба его юные спутника подошли къ большой корчмѣ, стоявшей на самой серединѣ городской площади.

Еще на порогѣ вновь прибывшіе были оглушены звуками самой отчаянной и безобразной музыки. Тутъ пищала волынка, пилила скрипка, бренчала гитара, трубилъ рожокъ, похожій по звуку на рогъ горниста, и все это покрывалось отчаяннымъ гуломъ турецкаго барабана.

Громадные клубы табачнаго дыма мѣшали видѣть, что дѣлалось въ корчмѣ. Вскорѣ, однако, глаза Нади немного привыкли къ этому сѣрому туману, стоявшему сплошнымъ столбомъ въ горницѣ, и она могла разсмотрѣть цѣлую толпу снующихъ, прыгающихъ и пляшущихъ подъ эту безобразную музыку людей.

Они, со своими разгоряченными отъ вина и пляски лицами, окруженные облаками дыма, скорѣе походили на чудовищъ или исчадій ада, нежели на обыкновенныхъ смертныхъ.

Одинъ изъ нихъ, великанъ по сложенію, быстро подскочилъ къ Надѣ и, прежде чѣмъ дѣвушка могла опомниться, схватилъ ее за руки и вовлекъ въ кругъ танцующихъ.

Но корнетъ Линдорскій, зорко слѣдившій за обоими юношами, взятыми имъ подъ свою защиту, бросился на выручку Нади и не безъ усилій вытащилъ ее обратно изъ круга.

А толпа, глядя на эту сцену, ревѣла отъ хохота, какъ безумная.

Съ трудомъ корнетъ Линдорскій и его юные спут-

ники пробили себѣ дорогу и очутились, наконецъ, на порогѣ крошечной комнатки, которую занималъ ротмистръ Казимірскій.

Это былъ еще не старый мужчина съ румянымъ лицомъ и живымъ взглядомъ острыхъ сѣрыхъ глазъ. Холеные съ просѣдью усы его были молодецки завиты въ колечки. Полныя губы улыбались привѣтливо и мягко. Какъ онъ, такъ и корнетъ были поляки, которыхъ среди офицеровъ полковъ, стоявшихъ на западной границѣ, въ особенности однако въ коннопольскомъ полку, было тогда много.

— Чѣмъ могу служить пану намѣстнику? — обратился ротмистръ съ изысканной вѣжливостью къ Линдорскому на польскомъ языкѣ.

— Вотъ, г. ротмистръ, — отвѣчалъ тотъ, — я привелъ къ вамъ моего юнаго друга, пана Юзефа Вышмирскаго. Его дядя, извѣстный вамъ панъ Канутъ, во что-бы то ни стало добивается чести видѣть юношу подъ вашей командою, на службѣ въ славномъ коннопольскомъ эскадронѣ.

— Добже (хорошо), — произнесъ Казимірскій съ ласковой улыбкой и кивнулъ молодому Вышмирскому.

— Чѣмъ могу служить пану? — снова обратился онъ къ Надѣ, принявъ и ее за молодого поляка.

— Я тоже добиваюсь чести поступить въ вашъ полкъ, — отвѣчала храбро по-русски молодая дѣвушка.

— Но вѣдь вы уже казакъ, если меня не обманываетъ зрѣніе, — произнесъ ротмистръ тоже по-русски, бросая на Надю одинъ изъ своихъ пронизывающихъ взглядовъ.

— О, нѣтъ, я казакъ только по одеждѣ, г. ротмистръ, — поторопилась отвѣтить та. — Моя фамилія Дуровъ, я русскій дворянинъ и еще нигдѣ не числюсь.

— Прекрасно! — произнесъ, покручивая свои выхоленные усы, Казимірскій. — Отнынѣ вы оба будете у мѣста. — И, переведя взглядъ съ Нади на Вышмирскаго,

добавилъ: — Вы оба будете служить во ввѣренномъ мнѣ эскадронѣ уланскаго коннопольскаго полка. Мы далеко не прочь пріобрѣсти такихъ славныхъ рекрутиковъ, не правда-ли, панъ намѣстникъ?

— Совершенно вѣрно, г. ротмистръ, — отвѣтилъ тотъ.

Судьба Нади была рѣшена.

Она горячо поблагодарила Казимірскаго и вышла изъ адской корчмы, гдѣ все еще бѣсновалась, шумѣла и плясала обезумѣвшая въ своемъ дикомъ веселье толпа.

— Не знаю, какъ благодарить васъ, г. корнетъ, — очутившись снова на улицѣ, обратилась Надя къ своему старшему спутнику.

— Не стоитъ, молодой человѣкъ, — произнесъ ласково Линдорскій. — Служите только хорошенько, чтобы вполнѣ оправдать довѣріе начальства. Ротмистръ Казимірскій отличный служака и вступить подъ его начальство — большая честь. Я радъ за васъ и за пана Юзефа.

Но юный панъ Юзефъ, казалось, нимало не раздѣлялъ этой радости. Его тонкое прекрасное лицо было полно не то задумчивости, не то грусти. Синіе глаза смотрѣли спокойно и равнодушно. Алыя губы были плотно сжаты. Онъ оставался, очевидно, совершенно безучастнымъ и къ словамъ корнета, и къ своей новой участи — этотъ красавецъ-мальчикъ.

— А знаете, юноша! — неожиданно произнесъ Линдорскій, обращаясь къ Надѣ. — Вѣдь намъ съ вами надо бы чѣмъ-нибудь ознаменовать столь блестящее и скорое устройство дѣла. Можно сказать, что вы по щучьему велѣнію попали въ лучшій изъ нашихъ конныхъ полковъ. За это слѣдовало бы сорвать съ васъ порядочный кушъ...

— О, что касается этого, — поспѣшила отвѣтить Надя и неожиданно смутилась, — то... я... я... увы! смѣю только безконечно благодарить васъ, г. корнетъ... такъ

какъ...—И она окончательно замолкла, растерянная и красная, какъ ракъ.

И было чего смущаться бѣдной Надѣ. Она поняла слова намѣстника буквально. Слѣдовало отблагодарить его такъ или иначе: распить съ нимъ по тогдашнему обычаю новобранцевъ бутылку-другую стараго, хорошаго вина, а между тѣмъ въ карманѣ ея слабо позвякивали лишь два оставшіеся червонца—послѣдняя капля прежняго богатства. Ихъ врядъ-ли бы хватило на самый скромный ужинъ съ намѣстникомъ.

Послѣдній искренно расхохотался при видѣ смущеннаго и испуганнаго лица Нади. Улыбнулся, очень вяло впрочемъ, и юный красавчикъ Юзикъ.

Надя окончательно смутилась и растерялась отъ этого смѣха.

— Ха-ха-ха! Нѣтъ, слышите-ли? Это безподобно!—хохоталъ Линдорскій, — Юзефъ, мой мальчикъ, нѣтъ, каковъ! Онъ принялъ мои слова за чистую монету!.. Но успокойтесь, дитя! Вы не такъ меня поняли. Ей-Богу! Панъ Линдорскій не беретъ взятокъ... Это было-бы не по-солдатски, чортъ побери! Я жду отъ васъ вознагражденія нѣсколько иного рода. Видите-ли,—разомъ дѣлаясь серьезнымъ, заговорилъ онъ,—я—большой пріятель пана Канута, дяди этого молодчика,—и онъ скосилъ глаза въ сторону Вышмирскаго,—и панъ Канутъ просилъ меня поберечь его племянника. Онъ, въ сущности, такой-же ребенокъ, какъ и вы, не во гнѣвъ вамъ будь сказано, г. казакъ. А поэтому не согласитесь-ли вы въ походѣ да и на стоянкахъ составить общество моему юному другу? Все-же вдвоемъ ему будетъ не такъ скучно. Онъ, собственно говоря, прекрасный малый. Сердце у него золотое. Только ужасно не понутру пришлось ему походное житье. А что подѣлаешь, когда у дядюшки Канута свой собственный взглядъ на это дѣло? Видѣть племянника кавалеристомъ—мечта его жизни.

Вы, Дуровъ, молодчина хоть куда, это видно по всему, и выглядите много отважнѣе нашего нѣженки,—тутъ корнетъ ласково подергалъ нѣжное ушко Юзефа,—послужите-же ему примѣромъ въ стойкости и отвагѣ. И то, и другое необходимо какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Помогите ему, Дуровъ, и я буду вамъ признателенъ за это. У васъ такое мужественное, энергичное, несмотря на юность, лицо; вы, вѣроятно, храбры и выносливы, какъ спартанецъ. Сдѣлайте изъ Юзьки такого-же спартанца, и вы отплатите мнѣ сторицей за мою ничтожную услугу, оказанную вамъ. Поняли-ли вы меня, мой мальчикъ?

— Понялъ, г. корнетъ, и не замедлю исполнить ваше желаніе,—бойко отвѣчала Надя, съ самымъ веселымъ видомъ глядя въ лицо корнета.

Вся грусть дѣвушки разомъ куда то исчезла: ей было и весело, и смѣшно въ эту минуту. И въ самомъ дѣлѣ, не забавную-ли шутку сыграла съ ней проказница-судьба? Ей—слабенькой, юной дѣвушкѣ—довѣряли на попеченіе большого мальчика, почти юношу, ввѣряли его ея охранѣ и защитѣ... О, если-бы онъ зналъ, тотъ-же корнетъ Линдорскій, какого покровителя пріобрѣталъ въ ея лицѣ красавчикъ Юзекъ!

И это пустяшное обстоятельство вдохнуло, казалось, новый запасъ энергіи и бодрости въ юное и смѣлое существо Нади.

— Ну-съ, панъ Юзефъ,—весело обратилась она къ юношѣ,—вы слышали, что говорилъ г. корнетъ, а потому извольте отнынѣ повиноваться мнѣ безпрекословно. Я стою на квартирѣ въ Мовшиной харчевнѣ, не угодно-ли вамъ перекочевать ко мнѣ съ сегодняшняго-же дня, новый товарищъ?

— Хорошо, будь по-вашему,—тѣмъ-же безучастнымъ тономъ отвѣчалъ Юзефъ и лицо его попрежнему выражало не то апатію, не то грусть.

— Ну, и отлично! Молодецъ вы, Дуровъ! По всему видно! — похвалилъ Надю Линдорскій. — А теперь вамъ надо идти въ швальню, гдѣ васъ одѣнутъ въ полную уланскую форму. Не хотите-ли, чтобы я послѣдовалъ за вами?

— Разумѣется! — весело воскликнула Надя.

Панъ Линдорскій ей нравился все больше и больше своей живостью и неподдѣльнымъ весельемъ, такъ и бившимъ ключомъ.

И всѣ трое снова замѣсили жидкую весеннюю грязь, бодро шагая по кривой узкой улицѣ, ведущей къ кварталу, занятому подъ стоянку коннопольскимъ уланскимъ полкомъ.

ГЛАВА II.

Первыя терніи.—Письмо на родину.

НѢТЪ, это невозможно! какая пытка! Ну, не нелѣпость-ли со стороны дяди Канута запрягать меня въ ярмо, какъ лѣниваго вола!

И блѣдный, измученный Юзикъ Вишмирскій выпустилъ тяжелую пику изъ рукъ и въ изнеможеніи опустился на мягкую весеннюю траву, обильно покрывающую широкій плацъ, гдѣ производились военныя упражненія новобранцевъ.

Полковой дядька, взводный Спиридоновъ, обучавшій строю и военной выправкѣ всѣхъ завербованныхъ конно-польскимъ отрядомъ и въ томъ числѣ нашихъ героевъ, Надю и Вышмирскаго, съ нескрываемой жалостью взглянулъ на статнаго, бѣленькаго, какъ сахаръ, уланчика, которому было не подъ силу выполненіе трудныхъ солдатскихъ пріемовъ.

— Эхъ, сердешный! сидѣть бы тебѣ у маменькиной юбки, а то нѣтъ, полѣзъ въ солдатчину, туда же! Ужь какая тебѣ, сударь, служба!—въ чемъ душа держится, а онъ, на тебѣ, солдатъ тоже!

И бравый взводный даже рѣшительно сплюнулъ въ сторону, что означало у него крайнее негодованіе.

Но если холеный польскій панычъ не оправдалъ его ожиданій, то другой новобранецъ, уже болѣе часа размахивающій тяжелой дубовой пикой, вполнѣ заслуживалъ одобреніе дядьки Спиридонова. И то сказать, это какой-то

бѣсенокъ въ уланской одежѣ. Самъ—тоненькій, статный, съ узкимъ перехватомъ въ таліи, какъ тебѣ у черкеса али у заправской дѣвицы, а силища-то и терпѣніе такъ и брызжутъ изъ него!.. На немъ, поверхъ мундира съ малиновыми отворотами и бѣлыми эполетами, надѣта кожаная перевязь съ подсумкомъ, наполненнымъ патронами. На головѣ высокая малиновая шапка съ узкимъ волосянымъ султаномъ, на ногахъ, поверхъ рейтузъ, тяжелые солдатскіе сапоги.

Нарядъ этотъ вовсе преобразилъ Надю. Въ немъ она стала какъ-то еще выше, стройнѣе. Она словно выросла за послѣднее время, словно преобразилась. За эти три недѣли, проведенныя въ постоянномъ ученьѣ на плацу или въ манежѣ подъ надзоромъ того же неутомимаго дядьки, смуглое лицо ея обвѣтрилось и загрубѣло; покрытое густымъ слоемъ весенняго загара, оно окончательно потеряло послѣдніе слѣды женственности.

Но, несмотря на свой бодрый, сильный видъ, Надя переживала въ глубинѣ души невообразимыя муки. Новая жизнь съ ея трудными требованіями не легко давалась бѣдной дѣвушкѣ. Женская, хотя бы и выносливая, натура въ концѣ-концовъ даетъ себя знать. Эти военныя упражненія, трудныя и для солдата, измучили до полусмерти все ея юное, почти дѣтское существо. Тяжелая дубовая пика оттягиваетъ руки и давитъ плечо до ломоты въ костяхъ, до нестерпимой боли. Рукоятка громадной бряцающей сабли едва помѣщается въ маленькой дѣвичьей рукѣ. Но что хуже всего—такъ это сапоги. О, эти ужасные сапоги! Они, какъ орудія пытки, тисками сжимаютъ узкія дѣвичьи ножки. Надя съ трудомъ волочитъ ихъ по землѣ. Ея пальцы вспухли и посинѣли. Тяжелые, какъ кандалы, сшитые на любую солдатскую ногу, эти ужасные сапоги похожи скорѣе на громадные ялики и тяжелы, какъ пудовыя гири.

Сегодня проклятые сапоги особенно досаждаютъ

Надѣ. И пика какъ-то особенно дервенитъ руку и вовсе не повинуется ей. А тутъ еще этотъ Юзекъ довершаетъ мученіе своими жалобами. Ахъ, этотъ Юзекъ! и безъ того ей приходится не легко!

Надя съ досадой отшвыриваетъ пику и подходитъ къ юношѣ.

— Слушай, Вышмирскій, это несносно! — говоритъ она раздраженно. — Ты мнѣ вытягиваешь душу своими стонами.. Не ной, пожалуйста, по крайней мѣрѣ, или ступай къ Казимірскому просить отставки.

— Хорошо тебѣ говорить это! — произноситъ измученнымъ голосомъ несчастный мальчикъ. — Ты вольная птица; хочешь служить — служишь, не хочешь — уйдешь. А каково мнѣ?! Мой опекунъ-дядя хочетъ во что бы то ни стало, чтобы я дослужился въ кавалеріи до офицерскаго чина. А какой я солдатъ-кавалеристъ, Саша, посуди самъ! Взгляни на эти руки! развѣ имъ подъ силу этотъ собачій трудъ?

Вышмирскій протянулъ къ самому лицу Нади свои изнѣженныя руки, съ ровно отточенными розовыми ногтями и съ нѣжными розовыми ладонями, сплошь покрытыми шрамами и мозолями.

— Да, изрядныя руки! — согласился подошедшій къ нимъ дядька Спиридоновъ, съ явнымъ сочувствіемъ поглядывая на обезображенныя ладони Вышмирскаго.

— То-то и есть! — покачалъ тотъ своей красивой головою. — А дядя Канутъ говоритъ постоянно, что я созданъ для малиноваго уланскаго колета и для шпоръ... Шпоры, понятное дѣло, годны для мазурки... Ахъ, и отплясываю же я ее на славу! — съ неожиданнымъ оживленіемъ произнесъ юноша и лицо его мигомъ преобразилось. Равнодушіе и апатія въ одинъ мигъ исчезли. Это былъ совсѣмъ новый Вышмирскій, веселый, точно ожившій и чудо-похорошѣвшій. — Знаешь, Дуровъ, — съ тѣмъ же необычайнымъ блескомъ во взорѣ продолжалъ

онъ,—что, если попросить ротмистра отпустить насъ на завтра въ имѣніе дяди Канута?.. А? Оно очень неподалеку отсюда. Кстати, завтра Зоськино рожденіе. Ты познакомишься съ сестренкой. Чудо что за дѣвочка, живая, бойкая, настоящій огонь... Вотъ обрадуется нашему пріѣзду! Ѣдемъ, Саша! А?

— Да, я не прочь!—согласилась Надя.—А только теперь, сдѣлай милость, подтянись и продѣлай ты всѣ свои упражненія съ негодной пикой. Ей-Богу же, совѣстно Спиридонова! Скажетъ еще кому-нибудь!—добавила она по-французски, чтобы не быть понятой бравымъ дядькой.

Юзекъ тяжело вздохнулъ и, съ трудомъ поднявшись съ мягкой травы, снова принялся за прерванныя было экзерсиціи.

Но ни ему, ни Надѣ не суждено было ихъ докончить сегодня. По учебному плацу прямо на нихъ бѣжалъ, размахивая киверомъ, уланскій офицеръ, поручикъ Бошняковъ, взводный ихъ эскадрона. Онъ что-то кричалъ имъ издали, чего ни Юзекъ, ни Надя не могли, однако, разобрать.

Наконецъ, поручикъ, запыхавшійся и весь красный отъ бѣга, приблизился къ нимъ.

— Поздравляю, господа, съ походомъ!—произнесъ онъ, задыхаясь.—Война съ Франціей! Съ Пруссіей заключенъ союзъ и мы идемъ бить Наполеона!—и, передохнувъ немного, продолжалъ скороговоркой:—Сейчасъ получена бумага отъ военнаго министра и циркуляръ государя. Черезъ полчаса объявятъ полку... Ну-съ, мои славные мальчуганы, довольно намозолили вы себѣ руки сегодня. Ступайте-ка за мною. Рады походу?

И обнявъ обоихъ за таліи, Бошняковъ повелъ ихъ къ большому флигелю, гдѣ было устроено офицерское собраніе коннопольскаго уланскаго и другихъ полковъ.

Надя подняла на Бошнякова широко-раскрытый, недовѣрчивый, вопрошающій взоръ.

Война? Великій Боже! Не шутка-ли это? Но глаза взволнаго влажны отъ счастья. Лицо пылаетъ. Въ голосѣ слышатся молодыя, радостныя нотки. Какъ его преобразило, однако, это извѣстіе!

«Война!.. Вотъ оно, странное, свѣтлое, желанное слово!»—думалось Надѣ въ то время, какъ она шагала въ обществѣ Бошнякова и Вышмирскаго по едва покрывшемуся первой весенней травой плацу.

Война!.. Наконецъ-то желаніе ея услышано судьбою... Война! вотъ гдѣ таится мечта ея жизни, для которой она живетъ, къ которой стремится всей своей юной душой!.. И плечи дѣвушки, изломанныя непосильной тяжестью пики, снова словно пріобрѣли прежнюю легкость и гибкость. Тяжелые сапоги, желѣзными путами оттягивавшіе ноги, несчастье и мука Нади—позабыты. Сердце ликуетъ и бьется, въ немъ расцвѣтаетъ надежда, радостная и свѣтлая, какъ день. Духъ захватываетъ отъ непривычнаго, почти непосильнаго прилива счастья. Ей хочется закричать отъ восторга, засмѣяться, запрыгать, стрѣлою понестись по зеленому плацу, броситься на шею Вышмирскому и затормошить негоднаго мальчугана, спокойно выступающаго своими изящными ногами въ безукоризненныхъ сапогахъ по плацу.

«И что это за глупое равнодушіе у него!?—злится Надя, поглядывая искоса на холодное безстрастное лицо Юзека.—Можно-ли погружаться въ спячку, когда всколыхнулась и дрогнула вся Европа!.. Идемъ бить Наполеона!—какое это чудесное и вмѣстѣ съ тѣмъ страшное слово! И какъ просто и хорошо сказалъ это Бошняковъ»...

Но Наполеонъ—геній, покорившій полміра, и она, Надя, твердо знаетъ это. Австрія, Италія, Индія, египетскія пирамиды... Боже великій! сколько сильнаго, славнаго за нимъ! И они идутъ на него... Наполеонъ! Что-то

необъятное, роковое есть въ этомъ имени... Пусть онъ геній, пусть побѣдитель, но между русскими развѣ нѣтъ и не будетъ генія, подобнаго Суворову? А они развѣ не ученики и дѣти безсмертнаго Суворова?.. О, она, Надя, такъ твердо вѣритъ въ русскую счастливую звѣзду, въ побѣду русскаго оружія...

И весь міръ кажется ей теперь такимъ дивно прекраснымъ. Весь міръ—и Спиридоновъ, и Бошняковъ, и Юзикъ. Будущее чудится сплошнойрозовой сказкой, гдѣ дѣйствующія лица—богатыри, побѣдители, Бовы-королевичи, которые возьмутъ, должны взять верхъ надъ дерзкимъ Наполеономъ! Иначе и быть не можетъ... Она, Надя, такъ вѣритъ въ это будущее, прекрасное, какъ жизнь! Тамъ, въ этомъ будущемъ, ее ждутъ битвы, побѣды, можетъ быть слава... крупная слава... Не такая крупная, конечно, какъ слава безсмертной Іоанны, слава болѣе скромная, но которою все же будетъ гордиться ея милый далекій отецъ!..

«А вдругъ, вмѣсто всего этого, смерть?» — прерываетъ свои грезы дѣвушка, но тотчасъ же гонитъ отъ себя непріятную мысль. Смерть—когда въ сердцѣ расцвѣтаетъ весна и вся душа ея ликуетъ! Смерть теперь—нѣтъ, это невозможно!

И она шагаетъ по плацу жизнерадостная и счастливая, съ душою, наполненной смутнымъ торжествомъ, съ отрадными мыслями и бьющимся сердцемъ...

Въ тотъ-же вечеръ, до ужина, былъ прочтенъ циркуляръ Государя и полкъ поздравили съ походомъ. Дружное «ура» молодцовъ-коннопольцевъ вырвалось изъ тысячи солдатскихъ грудей и огласило далеко кругомъ окрестности Гродно.

А молоденькій новоиспеченный уланъ кричалъ громче всѣхъ.

— Не понимаю, чему ты радуешься, Дуровъ! —

удивлялся, пожимая плечами, Вышмирскій.—Или тебѣ надоѣла жизнь?

— Ахъ, Юзекъ, ну, какой-же ты ей-Богу!—искренно негодовала Надя.—Ну, можно-ли оставаться равнодушнымъ въ то время, когда въ недалекомъ будущемъ тебя ждетъ грохотъ пушекъ, лязгъ оружія, крики побѣдителей!..

— Стоны раненыхъ... вопли о помощи... смерть...—дополнилъ Вышмирскій.

— Пусть даже смерть!—пылко срывается въ неизъяснимомъ порывѣ съ устъ Нади.—Да развѣ не сладко умирать за родину, за ея честь, ея славу! Ахъ, Юзекъ, Юзекъ, никогда ты не поймешь меня!—сокрушенно покачала она головою.

— Можетъ быть,—спокойно согласился съ нею молодой полякъ и вдругъ легкое облако осѣнило его лицо, прекрасное и нѣжное, какъ у дѣвочки.—Но, если меня убьютъ, что будетъ тогда съ моей Зоськой?

Надя съ сожалѣніемъ взглянула на него: ей стало жалко этого женственно-хрупкаго мальчика, такого чуждаго и неумѣстнаго въ суровой жизни солдата. Ей было и тяжело, и чуточку досадно на него...

Однако въ этотъ вечеръ, прежде чѣмъ уйти въ свой уголъ (они жили въ небольшой комнаткѣ, раздѣленной на-двое дощатой перегородкой), Надя крѣпко пожала протянутую ей нѣжную руку Вышмирскаго.

— Полно кукситься, Юзефъ!—произнесла она весело.—Богъ милостивъ, и ты вернешься изъ похода здравымъ и невредимымъ. Еще какъ откалывать мазурку съ твоей Зосей будешь!

— И то правда!—произнесъ, разомъ оживляясь, юноша.—Ты всегда сумѣешь успокоить меня, Дуровъ. И гдѣ ты черпаешь эту силу, эту бодрость духа, волшебникъ?! А знаешь, какая мысль пришла мнѣ въ голову... Что, если пойти сейчасъ къ ротмистру и попро-

сить отпустить насъ съ тобою хоть на одинъ день къ дядѣ Кануту. А? Что ты скажешь на это?

И прежде чѣмъ Надя успѣла что-либо отвѣтить, Вышмирскій вскочилъ съ совсѣмъ несвойственной ему живостью и, на-ходу пристегивая саблю, бросился изъ комнаты.

А Надя тяжело задумалась, оставшись одна.

«Счастливый! у него есть кому благословить его передъ походомъ, молиться о немъ и оплакать его въ случаѣ смерти. А я?!.—выстукивало, сжимаясь отъ внезапной тоски, опечаленное дѣвичье сердечко.—Самые близкіе, самые дорогіе люди не знаютъ даже, жива-ли я или нѣтъ! Можетъ быть, они даже сочли меня давно умершей... А что, если напомнить о себѣ, подать вѣсточку, успокоить хоть отчасти бѣднаго папу?! Вѣдь все равно—меня не вернутъ теперь. Уже поздно!.. Всякая связь съ прошлымъ порвана... Да и не найти меня имъ! А получивъ письмо, все-же отецъ успокоится отчасти, будетъ знать, что я жива и здорова»...

И, не колеблясь долѣе, Надя присѣла поспѣшно къ столу, схватила листъ писчей бумаги, обмакнула перо въ чернильницу и вмигъ рука ея забѣгала проворно и быстро по бѣлой страницѣ.

«Ненаглядный мой папочка,—писала она,—какъ ты долженъ удивиться, получивъ эти строки отъ твоей злой дѣвочки, причинившей тебѣ столько горя и заботъ. Папа, золото мое, радость моя, прости мнѣ, прости, неоцѣненный, родной, любимый! И маменька, и Вася, и Клена—всѣ, всѣ простите вашу гадкую Надю. Папочка, я не виновата, клянусь тебѣ честью, нѣтъ! Пойми меня, папа, и прости, родной, если можешь! Пойми, прежняя жизнь была не для меня. Домашнія работы, хозяйство, мелкія женскія заботы по дому—они не удовлетворили-бы меня! Папа, радость моя, вспомни, я съ колыбели привыкла къ иной жизни, къ иной обстановкѣ. Постоянно

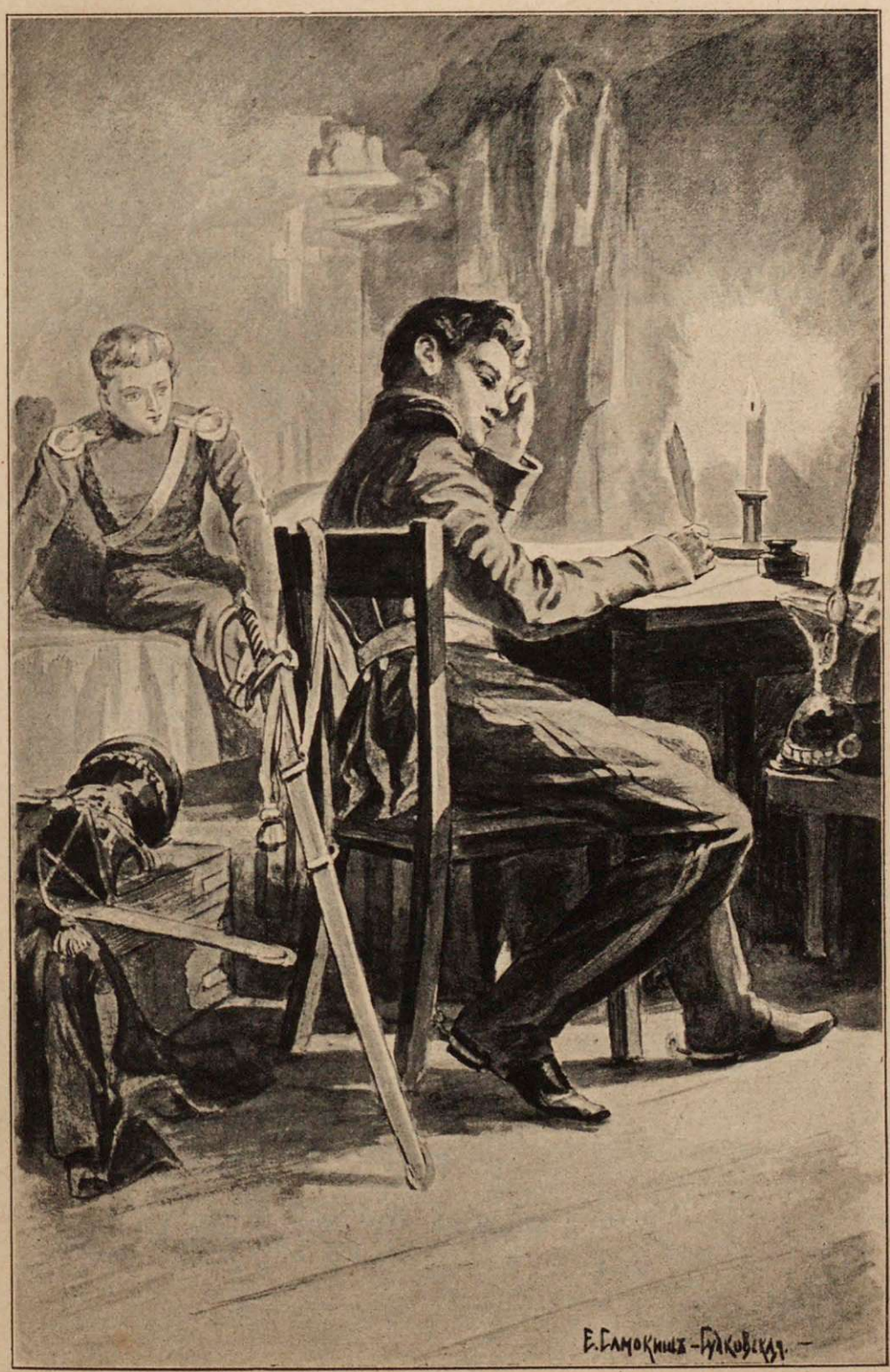
на маршѣ, постоянно среди молодцовъ-гусаръ, подъ звуки трубъ, я воспитывала, помимо собственной воли, эту безумную любовь къ военной походной жизни. И потомъ, папа, не знаю почему, но мнѣ кажется, что я нужнѣе родинѣ въ качествѣ воина-солдата, нежели въ скромной долѣ хозяйки. Я знаю, отецъ, ты поймешь меня. Ты долженъ меня понять! Я—твоя дочь; твоя кровь течетъ въ моихъ жилахъ, кровь стараго воина, лихача-кавалериста. Ты поймешь мое стремленіе и оцѣнишь его. Пишу тебѣ, отецъ, и приношу мою запоздалую повинную теперь, такъ какъ не сегодня-завтра мы выступаемъ походомъ въ Пруссію. Кто знаетъ, можетъ быть, я не вернусь оттуда и сложу голову далеко на чужбинѣ, но, написавъ тебѣ эти строки, мнѣ будетъ все-же легче умирать... Мой папа, мой ненаглядный, дорогой папа узнаетъ наконецъ, что его буйная головушка, его казакъ-дѣвчонка, гусарская питомица, не способна ни на что дурное и благословитъ меня заочно на бой—на смерть или славу».

«Надя».

Письмо окончено... А Надя, съ помутившимся взоромъ и пылающимъ лицомъ, все еще сидитъ надъ мелкоисписанной четвертушкой бумаги. Она словно не можетъ оторваться отъ нея. Крупныя, тяжелыя слезы одна за другою скатываются по пылающимъ щекамъ на бумагу, смачивая ее и оставляя на ней мокрые слѣды...

Грязныя закоптѣлыя стѣны комнатки словно раздвинулись передъ нею. Ея мысленные взоры видятъ теперь, какъ на картинѣ, четко и ясно, бѣлый, угрюмый на видъ ихъ сарапульскій домъ, окруженный громаднымъ старымъ садомъ, небольшую террасу и милую голову съ замѣтной просѣдью, склоненную за чтеніемъ этого письма.

Милая, дорогая голова! Сколько въ ней таится заботъ и тоски, и все о ней, все о бѣдной далекой Надѣ!..



Рука забѣгала проворно и быстро по бѣлой бумагѣ...

Съ какимъ наслажденіемъ приникла-бы она теперь къ этому дорогому лицу горячимъ поцѣлуемъ, какъ сердечно произнесла-бы, обнявъ эту милую, полусѣдую голову:

«Успокойся, не грусти, папа! Когда-нибудь твоя Надя вернется къ тебѣ, вернется, можетъ быть, покрытая славой, и разгонитъ всѣ эти рѣзкія морщины на твоемъ челѣ».

— Дуровъ! Саша! Гдѣ ты?—слышится, какъ сквозь сонъ, задумавшейся дѣвушкѣ.—Онъ позволилъ, Дуровъ! Онъ позволилъ! Клянусь! Я готовъ примириться съ войной и съ походомъ, если мнѣ придется увидать до нихъ старое гнѣздо Канутовъ и мою Зоську!

Надя поспѣшно отправляется и утираетъ слезы. И то пора—Вышмирскій уже на порогѣ.

— Такъ ты говоришь, онъ позволилъ?—сдѣлавъ невѣроятное усиліе надъ собою, спрашиваетъ она.

— Представь, дружище!—«Отпускъ, —говоритъ,— я вамъ дамъ, и вамъ и вашему другу, а вы мнѣ, смотрите, «въ товарищахъ» не засиживаться!»—Славный парень этотъ Казимірскій, право! Лучшаго эскадроннаго я-бы и не желалъ имѣть. Завтра послѣ обѣда выѣзжаемъ. Я ужь нанялъ у корчмаря его бричку... А теперь спокойной ночи, Дуровъ. Утро вечера мудренѣе.

— Спокойной ночи!—отвѣчала Надя, съ удивленіемъ поглядывая на своего новаго друга и едва узнавая его.

Дѣйствительно, отъ прежняго флегматичнаго Юзека не осталось и слѣда. Лицо его горѣло, глаза такъ и блестѣли самой искренней, почти ребяческой радостью. Счастье дѣлало совсѣмъ другимъ человѣкомъ юнаго пана Вышмирскаго.

ГЛАВА III.

У Канутовъ.

КЪ громадной старинной усадьбѣ богатаго польскаго помѣщика, пана Казиміра Канута, лихо подкатила быстрая тройка.

Великолѣпный замокъ Канута, утонувшій въ цѣломъ морѣ молодой весенней зелени, покрывавшей деревья громаднаго сада, былъ ярко освѣщенъ. Изъ открытыхъ оконъ выливалась цѣлая волна звуковъ. Нарядныя пары, точно свѣтлыя видѣнія, мелькали въ рамахъ оконъ.

Въ замкѣ танцовали. Балъ былъ въ самомъ разгарѣ.

— Вотъ кстати!—произнесъ весело Юзекъ, сопровождая Надю по длинной аллеѣ, ведущей къ крыльцу.— То-то радость будетъ Зоськѣ! Прямо къ мазуркѣ угодили!

Въ домѣ, очевидно, разслышали бряцанье троечныхъ бубенцовъ: изъ надворныхъ строеній выскочила цѣлая толпа мужской и женской прислуги.

— Паничъ пожаловалъ!—послышались среди нея радостные возгласы.

Какъ-разъ въ это время музыка въ замкѣ прекратилась, пары остановились и поднялась суматоха.

— Юзефъ пріѣхалъ, Юзекъ! Гдѣ онъ? Матерь Божія!.. Да что-же онъ медлитъ!—послышался чей-то звонкій молодой голосокъ изъ открытаго окна дома.

Въ ту-же минуту Надя, вступившая было въ освѣ-

щенныя сѣни замка, неожиданно, какъ вкопанная, остановилась на порогѣ.

Какое-то бѣлое воздушное существо, окутанное въ прозрачное облако кисеи, съ серебряными крылышками за спиною, выпорхнуло изъ противоположной двери и съ радостнымъ крикомъ: «Ахъ, Юзикъ коханы *)»!—повисла на шеѣ Нади.

Подъ градомъ поцѣлуевъ, сыпавшихся на опѣшившую дѣвушку, Надя не могла вполнѣ разглядѣть бѣлаго существа, прильнувшаго къ ея груди. Она только слышала прерывистый, задыхающійся шопотъ, лепетавшій по-польски самыя нѣжныя, самыя ласковыя слова. Проведя около двухъ лѣтъ среди поляковъ, Надя успѣла выучиться этому языку и потому лепетъ бѣлаго существа былъ ей вполнѣ доступенъ.

— Юзекъ, коханы!—повторяло оно, задыхаясь отъ волненія,—то-то веселье, то-то счастье!

И снова на щеки, лобъ и глаза Нади сыпался цѣлый градъ горячихъ поцѣлуевъ.

А кругомъ ихъ уже толпилось цѣлое общество юношей и дѣвушекъ, приблизительно одного возраста, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Тутъ были и турки въ пестрыхъ чалмахъ, и турчанки подъ кисейными чадрами, и арабы, и цвѣточницы, и маркизы въ напудренныхъ парикахъ, и пастухи, и пастушки, точно сошедшіе съ какой-нибудь старинной картины. Молоденькіе рыцари позвякивали шпорами; ихъ хорошенькія дамы, нарядныя и веселыя, обмахивались вѣерами.

— Зоська, Зоська!—кричала одна изъ хорошенькихъ пастушекъ, теребя за рукавъ бѣлое существо, все еще висѣвшее на шеѣ Нади.—То не панъ Юзефъ! Да вглядись-же хорошенько! Ну, можно-ли? Ахъ, глупышка Зоська!

---

*) Коханы—дорогой, любимый.

Бѣлое существо, наконецъ, оторвалось отъ груди Нади и, съ легкимъ крикомъ испуга, отпрянуло отъ нея, подъ оглушительный хохотъ костюмированной молодежи.

Передъ Дуровой мелькнуло прелестное черноглазое личико, пухлый ротикъ и двѣ тонкія, темныя полоски бровей. Это было олицетворенное повтореніе лица Юзефа, но только еще милѣе, еще красивѣе его.

Надя мигомъ догадалась, кто былъ передъ нею.

— Панна Зося! Честь имѣю представиться: товарищъ вашего брата—Александръ Дуровъ.

И Надя ловко расшаркалась передъ хорошенькой паненкой, щелкнувъ шпорами, какъ подобало истому кавалеристу.

Но Зося не удостоила ее даже взглядомъ. Она окинула сѣни глазами и, увидѣвъ наконецъ брата, съ новымъ крикомъ: «Юзекъ мой, Юзекъ!» упала въ его объятія.

Только прозрачныя крылышки затрепетали у нея за спиною, да пышные бѣлокурые локоны душистой волной упали на лицо прелестной дѣвочки.

— Ядвига! Рузя!—кричала она звонко, все еще не выпуская изъ объятій Вышмирскаго,—идите всѣ, всѣ идите! Юзекъ пріѣхалъ! Дядя Казиміръ! Скорѣе!.. Да что вы ползете, какъ черепахи!

Но дядя Казиміръ, высокій старикъ въ бархатномъ камзолѣ, стоялъ уже у нея за спиной и ожидалъ только своей очереди, чтобы обнять племянника.

— Матка Боска! Іезусъ! Марія!—восклицала полная бѣлокурая Рузя, вторая дочь пана Канута, всплескивая своими бѣленькими ручками.—Юзекъ-то нашъ, Юзекъ, какой нарядный! Совсѣмъ красавчикъ!

— Важный, небось, теперь!—со смѣхомъ вторила ей Ядвига, высокая тоненькая дѣвушка въ костюмѣ баядерки, съ насмѣшливыми сѣрыми глазами.

Между тѣмъ, Надя стояла позабытая, затерянная среди всей этой костюмированной живой, шумливой толпы и смотрѣла на чужое веселье печальными, грустными глазами.

Встрѣча Юзека его родными, такая теплая, полная любви и ласки, какъ-то болѣзненно отозвалась на ея сердцѣ. Вѣдь и оно, это бѣдное маленькое сердце, жаждало участія, дружбы, привѣта... Вѣдь и его такъ тянуло отогрѣться среди родного, милаго, семейнаго круга. Вѣдь, несмотря на мужскую душу, жаждущую подвига, сердце оставалось дѣвичьимъ, мягкимъ, чуткимъ и нѣжнымъ, какъ у ребенка...

— А какъ зовутъ пана? Панъ, конечно, другъ нашего Юзека?—вывелъ ее внезапно изъ задумчивости звонкій, какъ серебряный колокольчикъ, дѣвичій голосокъ, и панна Зося предстала передъ Надей въ своемъ бѣломъ одѣяніи, съ прозрачными крылышками за спиною.

— Пойдемте въ залу, тамъ будемъ плясать, веселиться. Юзекины друзья,—мои друзья!—болтала она уже по-русски, съ тѣмъ неуловимымъ оттѣнкомъ, который такъ характеренъ въ произношеніи поляковъ.—Панъ будетъ плясать со мною сегодня! Да? Ахъ, какой-же чудесный сюрпризъ сдѣлали вы мнѣ оба, что пріѣхали именно сегодня! Вѣдь мнѣ сегодня минуло пятнадцать лѣтъ. Я уже взрослая теперь, «невѣста»—какъ говоритъ дядюшка Канутъ. Скоро длинное платье надѣну! Да идемте-же скорѣе! У-у, какой тихоня!—и она со смѣхомъ тянула Надю за рукавъ ея зеленаго мундира.

— Погоди, Зоська! Этакая разбойница! Дай мнѣ познакомиться съ паномъ Дуровымъ,—произнесъ съ улыбкой панъ Казиміръ, удерживая расходившуюся шалунью.—Ты совсѣмъ затормошила молодого человѣка! Рузя, Ядя, да уймите-же вы эту сумасшедшую!—кричалъ онъ дочерямъ.

Но унять «сумасшедшую» было теперь немыслимо. Она махнула рукой музыкантамъ, и чудная старинная мелодія прадѣдовской польки наполнила своды бальнаго зала. Панна Зося положила свою крошечную ручку на плечо Нади и обѣ дѣвочки, одна въ воздушномъ платьицѣ эльфы, другая въ уланскомъ колетѣ, закружились по залѣ, обѣ легкія и стройныя, какъ молодыя березки.

— Ахъ, какъ весело мнѣ сегодня! — говорила, задыхаясь отъ танца, черноглазая Зося. — Дядя Канутъ говоритъ, что пора мнѣ одуматься и быть серьезной. А зачѣмъ быть серьезной, когда такъ хорошо, такъ весело быть несерьезной? Неправда-ли, панъ?.. А почему у пана нѣтъ усовъ? У Юзьки они уже замѣтны. Я люблю Юзьку больше всего въ мірѣ. Неправда-ли, онъ красавецъ? Онъ лучше всѣхъ на свѣтѣ, нашъ Юзька. Постойте... да остановитесь-же! Я хочу танцовать съ нимъ! Да стойте-же, вамъ говорятъ... Юзекъ, Юзекъ! — звала она брата, танцовавшаго въ это время съ бѣлокурой маркизой. — А вы возьмите Рузю, — добавила она, улыбаясь по адресу Нади, — видите ту паненку, которая одѣта пастушкой... Ничего, что она немножко полна и неуклюжа, за то полькируетъ, какъ никто! До свиданья, пане-уланчику! Я еще вернусь къ вамъ!

И, выскользнувъ изъ рукъ кавалера, шалунья, легкая и проворная, какъ настоящая эльфа, уже мчалась по залѣ въ объятіяхъ подоспѣвшаго къ ней Юзефа.

У Нади кружилась голова и отъ продолжительной скачки на перекладныхъ отъ Гродно до имѣнія Канутовъ, и отъ скачки по бальной залѣ, въ угоду хорошенькой паненкѣ.

— Что, панъ уланъ, весело у насъ живется? — слегка ударивъ ее по плечу, спросилъ незамѣтно подошедшій къ ней хозяинъ дома. — Ничего не подѣлаешь, надо позабавить баловницу. Чудесная она дѣвчурка, я вамъ, скажу, нравная только немного, ну, да всѣ мы,

Кануты и Вышмирскіе, не отличаемся кротостью нрава. Вотъ развѣ только одинъ Юзефъ... А какъ панъ, кстати, находитъ нашего Юзефа?

— Прекрасный малый, — поторопилась отвѣтить Надя.

— Нерѣшителенъ и робокъ немного, а это не идетъ къ мальчишкѣ... Въ его годы наши предки бились за честь отчизны, а панъ Юзефъ нѣженъ, какъ дѣвочка. Ну, да военная служба пересоздастъ его... Да и живой примѣръ въ лицѣ такого товарища, — и панъ Канутъ любезно поклонился Надѣ. — Дружба съ паномъ не можетъ остаться безслѣдной для юноши. Панъ Линдорскій писалъ мнѣ кой о чемъ и, признаться, я удивляюсь пану улану, такому юному и отважному.

— О, моя отвага, увы! еще не проявилась ни въ чемъ! — поторопилась уклониться отъ незаслуженной похвалы Надя, — панъ Линдорскій слишкомъ снисходителенъ ко мнѣ...

— Панъ Линдорскій, — прервалъ панъ Канутъ свою юную собесѣдницу, — видѣлъ, какъ храбро одолѣвали вы всѣ трудности военнаго искусства. О, эти упражненія не легкое дѣло; по крайней мѣрѣ они не легко даются нашему Юзефу. И то сказать: экзерсировать на плацу съ пикой и саблей — не плясать мазурку. А на это онъ мастеръ, взгляните сами.

Какъ-разъ въ эту минуту музыканты на хорахъ грянули мазурку. И все, что было въ залѣ, какъ-то разомъ встрепенулось, точно какая-то волна захлестнула всѣхъ этихъ паничей и паненокъ при первыхъ-же звукахъ родного танца.

Быстро строились пары въ одну длинную, стройную шеренгу. Впереди всѣхъ стали Юзефъ и Зося. Ихъ лица выражали жгучее нетерпѣніе и веселость. Пропустивъ два-три такта, братъ и сестра чуть замѣтно переглянулись между собою, какъ-то разомъ дрогнули и по-

неслись впередъ, быстрые и стройные, съ беззавѣтной удалью въ лицахъ, съ искрящимися наслажденіемъ глазами. За ними помчались остальныя пары—турки, арабы, испанцы, маркизы, баядерки и пастушки, сіяя неподдѣльнымъ восторженнымъ весельемъ.

Дядя Канутъ позаботился окружить дочерей и племянницу сверстниками и сверстницами одного приблизительно возраста съ ними. Самый старшій изъ участниковъ бала едва достигалъ семнадцатилѣтняго возраста. А потому-то этотъ балъ и кипѣлъ искреннимъ, беззавѣтнымъ дѣтскимъ весельемъ. Пара неслась за парой, юныя лица сіяли, глаза горѣли. Тутъ и тамъ слышались возгласы, звенѣлъ смѣхъ, неподкупный смѣхъ ранней молодости.

Первая пара превосходила всѣ остальныя. Съ неподдѣльной граціей носилась маленькая эльфа по паркету изъ одного края залы въ другой. Ея бѣлокурые локоны растрепались и въ живописномъ безпорядкѣ обрамляли юное личико, съ искрящимися восторгомъ глазами. Гибкая, ловкая, кудрявая, какъ мальчикъ, она была прелестна—эта юная красавица Зося. Но и ея братъ не уступалъ ей ни въ чемъ. Мѣрно позвякивая въ тактъ музыкѣ шпорами, выставивъ впередъ грудь съ малиновыми отворотами, Юзекъ Вишмирскій увлекалъ сестру все быстрѣе и быстрѣе, то вертясь съ головокружительной быстротой, то несясь проворнѣе птицы по ровному гладкому полу залы... Ни малѣйшей тѣни обычнаго равнодушія, ни скучающей апатіи не было теперь замѣтно въ его тонкомъ, красивомъ лицѣ. Казалось, въ немъ проснулся истый полякъ, подвижной и веселый, удалой и смѣлый, настоящій сынъ своей отчизны.

— Браво, Юзефъ, браво!—не могла не крикнуть Надя, когда юная чета Вышмирскихъ проносилась, увлеченная танцемъ, мимо нея.

— Дай-то Боже ему также отличаться на ратномъ

полѣ!—съ тихимъ вздохомъ произнесъ старый Канутъ, глядя имъ вслѣдъ.

— Вѣрите-ли, панъ Дуровъ,—произнесъ онъ, помолчавъ съ минуту,—я люблю этихъ дѣтей не менѣе своихъ собственныхъ. Молодые Вышмирскіе ввѣрены моей опекѣ; они сироты, панъ уланъ, и за благополучіе ихъ я долженъ отвѣчать передъ Богомъ. Ихъ покойный отецъ такъ просилъ меня сдѣлать изъ нихъ хорошихъ, честныхъ людей... Ихъ отецъ былъ истый полякъ и вояка. И сына желалъ видѣть такимъ-же... А Юзекъ... Ну, да молодъ онъ очень... Неправда-ли, молодъ?—какъ-бы утѣшая самъ себя, произнесъ старый Канутъ.—И потомъ, мой юный другъ, вы не откажете поддержать моего племянника въ минуты малодушія? Неправда-ли?

Надя молча поклонилась въ отвѣтъ и крѣпко пожала протянутую ей руку стараго Канута.

Въ двѣнадцать часовъ ночи мѣрные звуки полонеза возвѣстили о концѣ бала и все юное общество двинулось въ столовую, гдѣ накрытые столы ломились подъ тяжестью обильныхъ яствъ и напитковъ.

— Я сяду между вами и Юзей,—успѣла шепнуть Зося Надѣ, мѣрно выступая мимо нея объ руку съ братомъ подъ торжественные звуки полонеза.

Но сидѣть рядомъ съ гостями-уланчиками оказывалось слишкомъ много желающихъ. И Рузя, и Ядя, обѣ сестры Канутъ, и Владя Станкевичъ, ихъ сосѣдка по имѣнію, и Марина Гликинская, и множество другихъ—всѣ и наперерывъ стремилось имѣть своими сосѣдями юныхъ коннопольцевъ, которые не сегодня-завтра должны были выступить въ походъ и биться съ непріятелемъ.

Вѣсть о походѣ разнеслась съ быстротою вѣтра по всѣмъ окрестностямъ Гродна. И немудрено, что и въ замкѣ Канутовъ уже успѣли узнать о немъ. Теперь мо-

лодежь буквально затормошила своими разспросами юныхъ воиновъ.

— А онъ страшный, Наполеонъ? — слышался съ одного конца стола наивный возгласъ.

— Говорятъ, онъ сынъ простолюдинки-корсиканки? Правда-ли это? — неслось съ другого конца.

— Ужасный человѣкъ, безпощадный, проливающій безъ сожалѣнія потоки крови! Вы слышали объ этомъ?

— А вы не боитесь драться съ нимъ?

Надя едва успѣвала отвѣчать на всѣ эти вопросы, въ то время какъ Вышмирскій преспокойно занялся ужиномъ. Все оживленіе его исчезло, и лицо Юзека снова приняло спокойное, апатичное выраженіе красивой маски, которое такъ не нравилось въ немъ дѣвушкѣ. Онъ, казалось, оставался равнодушнымъ ко всему, что не касалось его сестры и мазурки, этотъ изнѣженный и холодный красавчикъ-Юзекъ!

За то она — его сестра — принимала горячее участіе въ общемъ разговорѣ.

— Драться съ Наполеономъ — о, это такая смѣлость! — звенѣлъ ея молодой голосокъ. — Вѣдь этотъ Наполеонъ покорилъ уже полміра... Египетъ, и Италія, и сильная Австрія — все это уже у его ногъ. А Индія, а Испанія — вѣдь онъ и до нея добрался! О, какой опасный врагъ предстоитъ вамъ, какое трудное дѣло! Храни васъ всѣхъ Господь и Его Святая Матерь! — съ искреннимъ порывомъ сорвалось съ устъ дѣвочки.

— О, вамъ нечего бояться, милая барышня, — произнесла Надя, съ ласковымъ сочувствіемъ кивнувъ ей головою. — Если въ дѣло усмиренія зазнавшагося героя вступаются русскіе, то Аустерлицкій побѣдитель скоро поймeтъ, что значитъ пораженіе. Не даромъ еще живы у насъ суворовскіе питомцы! О, я вѣрю въ побѣду Россіи, вѣрю въ могущество ея и въ львиную храбрость русскихъ войскъ! За насъ Богъ!

Надя проговорила все это горячо, пылко, съ тѣмъ искреннимъ убѣжденіемъ, которому не повѣрить было нельзя.

И всѣ повѣрили горячимъ рѣчамъ юнаго уланчика.

Увлеченіе и искренность Нади подняли цѣлую бурю восторга въ кругу молодежи.

Если они и не были русскими, всѣ эти юные гости старика Канута, то все-таки они теперь искренно сочувствовали этому отважному молоденькому уланчику, такъ увѣренному въ силѣ и непобѣдимости своей родины.

— Виватъ, панъ уланъ! — неожиданно крикнулъ тотъ-же звонкій, уже знакомый Надѣ, голосокъ, и панна Зося протянула свой бокалъ къ Надѣ.

Онѣ чокнулись, сочувственно улыбаясь другъ другу.

— О, какъ вы должны быть храбры, панъ Дуровъ! — воскликнула толстушка Рузя, въ свою очередь чокаясь съ Надей.

— Ваши родители должны очень гордиться вами! — вторила ей Ядя, и обычно насмѣшливые глазки дѣвушки теперь съ восторженнымъ сочувствіемъ остановились взглядомъ на гостѣ.

— Его родители и не подозрѣваютъ всей его доблести! — неожиданно вмѣшался въ разговоръ, до сихъ поръ все время молчавшій, Юзекъ, — его родители ничего не знаютъ... Вѣдь онъ бѣжалъ изъ дому, чтобы записаться въ войско! — умышленно громко заключилъ свою рѣчь юноша.

Едва только молодой Вышмирскій успѣлъ произнести эти слова, какъ мертвая тишина разомъ воцарилась въ большой столовой Канутовъ.

Всѣ эти турчанки, баядерки, маркизы, феи и пастушки, негры и арабы, рыцари и волшебники — словомъ, вся закостюмированная толпа гостей разомъ замолкла. Всѣ глаза, какъ по командѣ, устремились на Надю.

А она, смущенная, испуганная, съ поблѣднѣвшимъ

лицомъ, тщетно ловила взглядомъ взглядъ Юзефа. Молодой Вышмирскій, казалось, всячески избѣгалъ ея глазъ. Лицо его уже не было теперь апатично спокойно, какъ нѣсколько минутъ тому назадъ. Напротивъ, оно носило теперь печать необычайнаго раздраженія; губы кривились въ насильственную усмѣшку, всѣ черты приняли далеко непріятное выраженіе.

— Что съ Юзефомъ? Какая муха укусила тебя, милый кузенъ?—съ дѣланнымъ смѣхомъ произнесла находчивая Ядя, желая вывести этимъ симпатичнаго гостя изъ непріятнаго для него положенія.—Панъ Дуровъ, я увѣрена, не совсѣмъ доволенъ такой болтливостью!

— Пью за здоровье пана Дурова!—весело крикнулъ старый Канутъ.—Какими-бы путями вы не попали въ войско, но разъ вы въ немъ и такъ горячо любите военное дѣло, да поможетъ вамъ Богъ! Храбрость—лучшее украшеніе каждаго юноши!—и, говоря это, панъ Казиміръ скосилъ глаза въ сторону вспыхнувшаго до ушей племянника.

Юзекъ понялъ намекъ дяди и весь сгорѣлъ со стыда.

Между тѣмъ хозяинъ подалъ знакъ выходить изъ-за стола—и подъ новые звуки полонеза гости Канутовъ покинули столовую и разошлись по приготовленнымъ для нихъ комнатамъ, гдѣ ихъ ждали сладкій сонъ и мягкія постели.

ГЛАВА IV.

Бѣлая эльфа въ новой роли.

МАЛЕНЬКАЯ уютная спаленка, бывшая дѣтская Юзика Вышмирскаго, гостепріимно приняла подъ свой кровъ обоихъ уланъ. Прямо на полу, поверхъ груды ковровъ (постели были уступлены гостямъ) лежали мягкія перины, представляя собою весьма уютное и удобное ложе. Въ переднемъ углу висѣло распятіе изъ слоновой кости и на высокомъ каменномъ пьедесталѣ высилась мраморная статуя Мадонны, передъ которой теплилась серебряная лампада.

— Послушай, Вышмирскій,—едва перешагнувъ порогъ комнаты, произнесла Надя.—Зачѣмъ понадобилось тебѣ выдавать меня передъ твоими родными и гостями? Мой побѣгъ изъ дому—тайна... А кто не умѣетъ хранить чужихъ тайнъ—тотъ болтунъ.

— Отвяжись!—грубо отрѣзалъ молодой хозяинъ.—Если тебѣ не нравится мое поведеніе,—дерись со мною, что-ли! Слава Богу, у каждаго изъ насъ нѣтъ недостатка въ саблѣ! А читать себѣ нотаціи всякому мальчишкѣ я не позволю... Пожалуйста, оставь меня въ покоѣ. Я хочу спать.

И, говоря все это тѣмъ-же ворчливымъ тономъ, онъ бросился, не раздѣваясь, на свое ложе и зарылся головой въ подушки.

Надя пожала плечами и тоже растянулась на мягкой постели, сбросивъ предварительно сапоги и мундиръ.

Все ея оживленіе мигомъ пропало. На душѣ стало пусто, тоскливо и обидно на Юзика. Она не могла понять причины его внезапной заносчивости и гнѣва. Юзекъ Вышмирскій былъ далеко не чуждъ ея душѣ. Она успѣла привыкнуть къ мальчику и полюбить его. Онъ все-таки былъ ея единственный другъ и товарищъ среди всѣхъ этихъ большихъ и сильныхъ людей, которые ихъ окружали въ ея новой полковой жизни. Женственный, скорѣе похожій на дѣвочку, нежели на юношу-солдата, Юзекъ возбуждалъ въ ней горячее сочувствіе и жалость. И вдругъ этотъ Юзекъ такъ неожиданно гадко обошелся съ нею. За что? Что дурного она сдѣлала ему? Эта странная ссора, намекъ на дуэль... О, какъ все это смѣшно и глупо!.. И, стараясь забыться и ни о чемъ не думать, Надя повернулась на бокъ и всѣми силами пыталась заснуть.

Легкая дремота уже слегка кружила голову дѣвушки, мѣшая и туманя ея мысли, какъ неожиданно дверь въ ихъ горницѣ скрипнула, отворилась, и бѣлое видѣніе съ прозрачными крылышками появилось на порогѣ.

— Тссъ!—приложивъ пальчикъ къ губамъ, произнесло чуть слышно бѣлое видѣніе.—Я къ тебѣ, Юзекъ. Спитъ твой товарищъ?

— Какъ мертвый!—отвѣчалъ, бросивъ мелькомъ взглядъ на лежащую съ закрытыми глазами Надю, Вышмирскій.—Двигайся потише, Зося, чтобы не разбудить его. Что тебѣ нужно, крошка?

— Юзекъ, мой мальчикъ, братецъ мой милый,—начала дѣвочка тихимъ, но быстрымъ шопотомъ, и Надя была поражена новымъ, глубоко-печальнымъ выраженіемъ въ ея голосѣ, такъ несвойственнымъ веселой, жизнерадостной паненкѣ,—Юзекъ, милый, ты боишься похода?

— Не знаю, крошка!—произнесъ тотъ.—Иногда

мнѣ кажется, что быть убитымъ не такъ уже страшно, но когда я подумаю о тебѣ, о нашемъ замкѣ, о кузинѣ Ядѣ, о, тогда!.. Зачѣмъ, зачѣмъ дядѣ Кануту понадобилось сдѣлать меня солдатомъ?

— Слушай, Юзефъ! — серьезно, какъ взрослая, заговорила Зося. — Ты знаешь, какъ я люблю тебя... А когда такъ сильно любишь и молишься за близкое существо, какъ я молюсь за тебя, молишься много и часто, Господь его сохранитъ, непремѣнно сохранитъ, вотъ увидишь! И Божія Матерь сохранитъ тебя для насъ, мой Юзекъ! Я вѣдь буду такъ горячо, такъ много молиться за тебя. И потомъ, слушай, у меня есть крестикъ, распятіе Іисуса, вотъ онъ... Это распятіе мать надѣла мнѣ на шею, когда умирала... Возьми его, Юзекъ. Оно оградитъ тебя отъ всего дурного. Я вѣрю въ это, я знаю, — тебя не убьютъ. Юзя мой, братецъ мой милый! Ты не можешь умереть, ты такой юный, здоровый, красивый! Вотъ оно — это распятіе... Самъ Іисусъ и Его Святая Матерь сохранятъ тебя при помощи его...

Сквозь едва прикрытыя вѣки окончательно проснувшаяся Надя увидѣла, какъ маленькая паненка сняла съ груди крестикъ и повѣсила его на шею брата. Потомъ взглядъ ея обратился къ Надѣ.

— Спитъ крѣпко, — прошептала Зося чуть слышно. — Бѣдняжка, какъ онъ еще молодъ! Совсѣмъ дитя! И какое кроткое и печальное у него лицо, взгляни, Юзекъ! И онъ долженъ идти въ походъ, драться, можетъ быть его ранятъ, убьютъ... О, какой ужасъ!.. Я не знаю почему, но мнѣ кажется... Ахъ, Юзя, мнѣ кажется, что сами ангелы заплачутъ на небѣ, если съ тобой или съ нимъ случится что-нибудь дурное! Ты говоришь, онъ бѣжалъ изъ дому? Бѣдный, бѣдный мальчикъ! Не легко ему уходить на войну безъ материнскаго благословенія и прощенія... А можетъ и у него есть сестра, которая его такъ-же любитъ, какъ я люблю тебя, мой Юзя...

Но она не можетъ благословить его, какъ я тебя благословляю... А что если...—И лицо паненки разомъ вспыхнуло и заалѣло.—Что, если я благословлю этого ребенка, Юзефъ? Кто знаетъ, можетъ быть мое благословеніе оградитъ его отъ вражеской пули.

И, прежде чѣмъ ея братъ могъ отвѣтить ей что-либо, Зося опустилась на колѣни и склонилась надъ ложемъ Нади.

— Храни тебя Іисусъ и Марія, бѣдный мальчикъ!—произнесла она съ теплымъ участіемъ въ голосѣ и осѣнила мнимаго улана широкимъ крестомъ; потомъ неожиданно приблизила свое лицо къ его лицу и Надя почувствовала на своемъ лбу прикосновеніе ея горячихъ дѣтскихъ губокъ.

Затѣмъ Зося крѣпко обняла брата.

— Смотри-же, Юзекъ,—произнесла она шаловливо, скрывая подъ дѣланной веселостью внезапно охватившее ее волненіе,—возвращайся назадъ поскорѣе и непремѣнно офицеромъ. Слышите-ли, не иначе, будущій панъ корнетъ. Непремѣнно!

И, поцѣловавъ крѣпко брата, она безшумно выскользнула за дверь, легкая и воздушная, какъ настоящая лѣсная эльфа.

Едва ея стройная фигурка успѣла исчезнуть за порогомъ, какъ Вышмирскій бросился къ Надѣ и сталъ теребить ее за плечи, говоря въ несвойственномъ ему волненіи:

— Проснись, Дуровъ! проснись, несносный соня! Ты проспалъ одну изъ лучшихъ минутъ твоей жизни... Моя сестра... О, Матерь Божія, что за золотое сердце у этой дѣвчурки! Ахъ, она... она, помимо своего желанія, пристыдила меня... И не она, Дуровъ, а само провидѣніе ея устами.

Когда Надя открыла глаза и сѣла на постели, онъ продолжалъ съ тѣмъ-же волненіемъ:

— Слушай, Саша! Я былъ глупъ и неправъ сегодня, выдавъ тебя передъ обществомъ... Но видишь-ли: люди обладаютъ недостатками, и я въ ихъ числѣ, конечно, а между всѣми моими недостатками есть одинъ, худшій изъ нихъ—это зависть... Когда мои слушали тебя, а въ особенности Зоська, когда ты завладѣлъ вниманіемъ ея и цѣлаго общества, я, вѣришь-ли, Дуровъ... я почувствовалъ зависть... самую глупую зависть къ твоему успѣху. И мнѣ стало досадно, что они такъ обласкали тебя—чужого... между тѣмъ какъ я, свой, кровный, былъ ими какъ-бы позабытъ. И особенно Зоськой, вниманіемъ и привязанностью которой я такъ дорожу. Вотъ тебѣ и причина моего грубаго и глупаго поступка. Прости меня, Дуровъ!.. Сейчасъ моя сестра была здѣсь... Она съ такимъ участіемъ отнеслась къ тебѣ, Саша... Она благословила тебя на войну... И, при видѣ ея поступка, ея участія къ тебѣ, къ твоему сиротству, я почувствовалъ раскаяніе и стыдъ... Глупо намъ ссориться, Дуровъ. Мы оба сироты и должны поддерживать другъ друга. Простишь-ли ты меня? простишь?

— Отъ души!—весело отозвалась Надя, въ то время какъ двѣ предательскія слезинки, признакъ женской слабости, навернулись ей на глаза.

Многое-бы отдала она, лишь-бы вернуть назадъ эту бѣленькую черноглазую дѣвочку съ прозрачными крылышками эльфы, чтобы прижать ее къ себѣ и покрыть горячими поцѣлуями ея милое личико, ея каріе глазки...

Нервы бѣдной дѣвушки были взвинчены до послѣдней степени. Поступокъ Зоси и раскаяніе Вышмирскаго тронули ее до глубины души. Ей приходилось дѣлать невѣроятное усиліе надъ собою, чтобы не броситься на грудь пріятеля и не расплакаться навзрыдъ. А Юзекъ, казалось, понималъ, что происходило въ душѣ Нади,

потому что глаза его были полны самаго искренняго участія, когда онъ говорилъ:

— Намъ предстоитъ нелегкій путь впереди. Трудная, тяжелая, боевая жизнь... Тамъ, на чужбинѣ, насъ, можетъ быть, уже караулитъ непріятельская пуля... Давай-же, подадимъ другъ другу руки, будемъ поддерживать одинъ другого, — насколько можно. Вѣдь оба мы еще молоды, такъ непростительно молоды, Дуровъ! Клянусь тебѣ сердцемъ Зоси, я не могу простить себѣ моего сегодняшняго поступка. Какъ я былъ глупъ тогда въ столовой, когда завидовалъ тебѣ изъ-за одного вниманія общества и его расположенія и любезности къ тебѣ...

— Вниманіе общества... его расположеніе... любезность... — съ тоскливой горячностью вырвалось изъ груди Нади, — ахъ, зачѣмъ мнѣ они?! Всю эту блестящую толпу съ ея вниманіемъ и любезностью я-бы не задумываясь отдалъ, слышишь-ли ты меня, Юзекъ, — да, отдалъ-бы за одну такую ласку твоей сестры, которыми она тебя сейчасъ такъ щедро осыпала. Вѣдь я такъ одинокъ! такъ ужасно одинокъ, Юзефъ, въ этомъ большомъ, громадномъ мірѣ!

— Бѣдный Дуровъ! Бѣдный Саша! — горячо воскликнулъ Вышмирскій, — отнынѣ ты не одинъ! Мы будемъ неразлучными друзьями на цѣлую жизнь!

И юный панъ Юзефъ крѣпко обнялъ своего новаго друга.

На слѣдующее утро, когда гости еще сладко спали въ домѣ, лихая тройка Канута уже выѣзжала на зарѣ изъ воротъ замка. Два юные уланчика, сидѣвшіе въ ней, поминутно оглядываясь назадъ, махали киверами. Тамъ, за ними, на высокомъ крыльцѣ замка стоялъ панъ Казиміръ, его двѣ дочери и Зося. Старый Канутъ махалъ шляпой, Ядя и Рузя платками, а маленькая фигурка въ свѣтломъ капотикѣ, фигурка вче-

рашней ночной эльфы, только крестила вслѣдъ отъѣзжающихъ въ то время, какъ поблѣднѣвшія губки ея шептали съ мольбой: «Матка Боска, Іезусъ Пречистый, спаси и сохрани ихъ!»

— Хорошо, что вернулись во-время! А то-бы пришлось на маршѣ догонять полкъ! — весело кивнувъ вновь прибывшимъ, произнесъ панъ Казимірскій, встрѣчая Вышмирскаго и Надю. — Черезъ часъ мы выступаемъ!

«Черезъ часъ мы выступаемъ! Черезъ часъ мы выступаемъ!» — пѣло и ликовало въ душѣ Нади. Она уже не чувствовала себя больше одинокой... Впереди ее звала и манила давно жданная, долго лелѣянная въ глубинѣ сердца и, наконецъ, сбывшаяся мечта...

— Алкидъ! Алкидушка, родимый! — говорила она въ необычайномъ оживленіи, гладя блестящую, лоснящуюся шею своего коня. — Чуешь-ли ты, старый товарищъ, что ждетъ насъ впереди? Алкидушка, ненаглядный мой, родненькій, вѣдь мы драться идемъ, на войну идемъ! Наконецъ-то, дождалась этого твоя хозяйка!

И она обнимала своего любимца, покрывая поцѣлуями его глаза, уши, шею. Вѣрный конь понималъ, казалось, свою госпожу. Онъ тихо помахивалъ хвостомъ и издавалъ легкое радостное ржаніе.

Ровно черезъ часъ Надя уже скакала въ рядахъ своего эскадрона подъ звуки полкового марша и мелкую дробь барабана, выбивающую походъ.

ГЛАВА V.

Первое боевое крещеніе.—Юная героиня.

СѢРЫЙ туманный день повисъ надъ Гутшадтомъ. Крошечное прусское мѣстечко все окунулось въ сѣрую пелену непроницаемаго тумана. Сырой, далеко не по маю пасмурный день моросилъ мелкимъ нуднымъ дождикомъ, дулъ холоднымъ пронизывающимъ вѣтромъ и весь окутывался все плотнѣе и плотнѣе въ свой непроглядный сѣрый покровъ.

Сыро, холодно, скверно...

По дорогѣ, ведущей отъ Гутштадта, движутся усталые эскадроны. Дневка назначена въ верстѣ отъ мѣстечка, въ громадной долинѣ между чахоточнымъ лѣскомъ и маленькой рѣчонкой, невозмутимо катящей свои мутныя воды.

Люди и кони порядочно-таки устали. Наканунѣ, въ день тезоименитства Наслѣдника и Великаго Князя Константина Павловича, генералъ-инспектора кавалеріи, былъ сдѣланъ смотръ войскамъ. Усталые отъ долгаго перехода изъ Россіи, они, однако, подтянулись и выказали себя молодцами на смотру, въ присутствіи высокопоставленнаго начальника и своихъ союзниковъ-пруссаковъ. За то сегодня усталость чувствовалась вдвое. И какъ на-зло, близость непріятеля не позволяетъ разложить костровъ и просушить какъ слѣдуетъ измокшія отъ дождя одежды.

О варкѣ обѣда не можетъ быть и рѣчи. Генералъ-

маіоръ Каховскій, командиръ коннопольцевъ, запретилъ «проявлять себя» раньше времени т.-е. до боя. И укрываясь въ туманѣ, стараясь какъ можно меньше производить шуму, бѣдные уланы, уставшіе до полусмерти, стройными рядами, взводъ за взводомъ, неслышно двигаются по дорогѣ.

Въ лейбъ-эскадронѣ ,съ края перваго полувзвода, ѣдутъ Вышмирскій и Надя. Вчера на смотру ротмистръ Казимірскій представилъ обоихъ, отдѣльно отъ прочихъ вербовщиковъ, генералу, и Каховскій, очарованный молодецкой выправкой этихъ двухъ юныхъ уланчиковъ, а еще болѣе растроганный ихъ крайней молодостью, въ знакъ особаго расположенія помѣстилъ ихъ въ почетные ряды лейбъ-эскадрона, подъ команду ротмистра Галлера, добрѣйшаго и симпатичнѣйшаго существа.

Но новизна положенія и почетное назначеніе словно не радуютъ Надю, или, вѣрнѣе, тѣнь прежней сильной и энергичной Нади. Длинный переходъ изъ Россіи въ Пруссію (даетъ себя знать. Подтянувшаяся на смотру и ухлопавшая на это послѣднія силы, дѣвушка неузнаваема теперь. Ея лицо изсиня-блѣдно отъ усталости и безсонницы. Глаза горятъ дикимъ пламенемъ; они стали громадными—эти совсѣмъ черные, страшные, измученные глаза. Которую уже ночь Надя проводитъ безъ сна, въ сѣдлѣ. Она не можетъ спать на маршѣ, какъ другіе, какъ Вышмирскій. Отъ постоянной безсонницы голова ея идетъ кругомъ, мысли путаются. Уланы кажутся ей лѣсомъ, лѣсъ—уланами. Она вынимаетъ изъ ноженъ саблю и долго смотрится, какъ въ зеркало, въ чисто отполированную поверхность стали. Боже мой! Ея-ли это лицо, такое страшное, мертвецки-блѣдное, съ впалыми щеками и растрескавшимися губами? Ея-ли это взглядъ—дикій, какъ у горячечной?.. И голосъ давно уже потерялъ свою молодую упругость.

Она едва держится, пошатываясь, въ сѣдлѣ. И при всемъ этомъ—безумное желаніе спать, уснуть на минутку, но какъ слѣдуетъ, на землѣ, на травѣ, на камнѣ, лишь-бы не на этой колеблющейся подъ сѣдломъ лошадиной спинѣ.

— Я не могу больше,—глухо лепечетъ она въ сторону своего друга и сосѣда по шеренгѣ, Вышмирскаго,—я выбился изъ силъ... Уснуть, уснуть, хотя-бы на мгновеніе!

— Эскадроны, равняйся!—слышится какъ сквозь сонъ несчастной дѣвушкѣ новая команда.

Слава Богу! Ни Юзефъ, ни другіе не слышали ея жалобы! Бѣдненькій Юзекъ самъ едва живъ отъ усталости. Куда дѣвались нѣжныя краски въ его лицѣ, вся его женоподобная трогательная красота прелестной дѣвочки? Лицо его обвѣтрило и загрубѣло. Но все-же онъ счастливѣе ея, Нади. Онъ, по крайней мѣрѣ, можетъ спать въ сѣдлѣ.

— Спать! Спать! Спать!—твердитъ она, какъ безумная, съ напряженіемъ вглядываясь въ туманную даль.

Но вотъ, остановка... Что это? Непріятель? Нѣтъ, полкъ остановился, чтобы перебраться на ту сторону рѣки... Будутъ переходить по-эскадронно... О, она успѣетъ спѣшиться и уснуть немного...

И, не долго раздумывая, Надя, едва держась на ногахъ отъ слабости, слѣзаетъ съ Алкида и, обмотавъ поводъ вокругъ руки, засыпаетъ въ одну минуту тутъ-же у ногъ лошади тяжелымъ нездоровымъ сномъ, не дающимъ успокоенія.

Эскадроны стоятъ на мѣстѣ въ ожиданіи переправы. Солдаты спѣшились и стали вольно. Многіе жуютъ хлѣбъ въ сухомятку, иные полощутъ въ рѣкѣ бѣлье, вынутое изъ ранцевъ.

— Ишь, вѣдь спитъ какъ крѣпко! Умаялся сердешный!—сочувственно говоритъ старый Спиридоновъ

Съ края перваго полувзвода ѣдутъ Вышмирскій и Надя...

вахмистру чужого эскадрона, наткнувшись на лежащую въ травѣ Надю.

— И чего тутъ развалился пострѣленокъ! — сердито ворчитъ суровый вахмистръ. — Тоже лѣзутъ въ войско, когда молоко не обсохло еще на губахъ! У маменькиной юбки щи хлебать молокососу, а онъ, натебѣ, туда же, въ солдаты! Аника-воинъ какой выискался!

— Нѣтъ, Меркулъ Афанасьичъ, ты моего барченка не тронь! — заступается дядька Спиридоновъ, преподаватель военнаго искусства Вышмирскаго и Нади: — онъ лихо и пикой и саблей владѣетъ, даромъ что молоденекъ... Храбрый мальчуга, говорю, будетъ; какъ о непріятелѣ заслышитъ, глазенками только и заблеститъ... А и притомился же сердешный, ровно мертвый уснулъ.

— Эскадронъ! на-конь! Впередъ! — слышится голосъ Галлера, и оба вахмистра стрѣлой несутся на свои мѣста.

— Саша! Саша! проснись! Наша очередь! — шепчетъ испуганный Вышмирскій и теребитъ Надю за плечо.

Надя открываетъ глаза, ничего не понимающіе, вспухшіе, съ отяжелѣвшими красными вѣками.

— Что такое? — недоумѣваетъ она. — Боже мой, гдѣ мы?

Ей странно и дико видѣть себя сейчасъ на голой землѣ, среди бряцающихъ оружіемъ и стременами уланъ... Она только-что грезила о домѣ, объ отцѣ, Васѣ... И зачѣмъ она здѣсь, какъ очутилась сарапульская Надя среди коней и солдатъ, готовившихся къ переправѣ?

И только студеная, холодная вода рѣчки, которую пришлось перейти вбродъ вмѣстѣ съ эскадрономъ, приводитъ въ себя забывшуюся дѣвушку.

«То былъ сонъ: и Сарапуль, и отецъ, и Вася! — мысленно говоритъ она, — а Сарапуля нѣтъ, Нади нѣтъ, и никого нѣтъ, а есть уланъ Дуровъ, коннопольскій то-

варищъ, которому надо идти сражаться противъ Наполеона»...

А рядомъ съ ней Вышмирскій, блѣдный, усталый, измученный не меньше ея самой. Вотъ онъ ѣдетъ какъ лунатикъ на своемъ конѣ, не видя ничего, съ открытыми глазами.

— Вышмирскій, — говоритъ Надя, и сама удивляется звуку своего голоса, такъ онъ сталъ глухъ и непріятенъ. — Ты спишь, Вышмирскій?

— Ахъ, Дуровъ, до сна-ли? У меня все тѣло ноетъ, какъ избитое! Проклятый Наполеонъ! Мало ему, что-ли, его славы? Новыхъ побѣдъ захотѣлось ненавистному корсиканцу... А тутъ умирай изъ-за него отъ усталости... Ѣсть не хочется, вѣришь-ли? — Я со вчерашняго дня ничего не ѣлъ.

— Да и мнѣ тоже. Это отъ безсонницы, — говоритъ Надя и вдругъ разомъ умолкаетъ.

Что-то тяжелое грохнуло и разлетѣлось неподалеку какъ-будто на тысячу кусковъ... Вотъ еще и еще разъ... Туманная даль поминутно прорѣзывается какими-то огненными шариками, выскакивающими въ одно мгновенье ока...

Гдѣ-то совсѣмъ недалеко въ сторонѣ лѣса, который темнымъ пятномъ вырисовался на общемъ сѣромъ фонѣ, чудится какое-то движеніе... Тамъ туманъ какъ-будто-бы сгустился и принялъ черноватый оттѣнокъ.

Весь полкъ, какъ одинъ человѣкъ, остановился, какъ вкопанный. Въ сѣромъ туманѣ особенно отчетливо пронесся сильный голосъ Каховскаго, произнесшій слова команды.

Послѣдній 6-й эскадронъ только что-вышелъ изъ рѣки.

Ряды полка разомкнулись и снова сомкнулись, сдѣлавъ поворотъ направо и ставъ флангомъ къ той сторонѣ, откуда гремѣли выстрѣлы.

Мимо Нади, повернувшей за остальными своего коня, пронесся полковой адъютантъ и, приложивъ руку къ козырьку кепи, почтительно доложилъ что-то вполголоса ротмистру Галлеру. Надя успѣла уловить одно: приказано повернуть къ Гутштадту и занять позиціи вблизи мѣстечка.

— Юзефъ, ты слышишь? тамъ непріятель! сегодня будетъ дѣло! — произнесла она шопотомъ и рука, державшая поводъ, дрогнула отъ сильнаго волненія.

— Ахъ, не все-ли равно, сегодня или завтра! — слабымъ голосомъ отозвался Вышмирскій. — Когда-нибудь да должно-же начаться. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Рано или поздно, а умирать придется; все-же лучше отъ пули, нежели отъ усталости!

— Стыдись, Вышмирскій, ты разсуждаешь, какъ дѣвчонка! — произнесла раздраженнымъ голосомъ Надя.

— Можетъ быть, — покорно согласился тотъ, — я не отрицаю; во мнѣ нѣтъ призванія къ войнѣ, какъ у тебя, и потому было-бы странно ждать отъ меня какихъ-то доблестей. Во всякомъ случаѣ, безъ нужды я не полѣзу подъ пулю. И потомъ, что за радость гибнуть теперь, когда чувствуешь себя такимъ молодымъ и здоровымъ! Ахъ, Саша, если бы не страхъ покрыть позоромъ весь родъ Вышмирскихъ и Канутовъ, то я-бы охотно повернулъ назадъ, въ Россію, гдѣ меня ждутъ и любятъ!.. Что за охота убивать другъ друга, когда жизнь такъ хороша, такъ прекрасна! О, проклятый Наполеонъ и негодная Пруссія, не нашедшая въ себѣ достаточно силы справиться съ нимъ!

Надя слушала его какъ во снѣ. Взоры дѣвушки были прикованы къ лѣсу. Туманъ замѣтно разсѣялся и теперь уже можно было разглядѣть движущіяся массы непріятеля, занявшія опушку. Сердце Нади усиленно забилось. Вотъ оно, то славное начало, о которомъ

она такъ мечтала всю свою жизнь. И ни трепета, ни страха не ощущала въ своей душѣ дѣвушка. Напротивъ, вся ея усталость почти разомъ соскользнула съ нея, блѣдное лицо покрылось краской, потухшее было пламя снова засверкало въ глазахъ.

— Орудія впередъ! — послышалась новая команда уже чужого, незнакомаго голоса, и коннопольцы, мѣрно развернувшись, стали тыломъ, уступая мѣсто артиллеріи, находившейся пока позади, подъ прикрытіемъ ихъ полка. Теперь, пока, имъ нечего было дѣлать и они стали «вольно», въ тылу артиллеріи. Люди спѣшились, мундштучили и оправляли коней.

— Жаркое дѣло будетъ, батенька! — послышался невдалекѣ отъ Нади голосъ ротмистра Галлера.

Она быстро оглянулась въ сторону говорившаго и не узнала его. Лицо эскадроннаго приняло какое-то новое, странное выраженіе. Глаза сузились и покраснѣли. Синяя жила надулась на лбу немного повыше виска. На всѣ черты легла печать странной напряженности и рѣшительности.

«Такія лица должны быть передъ боемъ у храбрецовъ», — мысленно рѣшила Надя и подошла къ ротмистру, подозвавшему ее.

— Что, Дуровъ? — кивнулъ онъ ей головою. — Сегодня, пожалуй, выпадетъ на твою долю первое крещеніе? Приказъ главнокомандующаго: «охранять позицію до послѣдней возможности». Будетъ жарко... но...

Онъ не договорилъ. Какой-то большой комъ шлепнулся невдалекѣ отъ передовыхъ орудій и, взрывая вокругъ себя землю, осыпалъ ближайшіе ряды цѣлымъ потокомъ осколковъ.

— Вотъ оно, начинается!.. — прошепталъ голосъ Галлера, и Надя разомъ почувствовала, что съ этимъ, разорвавшимся на тысячу горящихъ кусковъ, шаромъ все прошлое отошло куда-то въ сторону и начинается

что-то новое, странное, роковое, но чудно-прекрасное и близкое ея душѣ.

За первой гранатой налетѣла вторая; за нею третья, четвертая, безъ конца. Гдѣ-то, неподалеку, въ сторонѣ артиллеріи, послышался стонъ, вопль, заглушенный разомъ залпомъ нѣсколькихъ орудій. Имъ отвѣтили непріятельскія пушки. И, черезъ минуту, мирную долину поблизости Гутштадта трудно было узнать: она превратилась въ мѣсто какого-то сплошного адскаго торжища.

Непріятель, пользуясь туманомъ, подъ его прикрытіемъ почти вплотную приблизился къ русскимъ позиціямъ. Ужасные снаряды прыгали теперь одинъ за другимъ, разрушая и круша все живое на своемъ пути. Вопли и стоны раненыхъ дѣлались все громче, все слышнѣе... Теперь, звуча между пушечными залпами, они дополняли ужасную картину боя. Люди поминутно смѣнялись у орудій... Многіе уже лежали окровавленные у колесъ пушекъ, умирая на своемъ посту, отдавая родинѣ свои послѣднія минуты. Цѣлая груда мертвыхъ тѣлъ валялась въ долинѣ, а перекрестный огонь все еще не утихалъ, и страшный гулъ не умолкалъ ни на минуту... Битва косила и выхватывала все новыя и новыя жертвы.

Кавалерія еще не была въ дѣлѣ, и Надя, находясь внѣ опасности, на днѣ громаднаго рва, гдѣ коннопольцы были укрыты въ ожиданіи своей очереди вмѣстѣ съ конями, могла наблюдать величественную и страшную картину боя. Дѣвушка была какъ въ туманѣ. При видѣ ужасной картины смерти, ее словно пришибло, словно лишило возможности сосредоточиться и приготовиться къ бою.

«Гдѣ-же бранная слава? Гдѣ львиная храбрость? Гдѣ самая битва?—думалось ей.—Люди уничтожаютъ другъ друга страшными снарядами безъ боевого натиска, безъ рукопашной атаки! Ужасъ! Ужасъ!»

Вонъ молоденькій артиллеристъ готовится вложить зажженый фитиль, и вдругъ разомъ разорвавшаяся поблизости граната вырываетъ и фитиль, и руку, отхвативъ заодно и добрую половину туловища несчастнаго... А тутъ офицерикъ, такой жизнерадостный и веселый, кричитъ, надрываясь: «Молодцы, ребята! Такъ его, такъ! Поддай горяченькаго!»—и вдругъ, съ безумно-расширеннымъ взоромъ, падаетъ навзничь...

Надя на мгновеніе зажмурила глаза, чтобы не видѣть всѣхъ этихъ ужасовъ. И сквозь закрытые глаза—та-же картина стоитъ неотступно передъ нею: тѣ-же лопающіяся гранаты, тѣ-же истерзанныя тѣла, грудами наваленныя одно на другое, то-же торжество смерти. Смерти, одной смерти! А въ ушахъ раздается трескъ гранатъ, жужжаніе пуль, свистъ картечи между пушечными залпами и ревомъ боя...

— Іезусъ, Марія!—шепчетъ чей-то дрожащій голосъ подлѣ нея и трепетная рука хватаетъ руку Нади.

— Что съ тобой? Ты раненъ, Вышмирскій?

— Нѣтъ, слава Богу, но взгляни туда!..—и Юзефъ, блѣдный, какъ смерть, съ трясущеюся челюстью, указываетъ ей на что-то.

Надя посмотрѣла по направленію протянутой руки и ужасъ леденящимъ холодомъ наполнилъ ея жилы.

Двое солдатъ-коннопольцевъ, пользуясь прикрытіемъ артиллеріи и выгодной позиціей въ траншеѣ, присѣвъ на корточки, готовились мирно распить добытую манерку водки. Шальная, налетѣвшая какъ вихрь и разорвавшаяся на тысячу кусковъ граната въ одинъ мигъ сорвала головы несчастнымъ, такъ и оставшимся на мѣстѣ въ томъ же положеніи съ откупоренной манеркой и глиняной чаркой въ рукахъ, зажатыхъ послѣдними конвульсіями смерти. И на мѣстѣ головъ у обоихъ зіяли двѣ громадныя кровавыя раны...

Но Надѣ не было времени долго задумываться надъ этимъ новымъ ужасомъ боя.

— Эскадронъ, на-конь! Стройся! — послышалась роковая команда, и весь эскадронъ, какъ механическій, въ одно мгновеніе ока, съ быстротою молніи выбѣжалъ изъ траншей и, вскочивъ въ сѣдла, понесся какъ вихрь, держа пики на-перевѣсъ, прямо по полю, мимо замолкшихъ орудій въ сторону непріятеля.

— «Вотъ оно, начинается! славное, настоящее!.. Грудь о грудь!... Лицо къ лицу, съ нимъ, съ французомъ! — выстукиваетъ сильно бьющееся сердечко смугленькой дѣвочки въ малиновомъ колетѣ. — Вотъ оно! О, Господи! Какъ хорошо! Какъ легко мнѣ! Папа! Папа! Милый, любимый! Чуешь-ли? Это смерть или жизнь! Жизнь или смерть — все одно! За родину, туда, впередъ, за Царя и Россію, на него... проклятаго... грудь съ грудью!.. Быстрѣе, мой Алкидъ! Быстрѣе!..»

Но Алкидъ несется и такъ быстрѣе вѣтра, ему не надо напоминать, и уноситъ съ собою храбрую, трепещущую отъ волненія, всадницу.

Вотъ «они»... близко... Все меньше и меньше дѣлается разстояніе между ними и бравыми коннопольцами, несущимися, какъ буря, на нихъ... Уже можно различить синіе мундиры съ желтой обшивкой и усатыя потныя лица, закоптѣлыя отъ дыма, скорѣе изумленныя, нежели озвѣрѣлыя, лица враговъ. Вотъ-вотъ еще немного, и они сшибутся, эти синіе и зеленые мундиры, малиновыя и желтыя груди... Вотъ они близко... здѣсь... рядомъ...

«Vive l'empereur! Vive Napoléon!» — несется призывнымъ звукомъ, несется изъ этихъ синихъ и желтыхъ грудей навстрѣчу скачущей лавинѣ.

— Ура! — полнымъ вызова и удали крикомъ отзываются на нихъ молодцы-коннопольцы.

И все разомъ смѣшалось и завертѣлось: и кони, и

люди, и зеленые и синіе мундиры, въ одной сплошной вертящейся массѣ... Теперь уже близко-близко передъ самымъ лицомъ Нади мелькаютъ чьи-то загорѣлыя, красныя, усатыя лица, слышится гортанный рѣзкій французскій говоръ и русскіе выкрики, проклятія, брань...

Она сознаетъ, чувствуетъ, что «это» уже началось, что возврата нѣтъ, что надо дѣйствовать, крошить, убивать! Убивать людей—ей подобныхъ! Нѣтъ, только не убивать!.. «Поднявшій мечъ—отъ меча погибнетъ!»—говоритъ что-то внутри ея, на самомъ днѣ ея души, и она, поднявъ тяжелую пику, машетъ ею быстро и ловко, не направляя, однако, ни въ чью непріятельскую грудь, а только сильными ударами плашмя расчищая вокругъ себя мѣсто.

Теперь уже она плохо сознаетъ дѣйствительность. Чужая кровь брызжетъ передъ нею и туманитъ ей голову. Изступленное «ура», сливаясь съ дикимъ хриплымъ «Vive Napoléon, наполняетъ ея слухъ оглушительнымъ сплошнымъ ревомъ. Она несется какъ безумная, пылая отвагой, все впередъ и впередъ, врѣзываясь въ самое пекло боя, со своей поднятой пикой на-перевѣсъ, безсознательно сжимая ногами крутые бока своего Алкида.

«Царь... родина... Богъ! Богъ Великій и Милосердный!—выстукиваетъ ея сердце,—пошли намъ побѣду! Пошли!»—а съ устъ ея безсознательно срывается все то-же безумное «ура», выхваченное изъ глубокихъ нѣдръ дѣтской души, воспламеняющее кровь новымъ приливомъ отваги...

Она очнулась только тогда, когда чей-то хриплый голосъ скомандовалъ отбой и эскадронъ, быстро и стройно, какъ на ученьѣ, повернулъ обратно, оставивъ за собою груду своихъ и непріятельскихъ тѣлъ. И сразу новое «ура» и новая атака слѣдующаго, стоявшаго до очереди въ резервѣ, эскадрона. Это не ея—чужой эска-

дронъ; она можетъ отдохнуть, подкрѣпиться. Но разъ побывавшая уже въ атакѣ, испытавшая всю прелесть ея,— дѣвушка не можетъ оставаться теперь въ бездѣйствіи, равнодушною свидѣтельницею боя. Ее, хлебнувшую изъ этого кубка, тянетъ еще и еще разъ испить всю эту дивную и страшную чашу до дна... Тянетъ туда, обратно, гдѣ мелькаютъ красные кивера и синіе мундиры новыхъ, свѣжихъ непріятельскихъ рядовъ. Она незамѣтно отдѣляется отъ своего взвода, примыкаетъ къ чужому эскадрону и несется теперь снова въ атаку, отважная, смѣлая, съ дико горящимъ взоромъ, съ хриплымъ «ура», надрывающимъ ей грудь. И снова, во второй разъ, съ высоко поднятой пикой, встрѣчаетъ она синіе мундиры и желтыя груди французскихъ драгунъ. И снова мелькаютъ близко-близко передъ ея глазами красные кивера и красныя, не то изумленныя, не то испуганныя, лица враговъ.

— Куда, пострѣленокъ? Ишь, врѣзался! Нечего въ атаку лѣзть съ чужимъ эскадрономъ! Пошелъ на мѣсто! Не углядишь за вами—и отвѣчай потомъ!— слышится грубый голосъ чужого вахмистра надъ самымъ ея ухомъ.—Маршъ назадъ! Тебѣ говорю!—и онъ разражается цѣлымъ потокомъ брани по адресу Нади.

Но никто уже не въ силахъ остановить ее. Ея стройная фигурка на лихомъ сѣромъ въ яблокахъ карабахѣ несется впередъ и впередъ—живое олицетвореніе мужества и отваги... Непріятельская шпага касается ея груди, но ловкимъ ударомъ пики Надя выбиваетъ ее изъ рукъ врага. «Защищаться—не значитъ убивать!»— проносится молніей въ разгоряченномъ мозгу дѣвушки и острый конецъ ея оружія поражаетъ непріятельское плечо. Мигъ—и она уже несется назадъ, сбоку эскадрона, торжествующая, прекрасная, какъ никогда.

— Браво, Дуровъ! браво, мальчикъ!—встрѣчаютъ

ее шумные возгласы офицеровъ своего и чужихъ эскадроновъ.—Ты бился славно, какъ герой!

Ея смуглое лицо пылаетъ ярче отъ этихъ похвалъ. Она чувствуетъ, что достойна ихъ, что она заслужила одобреніе этихъ сильныхъ, мужественныхъ, видавшихъ виды людей. А между тѣмъ новый эскадронъ готовится къ атакѣ. Надя въ третій разъ, примкнувъ къ чужому взводу, несется въ бой.

— Ваше высокородіе, уймите мальчонку, сладу съ нимъ нѣтъ, такъ на врага и претъ!—слышитъ онъ какъ во снѣ рѣзкій голосъ вахмистра, звучащій нотами раздраженія и гнѣва.

А вслѣдъ за нимъ раздается сильный, уже охрипшій отъ команды голосъ ротмистра:

— Товарищъ Дуровъ! Если вы еще разъ посмѣете идти не въ очередь въ атаку, я прикажу связать васъ и оставить за флангомъ.—И тутъ-же, бросивъ взоръ на испуганное лицо уланчика, Галлеръ добавляетъ со свойственнымъ ему добродушіемъ и теплотою:—Нѣтъ основанія пренебрегать своей шкурой, мальчикъ! Вы достаточно проявили свою безумную удаль сегодня. Очередь за другими.

— О, господинъ ротмистръ!.. —прошептала молящимъ голосомъ Надя.

— Нѣтъ, нѣтъ, Дуровъ, это невозможно! Ваша смерть падетъ на наши головы... Мы—сильные, взрослые люди, вы—ребенокъ. Надо сохранить васъ во чтобы то ни стало, дитя!

Сохранить ее? Ея жизнь? Но къ чему ей жизнь, когда кругомъ бьются другіе?

И, грустно нахмурясь, отходитъ Надя отъ начальства и занимаетъ свое мѣсто въ траншеѣ.

— Наконецъ-то!—встрѣчаетъ ее недовольнымъ голосомъ Вышмирскій,—а я ужь думалъ, что ты не вернешься! Что за безуміе лѣзть прямо на штыки! Можно

Надя вихремъ понеслась на выручку съ поднятой пикой...

подумать, что ты жаждешь смерти, Дуровъ! Не глупи, Бога ради, а то сердце обливается кровью при видѣ твоихъ дикихъ безумствъ!

— Ахъ, Юзефъ! я самъ не знаю, что происходитъ во мнѣ: точно кто другой руководитъ моими поступками! Я не властенъ управлять собою... я точно...

Она не договорила...

Новая ужасная картина предстала передъ ея глазами и сосредоточила на себѣ все ея вниманіе. Нѣсколько человѣкъ французскихъ кавалеристовъ окружили русскаго офицера-драгуна, судя по оранжевому воротнику... Выстрѣломъ изъ пистолета выбили его изъ сѣдла и несчастный упалъ, окровавленный, къ ногамъ своей лошади. Но озвѣрѣвшіе въ бою враги не удовольствовались этимъ. Надъ головой офицера засверкали клинки французскихъ сабель... Минута... другая... и отъ бѣднаго драгуна останется одна сплошная окровавленная масса.

Въ одинъ мигъ Надя повернула своего Алкида въ ихъ сторону и, не отдавая себѣ отчета въ своемъ поступкѣ, вихремъ понеслась на выручку, вся блѣдная какъ смерть, со сверкающимъ отъ бѣшенства взоромъ и поднятой тяжелой пикой на-перевѣсъ.

— Негодяи! — вырвалось съ гнѣвомъ и ненавистью изъ ея запекшихся губъ. — Шестеро противъ одного, и это называется боемъ!..

Этотъ отчаянный дѣтскій крикъ, эта гнѣвная фраза, произнесенная на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ, этотъ сверкающій благороднымъ негодованіемъ и бѣшенствомъ взглядъ скачущаго прямо на смерть улана-ребенка привели въ недоумѣлое замѣшательство вшестеро сильнѣйшаго врага. Что-то необычайное, стихійное было въ юномъ, дышащемъ безуміемъ отваги, личикѣ Нади... Черные глаза ея, ставшіе огромными, сыпали искры. Взоръ пронизывалъ насквозь. Какъ вихрь налетѣла

она на передового француза и тяжелая пика опустилась плашмя ему на голову. Французъ крикнулъ какое-то ругательство и ринулся назадъ. За нимъ мгновенно послѣдовали остальные... И непріятель дрогнулъ передъ лицомъ ребенка. Было-ли тому причиной сознаніе несправедливости поступка по отношенію къ «лежачему» врагу, или отчаянная удаль юнаго воина поразила ихъ, но они всѣ шестеро въ одинъ мигъ повернули коней и съ быстротою молніи понеслись обратно къ своимъ позиціямъ. Уже впослѣдствіи Надя, много разъ вспоминая это событіе, никакъ не могла разъяснить себѣ причины ихъ бѣгства.

— Вы живы? Не бойтесь, я другъ вашъ! — произнесла она, быстро соскочивъ съ Алкида и наклоняясь надъ раненымъ драгуномъ.

— Они ускакали? Ихъ нѣтъ больше? — произнесъ тотъ, поднимая на Надю взоръ, исполненный благодарности и муки, и потомъ добавилъ, съ трудомъ выговаривая слова отъ слабости: — Я живъ, слава Богу, и моей жизнью обязанъ вамъ! Вы отбили меня отъ злодѣевъ... Какъ мнѣ благодарить васъ?

— Благодарить вамъ меня не за что. Я исполнилъ только свой долгъ, — скромно отвѣчала дѣвушка. — Но вамъ не безопасно оставаться здѣсь среди поля. Ваша лошадь убита наповалъ. Не возьмете ли вы мою, чтобы добраться до вагенбурга *)?

— О, я не въ силахъ подняться... Я раненъ въ грудь... Не рискуйте ради меня и скачите къ вашему полку... Мнѣ остается умереть здѣсь, такъ какъ помочь вы мнѣ не въ силахъ...

— Какой вздоръ! — горячо вырвалось изъ груди Нади. — Обопритесь только на мое плечо и постарайтесь вдѣть ногу въ стремя.

---

*) Перевязочный пунктъ въ обозѣ.

И, говоря это, она всѣми силами старалась помочь раненому подняться съ земли.

Изъ груди молодого драгуна кровь била ключомъ. Онъ могъ потерять сознаніе каждую минуту. Надя поняла, что одной ей не подъ силу поднять на лошадь несчастнаго и, подозвавъ къ себѣ скакавшаго мимо нихъ улана ихъ эскадрона, съ его помощью усадила раненаго въ сѣдло.

— Ну вотъ, теперь съ Богомъ! — весело проговорила она, когда блѣдный, истекающій кровью всадникъ тяжело опустился на спину ея Алкида. — Теперь скачите прямо къ вагенбургу, гдѣ вамъ сдѣлаютъ перевязку. А мнѣ надо спѣшить къ своимъ!

— Но ваше имя, юный герой? — въ волненіи произнесъ драгунъ. — Я долженъ знать имя моего спасителя!

— Ну, разумѣется! — улыбнулась Надя. — Иначе, не зная моего имени, вы не въ состояніи будете найти меня, чтобы вернуть мнѣ моего коня. Меня зовутъ Александръ Дуровъ, я товарищъ коннопольскаго уланскаго полка. Съ Богомъ, г. поручикъ! Желаю вамъ поправиться какъ можно скорѣе, чтобы какъ слѣдуетъ отомстить врагу за полученную рану!

— Благодарю васъ, отъ души благодарю! — произнесъ слабымъ голосомъ офицеръ. — Мое имя Панинъ и я всю жизнь останусь вашимъ должникомъ. До свиданья, г. Дуровъ... Дай вамъ Богъ всего лучшаго въ мірѣ...

Надя сдѣлала подъ-козырекъ, лихо брякнула шпорами и направилась къ своему посту пѣшая, ощущая смутную тревогу за своего коня. Она впервые разлучалась со своимъ Алкидомъ и теперь ее уже мучило запоздалое раскаяніе, что она отдала его офицеру.

— Что это? ты раненъ, Дуровъ? — съ тревогой спросилъ попавшійся ей по дорогѣ Галлеръ. — Допры-

гался, мальчуганъ! Слѣдовало-бы арестовать тебя за неповиновеніе начальству!

Надя съ недоумѣніемъ оглядѣла себя и тутъ только увидала, что весь мундиръ ея залитъ кровью.

— Никакъ нѣтъ, господинъ ротмистръ! Я, слава Богу, невредимъ. Это кровь поручика Панина,—произнесла она въ отвѣтъ на слова своего эскадроннаго.

— Какого Панина? Что ты мелешь? А твоя лошадь? Убита?

— Никакъ нѣтъ! Я отдалъ ее тому-же Панину.

— «Панинъ! Панинъ!» заладилъ одно и то-же!—вышелъ наконецъ изъ себя потерявшій терпѣніе Галлеръ.—Пошелъ за фронтъ, повѣса! И помни разъ навсегда, что уланъ только мертвый можетъ разстаться со своимъ конемъ!

И, когда Надя отошла отъ него достаточно далеко, добродушный ротмистръ все еще недовольно ворчалъ ей вслѣдъ:

— Не угодно-ли еще на войнѣ няньчиться съ этой дѣтворою! Наградилъ Господь! Нечего сказать!.. Этотъ и другой... Вышмирскій... Эхъ, чтобъ тебя!.. И лѣзутъ вѣдь на войну, когда другіе въ ихъ годы играютъ въ бабки! А тутъ дрожи за нихъ.

Ротмистръ былъ правъ. Дрожать было за что. Кругомъ свистѣли и жужжали пули и лопались гранаты, грохотали пушки и надъ всѣмъ этимъ неслось дикое, хриплое, отчаянное «ура», вырывающееся изъ остатка русскихъ молодецкихъ грудей...

Остатка!.. Да, не много вернулось ихъ назадъ къ русскимъ позиціямъ; не мало за то полегло тамъ въ страшной долинѣ близъ Гутштадта. Въ этотъ день съ кровавой нивы была въ изобиліи собрана жатва... Но что бы ни было, битва осталась за нами. Непріятель былъ оттиснутъ на прежнія позиціи... Русскіе и ихъ союзники-пруссаки могли поздравить себя на этотъ разъ

съ побѣдой... Увы! съ побѣдой, доставшейся такъ непростительно дорого мужественнымъ героямъ. И все-же непріятель отступилъ вплоть до самой рѣчки Падарги и, перейдя ее вбродъ, укрѣпился на ея берегу, приготовляясь къ новой атакѣ, къ новому бою...

ГЛАВА VI.

Неудачная поѣздка.—На краю гибели.

ПОСЛѢ знаменитой Гейльсбергской битвы, когда, озвѣрѣвшіе отъ упорнаго и долгаго сопротивленія союзниковъ, французы вихремъ налетали на нихъ въ составѣ цѣлыхъ полковъ и, принимая на себя грудью молодецкіе штыки пѣхоты, умирали героями, искрошенные въ куски—послѣ Гейльсбергской битвы, гдѣ уланы-конно-польцы не участвовали въ бою, наступило затишье.

Надя, воспользовавшись имъ, попросила Галлера отпустить ее въ Гейльсбергъ подковать Алкида. Къ тому же бѣдная дѣвушка порядочно изголодалась за это время, такъ какъ приходилось крайне экономить взятыя изъ дому деньги, отъ которыхъ почти ничего не осталось теперь. Необходимо было купить хлѣба себѣ и Вышмирскому, который въ этотъ день числился дежурнымъ по эскадрону и не могъ сдѣлать ни шагу изъ полка.

Измученная до смерти отъ усталости, голода и пережитыхъ отъ ужасовъ войны впечатлѣній, Надя чуть держалась въ сѣдлѣ. Она ни минуты не смыкала глазъ за двѣ послѣднія ночи, потому что полкъ былъ все время на-чеку, въ ожиданіи нападенія. И теперь, слегка покачиваясь въ сѣдлѣ на спинѣ своего вѣрнаго Алкида, Надя скакала легкимъ галопомъ по дорогѣ въ Гейльс-

бергъ, въ надеждѣ вернуться оттуда пораньше и выспаться до зари. Издали неслась замирающимъ звукомъ канонада непріятельскихъ орудій, но и она затихала понемногу, по мѣрѣ приближенія Нади къ городу.

Бой очевидно кончался. По крайней мѣрѣ на сегодня. Люди, измученные и утомленные, рѣшили сложить пока оружіе. Люди устали нападать, защищаться и... убивать другъ друга. И бой затихалъ...

Уже у городской заставы Надѣ невольно пришло въ голову, что она не знаетъ Гейльсберга и что ей придется долго промыкаться по городу, пока она доберется до кузницы.

— Пожалуйста,—вѣжливо остановила она шедшаго съ парой сапогъ въ рукахъ нѣмца, очевидно сапожника,— не знаете-ли вы, любезный, какой-нибудь кузницы поблизости? Мнѣ необходимо подковать мою лошадь.

Нѣмецъ добродушно ухмыльнулся и пожалъ плечами. Онъ, очевидно, не понималъ по-русски. Тогда Надя перевела свой вопросъ на французскій языкъ. И тутъ получился тотъ-же результатъ. Нѣмецъ усиленно улыбался и безпомощно трясъ головою.

— Подковать лошадь! comprenez-vous? Лошадь подковать!—уже кричала, выведенная изъ себя непонятливостью нѣмца, Надя и, соскочивъ съ коня, легонько ударила по раскованной ногѣ своего коня.

— А-а...—протянулъ недогадливый нѣмецъ.—Ja, ja... Gut, sehr gut!—и опять улыбался и моталъ головою.

— Ничего не «гутъ!»—злилась дѣвушка, въ свою очередь почти не понимавшая по-нѣмецки.—Чего же «гутъ», когда подкова сломалась!

— Sehr gut, sehr gut!—твердилъ свое нѣмецъ и замахалъ рукою по направленію города.—Ich verstehe ganz gut, Herr Offizier, ich verstehe.

И онъ проворнѣе зашагалъ по дорогѣ, сдѣлавъ

знакъ Надѣ идти за нимъ, и та, не имѣя ничего лучшаго въ виду, слѣдовала за нѣмцемъ.

Нѣмецъ оказался понятливѣе, нежели этого ожидала Надя: не болѣе, какъ черезъ полчаса всѣ трое—онъ, Алкидъ и она—Надя—стояли передъ дверьми какой-то заѣзжей бѣдной корчмы.

На порогѣ ихъ встрѣтила добродушнаго вида толстая нѣмка съ книксенами, улыбками и цѣлымъ потокомъ болтовни, изъ которой Надя, однако, не поняла ни слова.

Съ трудомъ дѣвушкѣ удалось жестами разъяснить словоохотливой хозяйкѣ, что необходимо добыть кузнеца—подковать лошадь и что, кромѣ того, ей нужно купить хлѣба.

Послѣ долгихъ усилій хозяйка наконецъ поняла, что требовалось юному улану. Она передала лошадь мальчишкѣ-слугѣ и ввела Надю въ просторную горницу, гдѣ на большомъ очагѣ ярко пылалъ огонь. Несмотря на конецъ мая, стояли адскіе холода и огонь пришелся какъ нельзя болѣе кстати иззябшей за длинную дорогу Надѣ. Жестомъ показавъ нѣмкѣ, чтобы та принесла ей чего-нибудь поѣсть, дѣвушка съ удовольствіемъ опустилась въ кожаное кресло, стоявшее передъ очагомъ. Живительная теплота и полная тишина подѣйствовали самымъ пріятнымъ образомъ на измученную душой и тѣломъ юную героиню. Отяжелѣвшія вѣки слипались сами собою, голова безсильно падала на высокую рѣзную спинку кресла и менѣе чѣмъ черезъ минуту Надя погрузилась въ сладкій и крѣпкій сонъ, лишенный всякихъ грезъ и сновидѣній.

Долго-ли или мало спала Надя, она не знала. Но когда, проснувшись, дѣвушка открыла глаза, то въ первую минуту ничего не могла увидѣть, благодаря непроглядной темнотѣ, воцарившейся въ комнатѣ. Прошло не мало времени, пока глаза ея привыкли къ темнотѣ и

могли различить и тлѣющіе уголья въ каминѣ, и ближайшіе предметы, легкими силуэтами рисовавшіеся во мракѣ.

— Вставай, молодчикъ, — послышался въ темнотѣ чей-то голосъ. — Экъ, разоспался! Слышишь канонаду? Непріятель, того и гляди, ворвется въ городъ!

— А хозяйка?

— Экъ, чего хватился! Всѣ убѣжали изъ города. Кто не успѣлъ еще дать тягу — топчется у заставы. Тамъ какъ есть вавилонское смѣшеніе. А ты торопись, молодчикъ, а то ненарокомъ «онъ» нагрянетъ!

«А Алкидъ? мой дорогой Алкидъ? — вихремъ пронеслось въ мозгу Нади. — Какъ бы не увели его въ общей суматохѣ!»

И наскоро поблагодаривъ разбудившаго ее неизвѣстнаго благодѣтеля, Надя быстро вскочила и опрометью бросилась во дворъ. Слава Богу, Алкидъ былъ тамъ, но — увы! — неподкованный, какъ и прежде. Размышлять, однако, было некогда. Быстро взнуздала Надя своего четвероногаго друга и выѣхала со двора корчмы.

Ночь стояла непроглядная, черная, настоящая южная ночь. Гдѣ-то невдалекѣ слышались пушечные залпы. По усилившейся канонадѣ можно было догадаться, что непріятель находится по близости Гейльсберга. Надо было торопиться, чтобы не быть отрѣзанной отъ своихъ. Съ сердцемъ, сжимающимся отъ жалости, Надя понукала Алкида. Благородный конь, слегка прихрамывая на раскованную ногу, бѣжалъ бодрымъ шагомъ впередъ.

У заставы тѣснилась громадная толпа народа, очевидно, обитателей Гейльсберга, спѣшившихъ покинуть городъ. Между ними находилась цѣлая масса раненыхъ въ повозкахъ и пѣшихъ, съ перевязанными руками и головами, хромающихъ и опирающихся на палки. Женщины голосили на разные лады, дѣти плакали и ко всему

этому еще присоединялось блеяніе овецъ и мычаніе коровъ, такъ какъ горожане угоняли и весь свой домашній скотъ за собою.

Ни пройти, ни проѣхать не было никакой возможности. Куда бы Надя ни направила шагъ Алкида, ихъ моментально оттѣсняли назадъ и бѣдная всадница металась со своимъ конемъ среди всей этой разношерстной толпы, какъ мышь, запертая въ мышеловку. Наконецъ, она замѣтила нѣсколько казаковъ, быстро проскользнувшихъ на своихъ коняхъ къ заставѣ. Мигъ—и она присоединилась къ нимъ, не взирая на протестующіе крики пѣшеходовъ, испуганныхъ на-смерть прыжками ея Алкида, на крики и угрозы, посыпавшіеся на нее со всѣхъ сторонъ.

Теперь оставалось только выбрать кратчайшую дорогу къ позиціямъ, а между тѣмъ это было едва-ли возможно при наступившей ночной темнотѣ. Надя смутно помнила, что она ѣхала къ злополучному Гейльсбергу лѣсомъ. Теперь этотъ лѣсъ темнѣлъ въ двадцати шагахъ отъ нея, справа отъ дороги, и она, не раздумывая долго, подскакала къ его опушкѣ и очутилась подъ гостепріимнымъ кровомъ его вѣтвей, въ непроглядномъ мракѣ ночи. Отдохнувши за время своей продолжительной спячки, Надя чувствовала себя бодро и свѣжо, чего уже давно не было съ нею. Алкидъ, успѣвшій основательно закусить овсомъ въ стойлѣ корчмы, шелъ достаточно быстро для своей раскованной ноги.

Надя, несмотря на спѣшное бѣгство изъ Гейльсберга, успѣла-таки захватить съ собою краюшку хлѣба, принесенную ей должно быть во время сна хозяйкой корчмы.

И теперь, ѣдучи на-угадъ по темному лѣсу, она ѣла свою краюшку, дѣлясь ею съ Алкидомъ и раздумывая въ то-же время о превратностяхъ судьбы.

Мечтала-ли когда-нибудь она, смугленькая Надя, что

очутится одна, темною ночью, въ чужой странѣ, наполненной непріятелемъ, такъ невозможно далеко за предѣлами своей любимой родины? Ей даже не вѣрится какъ-то, что это точно она, Надя, скачетъ теперь отъ Гейльсберга къ своему полку. Точно настоящая Надя осталась тамъ далеко въ Россіи, у обрыва на Камѣ, а это не Надя, а какое-то совсѣмъ особенное, новое существо, въ уланскомъ мундирѣ съ малиновой грудью. И все-же и малиновый уланъ, и смугленькая Надя съ береговъ Камы—одно лицо. Но малиновый уланъ побѣждаетъ смуглую дѣвочку и смуглая дѣвочка стушевывается и уходитъ куда-то внутрь себя, въ безпредѣльность, уступая мѣсто малиновому улану. И малиновый уланъ, и смуглая дѣвочка, это единое существо о двухъ лицахъ—счастливо, безмѣрно счастливо, достигнувъ своей завѣтной цѣли... Вѣдь она, этотъ уланъ-дѣвочка, уже не простой уланъ... Она сражалась, она билась за честь родины... Ей удалось совершить подвигъ—спасти офицера... Ее считаютъ олицетвореніемъ отваги и въ полку, и въ дивизіи. И эта отчаянная Гутштадтская битва, гдѣ ей пришлось видѣть смерть столькихъ храбрыхъ, развѣ не подтвердила ей, что мѣсто ея, Нади, на полѣ брани, среди разрывающихся снарядовъ, подъ свистъ пуль и картечи?.. И какъ хорошо и страшно это было, какъ чудовищно-страшно и прекрасно! О, когда еще будетъ битва!.. Когда пойдутъ еще въ дѣло они—коннопольцы?! О, хоть бы поскорѣе опять!..

Внезапный толчокъ разомъ прерываетъ теченіе мыслей молодой дѣвушки. Алкидъ стоитъ на мѣстѣ. Всѣ его члены дрожатъ.

Надя быстро слѣзла съ сѣдла и, взявъ его за поводъ, повела впередъ, низко наклонясь къ землѣ, въ надеждѣ увидѣть дорогу. Путь шелъ теперь въ гору, ужасную по своей крутизнѣ—очевидно, это былъ редутъ, покинутый непріятелемъ. Надя ощупью взбиралась теперь

на него бокъ-о-бокъ съ конемъ. Кругомъ царила все та-же темень. На разстояніи двадцати шаговъ нельзя было различить ничего.

И вдругъ молодая дѣвушка запнулась за что-то, лежащее на ея пути. Толчокъ былъ слишкомъ силенъ, и Надя упала у ногъ своего коня. Ища опоры, она протянула руку впередъ и вдругъ быстро отдернула ее назадъ, вся похолодѣвъ отъ ужаса и отвращенія. Ея пальцы коснулись чего-то холоднаго, скользкаго, неживого. Она быстро склонилась лицомъ почти въ упоръ къ странному предмету и легкій крикъ ужаса замеръ на ея губахъ. То было мертвое тѣло солдата-пруссака, раздѣтое французскими мародерами и брошенное въ кустахъ.

Алкидъ, чуя близость мертвеца, фыркалъ и храпѣлъ, порываясь назадъ. Но Надя, съ трудомъ удерживая его за поводъ, быстро вскочила въ сѣдло и поскакала въ гору, несмотря на всѣ усилія коня свернуть въ сторону и повернуть обратно къ Гейльсбергу. Онъ поминутно останавливался, замедлялъ ходъ, билъ задними ногами и чуть-ли не первый разъ въ жизни оказывалъ полное неповиновеніе своей госпожѣ.

— Ну-ну, Алкидушка! Ну, голубчикъ!—просящимъ шопотомъ уговаривала его Надя, съ ужасомъ косясь въ сторону мертваго тѣла, чуть-чуть бѣлѣющаго во тьмѣ ночи.

Но Алкидъ въ отвѣтъ на всѣ просьбы своей хозяйки неожиданно взвился на дыбы, словно собираясь сбросить съ себя юную всадницу.

— Такъ вотъ какъ!—съ гнѣвомъ вырвалось изъ устъ Нади, и она въ бѣшенствѣ вонзила шпоры въ крутые бока Алкида.

Благородный конь издалъ тихое продолжительное ржаніе. Онъ точно жаловался кому-то на незаслуженную обиду, нанесенную ему его госпожей. Эта жалоба

безсловеснаго животнаго больно отозвалась въ сердцѣ Нади.

— Самъ виноватъ, что не слушался добраго слова, — произнесла она, все еще раздраженнымъ голосомъ и, сильно натянувъ поводья, поскакала впередъ.

Теперь Алкидъ уже не сопротивлялся и шелъ покорно туда, куда направляла его маленькая ручка его госпожи.

Вскорѣ гдѣ-то высоко на крутизнѣ замелькали огни. Надя не ошиблась: это былъ редутъ. Она облегченно вздохнула и поскакала прямо къ нему.

— Кто идетъ? — внезапно раздался тихій окрикъ и нѣсколько всадниковъ въ одну минуту окружили коня и всадницу.

— Товарищъ уланскаго коннопольскаго полка; ѣду изъ Гейльсберга! — бойко отрапортовала Надя, обрадовавшись присутствію людей.

— Въ полкъ? — переспросилъ тотъ-же голосъ, зазвучавшій, однако, нотами удивленія. — Но твой полкъ остался далеко позади тебя, а впереди находятся непріятельскіе редуты. Хорошо, что наскочилъ на насъ, пріятель, а то не миновать бы тебѣ французской пули!

И, сказавъ это, невидимый всадникъ далъ шпоры коню и въ сопровожденіи своего маленькаго отряда помчался по дорогѣ къ Гейльсбергу. Надя снова осталась одна подъ покровомъ лѣса и ночи, въ ста шагахъ отъ непріятельскихъ позицій, огоньки которыхъ такъ гостепріимно манили ее.

Дѣвушка вздрогнула и перекрестилась. Она разомъ поняла, что была на волосокъ отъ смерти. Само Провидѣніе, казалось, оберегало ее. И вдругъ густая краска раскаянія и стыда залила ея лицо и шею.

Алкидъ оказывался гораздо болѣе чуткимъ, чѣмъ его госпожа. Не даромъ же такъ упрямился онъ, чуя

близость смертельной опасности. А она такъ жестоко, такъ безсердечно обошлась съ нимъ, такимъ чуткимъ, умнымъ, благороднымъ!..

— О, Алкидъ! мой дорогой, незамѣнимый, простишь-ли ты свою глупую хозяйку?—вырвалось искреннимъ порывомъ изъ груди Нади и она, обнявъ руками стройную шею коня, прижалась къ его горячему уху долгимъ поцѣлуемъ.

Тихое, радостное ржаніе было отвѣтомъ Надѣ на ея задушевную ласку.

Теперь уже Алкидъ не нуждался ни въ поводѣ, ни въ понуканіи. Какъ вихрь, несся онъ, повернувъ обратно, унося на своей спинѣ юную всадницу по Гейльсбергской лѣсной дорогѣ.

Черезъ полчаса Надя была на мѣстѣ. Она подскакала какъ-разъ въ ту минуту, когда полкъ снимался со старыхъ позицій и шелъ на новыя. Едва только полумертвая отъ бѣшеной скачки Надя подлетѣла къ своему эскадрону на взмыленномъ конѣ, какъ передъ ней, словно изъ-подъ земли, выросла мощная фигура ея дядьки-вахмистра.

— Ишь, тебя все носитъ, разбойникъ!—заворчалъ на Надю бравый Спиридоновъ.—Въ этакое-то время, когда всѣ окрестности кишатъ врагомъ, онъ себѣ преспокойно разгуливаетъ ночью. Да скажи ты мнѣ на милость, парень, тошно тебѣ, что-ли жить на свѣтѣ, а? То посреди штыковой рѣзни коня своего отдаетъ, то еще отчаяннѣе что придумываетъ. Помяни ты мое слово: не снести тебѣ буйной головушки, барченокъ... Право слово, не снести. Взгляни на пріятеля,—кивнулъ онъ въ сторону чинно ѣхавшаго, словно на ученьѣ или на парадѣ, Вышмирскаго,—вѣдь и онъ молодъ и ему тоже отличиться хочется, а вѣдь не мечется, какъ угорѣлый, какъ шальной какой, прости ты меня, Господи...

А Надя на эти рѣчи только усмѣхнулась въ отвѣтъ.

Быть, какъ Вышмирскій? Стоять на мѣстѣ, когда кругомъ бьются на-смерть, когда кровь льется ручьемъ, родная русская кровь! О, никогда! ни за что въ мірѣ! Пусть ей, Надѣ, не снести ея буйной головушки, какъ говоритъ Спиридоновъ, — такъ что жъ? Если голова эта нужна милой родинѣ — она, Надя, сложитъ ее хоть сейчасъ подъ ударомъ первыхъ же непріятельскихъ сабель!

Новый восторженный порывъ охватилъ все существо отважной дѣвушки.

— Знаешь, Вышмирскій, — со смѣхомъ обратилась она къ пріятелю, — я чуть не наскочилъ сейчасъ на непріятельскую траншею... За свою принялъ...

— Нѣтъ ничего удивительнаго! — пожавъ плечами, отвѣчалъ блѣдный, замѣтно спавшій съ лица за всѣ эти кровавые дни, Юзекъ. — Нѣтъ ничего удивительнаго, Дуровъ... Если бы ты вскочилъ въ самый адъ, въ пекло и вернулся бы оттуда обратно — и это-бы, признаться, ничутьне поразило меня...

— Ха-ха-ха! — весело смѣется Надя и ее разомъ охватываетъ самое искреннее веселье... — «Въ адъ, въ пекло», говоришь ты. Да развѣ это не адъ, и Гутштадтъ, и Гейльсбергъ?.. Ахъ, Юзекъ, Юзекъ, если существуетъ на свѣтѣ Вельзевулъ, князь ада, то, я увѣренъ, онъ живой портретъ и прототипъ Наполеона.

И снова звенитъ ея смѣхъ, заразительный, дѣтскій, звонкій, а кругомъ сосредоточенныя, хмурыя лица. На нее поглядываютъ косо, сердито, враждебно.

— И въ самомъ дѣлѣ, чего расходился, чего заливается этотъ странный юный мальчишка? — недоумѣваютъ бравые лихачи-уланы, — и то сказать — ровно шальной какой: то въ огонь на штыки, на смерть лѣзетъ, прямо чорту въ зубы, а то заливается, хохочетъ, словно полуумный... Совсѣмъ, надо полагать, особенный пар-

нишка... Несуразный. А храбръ, какъ левъ, этого отнять отъ него нельзя.

И лица уланъ мало-по-малу проясняются при воспоминаніи объ этой храбрости диковиннаго парнишки. А тотъ уже пересталъ смѣяться и ѣдетъ снова безмолвный и спокойный, съ серьезнымъ, сосредоточеннымъ взоромъ большихъ черныхъ глазъ.

ГЛАВА VII.

Ефремъ Баранчукъ.—Въ лѣсу.

МАЛЕНЬКОЙ мелководной прусской рѣчонкѣ Алле выпала значительная историческая роль. Она разъединяетъ двѣ великія арміи и составляетъ единственную преграду для двухъ страшныхъ лавинъ, готовившихся ворваться одна въ другую и слиться въ одно цѣлое, роковое, кровавое цѣлое, въ безчеловѣчномъ адскомъ бою.

По одну сторону Алле стоитъ французское войско съ самимъ великимъ Наполеономъ во главѣ, съ этимъ геніемъ, покорившимъ, со всѣми его первыми маршалами и генералами Мюратомъ, Ланномъ, Леграномъ, Сультомъ и другими уже одну половину міра, мечтающимъ покорить и другую.

По другую сторону—наши войска съ союзниками-пруссаками, подъ командою Бенигсена, недавняго побѣдителя при Прейсишъ-Эйлау, теперь немощнаго и больного, измученнаго безсонницей, старика. Тутъ-же Багратіонъ, Платовъ, Горчаковъ—всѣ лучшіе вожди русскаго войска. Но ихъ мужественныя лица сосредоточены и разсѣяны сегодня. Бенигсенъ—боленъ. Главнокомандующій—боленъ. Онъ не можетъ явиться передъ фронтомъ, чтобы вдохнуть новую отвагу въ мужественныя груди русскихъ солдатъ.

А тамъ, на противоположномъ берегу, не только маршалы, тамъ самъ полководецъ-императоръ объ-

ѣзжаетъ полки, привѣтствуя свою старую и молодую гвардію. Съ русскаго берега Алле видна нарядная группа всадниковъ, медленно и торжественно объѣзжающихъ войска. Среди блестящихъ золоченыхъ камзоловъ маршаловъ и генераловъ Франціи, находится, увѣнчанный пушистымъ плюмажемъ на шляпѣ, новопроизведенный вице-король Неаполитанскій, Мюратъ, сынъ трактирщика, изъ простого рядового ставшій маршаломъ Франціи. Но больше всего выдѣляется полная приземистая фигурка въ разстегнутомъ сюртукѣ, съ характернымъ горбоносымъ профилемъ, въ простой скромной треуголкѣ. Этотъ человѣкъ, съ замѣтно отросшимъ брюшкомъ, съ орденомъ Почетнаго Легіона въ петличкѣ — это Наполеонъ, самъ Наполеонъ, побѣдитель Австріи, Италіи, Испаніи, Египта, Индіи, повергшій къ своимъ ногамъ многія сильныя государства Европы. Многія — однако, не всѣ. Но онъ мечтаетъ покорить ихъ всѣ и сдѣлать изъ нихъ одну общую всемірную Францію, этотъ толстый человѣчекъ, объѣзжающій свои войска. Его мечты такъ дерзки и отважны! Недаромъ же онъ изъ ничего сталъ императоромъ, онъ, сынъ простолюдинки-корсиканки, онъ, шутя захватившій въ свои пухлыя маленькія руки престолъ и корону Франціи, онъ, возложившій на свою характерную голову желѣзный Ломбардскій вѣнецъ, онъ, передъ кѣмъ склонились короли и самъ папа! Онъ въ правѣ считать себя геніемъ и полубогомъ. Надъ его головой сіяетъ яркое солнце — солнце побѣды и славы, славы, о которой простой смертный не дерзнулъ бы мечтать. И, объѣзжая свои ряды, императоръ-полководецъ улыбается, счастливый своей увѣренностью въ побѣдѣ...

Сегодняшній день самъ по себѣ великъ по своему значенію. Сегодня блестящая годовщина битвы подъ Маренго. И это должно принести счастье его французскимъ полкамъ.

— Солдаты! — звучитъ энергичный голосъ вождя-императора, — моя храбрая гвардія, мои гренадеры, я буду смотрѣть на васъ — сегодня день счастья и побѣды, знаменитый день Маренго, солдаты! Будьте-же достойны его!

И молодая и старая гвардія, знаменитые Наполеоновскіе гренадеры — все это смѣшалось въ одномъ сплошномъ стихійномъ ревѣ.

— Vive l'empereur! Vive Napoleon! — несется крикъ со стороны французовъ.

А на русскомъ берегу идетъ тихое и мирное подготовленіе къ бою. Солдаты, получившіе свою обычную порцію у котловъ и пропустившіе «чарочку», веселы и спокойны, несмотря на безсонную тревожную ночь, проведенную въ виду непріятеля. Спокойны и коннопольцы и съ веселой сосредоточенностью готовятся къ бою. Въ лейбъ-эскадронѣ, гдѣ находятся два юные товарища, Дуровъ и Вышмирскій, солдаты выглядятъ сегодня какъ-то особенно бодро и весело.

— Что, Иванковъ, — говоритъ старый вахмистръ Спиридоновъ молоденькому фланговому, — небось, теперь смѣешься, а какъ зажужжитъ «она», притихнешь, братецъ, кланяться учнешь!

— Ни въ жисть не учну, дядюшка Савельичъ... лопни утроба, ни въ жисть!.. — бойко отзывается курносенькій, весноватый солдатикъ. — Коли кому отъ «ей» на роду смерть написана, такъ ужь кланяйся, аль нѣтъ, все одно жиганетъ.

— А ты не думаешь, что тебя-то какъ разъ и жиганетъ? — не унимается бравый вахмистръ, подмигивая собравшимся вокругъ него солдатамъ на весноватаго Иванкова.

— Мнѣ умирать никакъ еще не можно, — весело отвѣчаетъ тотъ, — у меня женка молодая въ деревнѣ осталась и дѣтки... Четверо дѣтокъ... Ей-Богу, не можно мнѣ умирать, Савельичъ.

— Эхъ, дурень! — разсмѣялся Спиридоновъ, — что говоришь-то! Да нѣшто спроситъ «она» можно, али не можно! — передразнилъ онъ Иванкова. — Пулѣ да ядру, братъ, не закажешь...

— И то, не закажешь, дядюшка Савельичъ, — покорно соглашается тотъ. — Оно какъ тебѣ начальство — все едино: велитъ помирать — помрешь.

— То-то, помрешь! А то «не можно»... Вздумаетъ тоже! — заворчалъ вахмистръ. — И всѣ-то вы такіе несуразные, какъ я погляжу, — обводя презрительнымъ взглядомъ скучившихся солдатиковъ «изъ молодыхъ,» — произнесъ онъ и вдругъ разомъ вытянулся въ струнку, завидя подходящаго къ группѣ Галлера.

— Гдѣ товарищъ Дуровъ, Савельичъ? — спросилъ ротмистръ, ласково кивая на привѣтствіе солдатъ.

— Сейчасъ кликну, ваше высокородіе, — отозвался вахмистръ, и въ тотъ же мигъ по цѣпи послышался окликъ, повторенный одинъ за другимъ многими солдатскими голосами:

— То-ва-рищъ Дуровъ, къ эс-ка-дронному! — А черезъ пять минутъ Надя уже подходила къ ожидавшему ее ротмистру.

«Какъ онъ молодъ! Какъ молодъ! совсѣмъ еще дитя, ребенокъ! Но врагъ не посмотритъ на эту молодость и...» — съ легкимъ содроганіемъ въ сердцѣ мысленно произнесъ Галлеръ, когда юный уланчикъ сталъ передъ нимъ на вытяжку въ ожиданіи приказаній.

— Мой другъ, — сказалъ съ замѣтнымъ волненіемъ ротмистръ, — я долженъ еще разъ предупредить тебя: не въ безумной удали суть дѣла. Можно, и не влѣзая въ самое пекло боя, быть смѣлымъ и храбрымъ солдатомъ. Побереги себя. Будь благоразуменъ. У тебя все еще впереди. И отличія, и слава, и самая жизнь. Ты достаточно зарекомендовалъ себя подъ Гутштадтомъ. Вѣдь твой геройскій подвигъ принятъ во вниманіе.

Будь-же осторожнѣе, мой другъ! Твоя жизнь нужна родинѣ...

Онъ еще хотѣлъ что-то прибавить, но въ эту минуту къ нимъ, на взмыленномъ конѣ, подскакалъ адъютантъ Горчакова съ приказаніемъ какъ можно скорѣе переходить въ бродъ Алле.

Уланы быстро замундштучили коней, вскочили въ сѣдла, и черезъ нѣсколько минутъ ихъ передніе ряды рѣзали мутныя воды жалкой прусской рѣчонки. За ними перебрались другія войска, артиллерія съ тяжелыми орудіями и молодецкая пѣхота, сверкая грозными штыками, такъ излюбленными и прославленными самимъ Суворовымъ.

Князь Горчаковъ, командовавшій всѣмъ правымъ флангомъ, по приказанію Бенигсена двинулся своимъ крыломъ на лѣвое крыло французовъ, которымъ предводительствовалъ Ланнъ. Теперь уже ничто не раздѣляло двѣ великія арміи. Рѣчонка Алле осталась далеко позади. Впереди разстилались широкія Фридландскія поля, засѣянныя изумрудными хлѣбами, мирныя доселѣ поля, занявшія, однако, кровавое мѣсто на страницахъ всемірной исторіи.

3-го іюня, еще задолго до разсвѣта, загрохотала первая вѣстовая пушка на французскихъ позиціяхъ, за ней вторая, третья, и бой начался, ужасный по своимъ роковымъ послѣдствіямъ, Фридландскій бой.

Стономъ-стонетъ земля отъ рева и гула орудій. Поминутно взрываются бѣлые хлопья гранатъ, и изумрудныя поля, чуть поросшія молодыми весенними злаками, окрашиваются яркимъ рубиновымъ цвѣтомъ, такимъ роковымъ, кровавымъ... Точно гигантская коса проходитъ по рядамъ сражающихся и скашиваетъ однимъ взмахомъ все, что есть лучшаго въ войскѣ.

Русскіе дерутся, какъ львы. Но французы имъ не уступаютъ. Они тѣснымъ кольцомъ окружаютъ лѣвое крыло союзниковъ, обойдя его въ тылъ. Теперь атако-

ванный Ланнъ превратился въ атакующаго. Къ нему пришли на выручку лучшія силы французской арміи.

— Vive l'empereur! — вырывается стономъ изъ самаго жерла этой силы.

Но этотъ крикъ, заглушаемый пушечною пальбою и трескомъ поминутно разрывающихся гранатъ, едва доходитъ до слуха русскихъ. У нихъ своя сила, свой девизъ, свое слово, родимое, близкое, съ которымъ не страшно, не жутко умирать.

— За царя-батюшку! За Русь святую! Въ штыки, братцы! — слышится чей-то нервный, надсаженный отъ усилія голосъ.

И при звукахъ этого голоса, близкаго, родимаго, солдаты воспрянули духомъ. Питомецъ Суворова, ученикъ его и общій любимецъ, Багратіонъ, ведетъ ихъ за собою. Имя Багратіона хорошо извѣстно русскому солдату. Съ нимъ и умирать не страшно.

— Веди, батюшка, на побѣду, на смерть — все едино!..

И идутъ, сомкнувшись длинными рядами, умирать за честь родины молодцы-пѣхотинцы, плечо къ плечу, нога въ ногу...

— Ура! — отчаянно гремитъ ихъ предсмертное привѣтствіе.

Да, предсмертное... Противъ нихъ цѣлое море, цѣлая лавина... Къ вечеру вождь-императоръ сосредоточилъ здѣсь, на берегахъ Алле, около 85 тысячъ войска подъ командой уже было побѣжденнаго Ланна. Можно-ли бороться противъ нихъ мелкой ничтожной горсти храбрецовъ-героевъ?

— Отступать! Отступать! — проносится похоронnымъ звукомъ надъ разрозненными, окровавленными рядами русскихъ.

Самъ главнокомандующій приказалъ отступать. По всему фронту скачутъ адъютанты, запыленные, полуживые отъ истомленія, чуть держась въ сѣдлѣ.

«Отступать! Отступать!»—вотъ оно, роковое слово. Горчаковъ, блѣдный и взволнованный, не отрывая отъ глазъ подзорной трубы, стоитъ среди своихъ адъютантовъ и ординарцевъ и лицо его сводитъ судорогой. А подлѣ него какой-то прусскій генералъ-союзникъ съ трясущеюся челюстью лепечетъ что-то, указывая впередъ.

Битва проиграна... Русскіе отступили...

И вдругъ чей-то рѣзкій, отрывистый крикъ несется съ казачьимъ гиканьемъ, несется по полю.

Что это? Или глаза обманываютъ князя?

Нѣсколько казачьихъ сотенъ мчится впередъ на вѣрное пораженіе, на смерть.

Горчаковъ въ ужасѣ машетъ рукою, и блѣдный ординарецъ летитъ на перерѣзъ первой сотнѣ, на спотыкающемся отъ усталости, взмыленномъ конѣ.

— Куда вы? Отступать!.. Приказъ главнокомандующаго!..

И вмигъ стройные ряды сотенъ поворачиваютъ назадъ и кони мчатъ обратно отважныхъ всадниковъ, искавшихъ смерти... Топотъ безчисленныхъ копытъ заставляетъ содрагаться землю отъ подземнаго гула...

Русскіе побѣждены... Русскіе отступаютъ... Но онъ дорого поплатится за эту свою побѣду и ихъ отступленіе, ненасытный, жадный корсиканецъ!..

Надя скачетъ, какъ бѣшеная, за другими, но на своемъ обычномъ мѣстѣ въ ряду лейбъ-эскадрона. Рядомъ съ ней Вышмирскій, блѣдный съ какимъ-то страдальческимъ, растерянным лицомъ и въ залитомъ кровью мундирѣ. Легкая рана въ руку даетъ себя знать, пуля прорвала мясо у локтя и вышла на-вылетъ, не повредивъ, однако, кости; но и этой раны слишкомъ достаточно для хрупкаго, изнѣженнаго юноши. Онъ едва держится въ сѣдлѣ.

А французы гонятся по пятамъ, наступаютъ. Мигъ... и молодцы-коннопольцы повернулись лицомъ къ настиг-

шему ихъ врагу. Мигъ, другой, и рукопашная схватка вновь закипѣла съ удвоенной отчаянной силой. И не битва уже, а адъ, настоящій адъ, котораго до самой могилы не забудутъ участники этой битвы.

— Держись, Вышмирскій! — словно сквозь сонъ слышитъ молодой полякъ.

И въ ту же минуту что-то, слегка задѣвъ его по головѣ, со всею силою опускается на плечо. Жгучая острая боль у ключицы почти лишаетъ его сознанія.

— Я раненъ! Я умираю! — лепечетъ несчастный мальчикъ и, какъ въ туманѣ, передъ нимъ проносятся суровыя, сосредоточенныя красныя лица въ непріятельскихъ киверахъ.

— Нѣтъ, я живъ, слава Богу! — соображаетъ онъ въ секунду, видя подлѣ себя черное отъ дыма, все забрызганное кровью, хорошо знакомое лицо Нади.

— Ты раненъ, Юзефъ? — слышится ему сквозь шумъ битвы. — Онъ чуть не отхватилъ тебѣ голову, проклятый! — и она съ неистовствомъ ударяетъ пикой плашмя что-то бьющееся по землѣ.

Это французскій гусаръ, выбитый изъ сѣдла; Юзефъ его узнаетъ сразу; это тотъ самый, что скакалъ сбоку непріятельскаго взвода и направлялъ свой палашъ на голову его, Вышмирскаго.

— Если-бъ не Дуровъ, — съ трудомъ соображаетъ мальчикъ, — лежать бы мнѣ теперь на мѣстѣ этого французика...

И разомъ его охватываетъ безумный восторгъ.

Дуровъ спасъ его! Дурову онъ обязанъ жизнью!

— Саша! Саша! — кричитъ онъ въ какомъ-то изступленіи. — Ты спасъ меня, спасибо!

Но его нѣтъ уже подлѣ, этого юнаго безумца-Саши. Гдѣ онъ?

Юзефъ съ безпокойствомъ оглядывается на всемъ скаку. Непріятеля нѣтъ... Онъ отсталъ, наконецъ, из-

мученный преслѣдованіемъ... Но нѣтъ и Дурова, его спасителя-Саши... Гдѣ же онъ?.. Ужели?..

Страшная догадка молніей прорѣзываетъ мозгъ Вышмирскаго: раненъ? убитъ? затоптанъ конями? Но собственное страданіе мѣшаетъ ему сосредоточить свои мысли на другѣ. Адская боль въ плечѣ заслоняетъ собой все остальное. Вышмирскій зажимаетъ рукой рану и несется вскачь по направленію вагенбурга, обезсиленный страданіемъ и потерей крови.

Рожокъ горниста все еще трубитъ отступленіе и его ужасные звуки разрываютъ сердца побѣжденныхъ. Надя не скачетъ уже, какъ раньше, сбоку своего взвода, разсѣяннаго и уничтоженнаго почти совсѣмъ. Она сидитъ какъ вкопанная на своемъ Алкидѣ, въ сторонѣ отъ догорающей битвы... Въ ея растерзанномъ сердцѣ тоска, смертельная, непроглядная...

А еще такъ недавно это сердце ликовало послѣ славной Гутштадтской битвы!...

Они отступаютъ, они, русскіе—герои, дѣти и ученики безсмертнаго Суворова!.. О ужасъ, ужасъ!..

А кругомъ нея все трупы, трупы... Сильнѣе другихъ досталось молодцамъ-коннопольцамъ въ этой битвѣ. Болѣе половины полка осталось на кровавыхъ поляхъ Фридланда.

Вонъ лежитъ неподалеку отъ Нади молодой курносый солдатикъ. Грудь прострѣлена навылетъ, глаза широко открыты, губы улыбаются страшной, мертвой, дикой улыбкой... Знакомая улыбка, знакомое лицо... Да это тотъ, что спорилъ съ вахмистромъ о томъ, что ему «не можно умирать», что у него жена, дѣти... Бѣдный! Бѣдный! Рядомъ, раскинувъ широко руки, лежитъ суровый Дмитрякинъ, вахмистръ 3-го эскадрона, который еще такъ недавно бранилъ Надю подъ Гутштадтомъ.

«Куда лѣзешь, пострѣленокъ! За чужимъ эскадрономъ претъ въ атаку... Отвѣчай потомъ за

нихъ»...—слышится, какъ сквозь сонъ, Надѣ знакомый голосъ.

Бѣдный суровый эскадронный дядька! Не будешь ты больше ворчать и бранить ее, Надю!..

А это что? Вонъ тамъ среди поля! Или она грезитъ, ошеломленная, обезсиленная битвой и отступленіемъ?

И Надя хватаетъ себя за голову, чтобы убѣдиться, что она не спитъ и не грезитъ. Что за странность! По полю вертится и кружитъ какая-то странная фигура. Это уланъ-коннополецъ въ солдатской шапкѣ съ залитымъ кровью лицомъ. Онъ, точно безумный, вертится на мѣстѣ, поминутно выкрикивая что-то и размахивая во всѣ стороны руками. Вотъ онъ пришпорилъ коня и несется впередъ, прямо на непріятелей, съ тѣмъ же страннымъ безумнымъ крикомъ.

— Стой, уланъ! Куда ты? Тамъ смерть!

Но уланъ и усомъ не ведетъ, какъ говорится, и въ отвѣтъ на громкій крикъ Нади пришпориваетъ лошадь и несется все впередъ и впередъ.

Въ одну минуту Надя уже подлѣ него.

— Тамъ непріятель! Куда ты скачешь, безумный?— хватая поводъ его лошади, выкрикиваетъ дѣвушка.

И впрямь безумный! Какое страшное лицо, какой дикій, ничего не выражающій взглядъ!

— Не-прія-тель, го-во-ришь ты?—лепечетъ онъ безсвязно, впиваясь этимъ своимъ, ничего не выражающимъ, взглядомъ въ лицо Нади,—вздоръ, не непріятель, а капуста... Капуста, что Мотря на рынкѣ купила... Сочная, хорошая... И на плечахъ капуста...—дотрогиваясь до своей окровавленной головы, прибавляетъ онъ неожиданно.

Теперь Надя уже не сомнѣвается, что имѣетъ дѣло съ горячечнымъ... Она быстро обматываетъ поводъ саврасаго уланскаго коня вокругъ своей руки и, поддер-

живая одной рукой раненаго, скачетъ съ нимъ во весь опоръ къ рѣкѣ, чтобы дать несчастному возможность освѣжиться и обмыть рану.

А кругомъ нихъ попрежнему кипитъ, свиститъ и грохочетъ битва, попрежнему кровь льется рѣкой и поле устилается все новыми и новыми трупами. Русскіе отступаютъ, но дорого обходится это отступленіе побѣдителямъ-французамъ. Каждый шагъ, каждые полшага сопряжены съ битвой, ужасной и кровопролитной. Повсюду дѣвушкѣ и ея обезумѣвшему спутнику попадаются мертвыя тѣла, страшныя, обезображенныя, съ оторванными руками и ногами, съ выпавшими внутренностями, съ выглядывающимъ изъ раскроеннаго черепа мозгомъ...

И Надя съ содроганіемъ отводитъ глаза отъ страшной картины. Хорошо, что ея спутникъ не замѣчаетъ всѣхъ этихъ ужасовъ. Тѣмъ же безумнымъ, ничего не понимающимъ взоромъ смотритъ онъ впередъ и лепечетъ безсвязно:

— Капуста, вездѣ капуста... и подъ Гутштадтомъ и на Фридландѣ... эво, какъ много... А меня уже нѣтъ... Я умеръ... Былъ Баранчукъ и померъ Баранчукъ, Ефремъ Баранчукъ... Хвать Баранчука по башкѣ, башка затрещала и стало двѣ башки, а изъ башки-то поползла капуста. Эко дѣло... изъ башки—капуста... Ой, лихо мнѣ, лихо!

— Успокойся, Баранчукъ! Рана твоя скоро заживетъ!—произнесла Надя.—Ну, вотъ и Алле. Сейчасъ дамъ тебѣ напиться.

Говоря это, дѣвушка быстро соскочила съ коня, намѣреваясь зачерпнуть киверомъ воды для больного, и вдругъ отскочила отъ берега, полная отвращенія и ужаса.

Вся вода въ злосчастномъ Алле была ярко-краснаго рубиноваго цвѣта отъ примѣшавшейся къ ней въ изобиліи крови.

На берегу валялись обезображенныя тѣла убитыхъ... Острый противный запахъ свѣжей крови ударилъ въ голову дѣвушки и закружилъ ее...

А раненый лепеталъ попрежнему безсмысленно и скоро, очевидно все еще не сознавая дѣйствительности:

— Нѣтъ Баранчука, говорятъ тебѣ, нѣтъ... Ефремъ Баранчукъ померъ... А есть другой, есть капуста... Слышь, капуста, парень! И весь тебѣ сказъ!..

— Полно, дружище!—ободряла Надя улана,—подтянись немного, пріятель. Дастъ Богъ, доберемся до вагенбурга, перевяжутъ твою рану и ты снова будешь здоровъ!

«Доберемся до вагенбурга...» Хорошо было говорить это, а каково добраться? Чтобы попасть въ вагенбургъ, приходится миновать мѣстность, наполненную французами.

Свернувъ на Фридландскую дорогу, Надя увидѣла большую толпу народа, безпорядочно бѣгущую по направленію окрестныхъ селъ и деревень. Это были насмерть перепуганные близостью врага фридландцы, спѣшившіе укрыться въ безопасномъ мѣстѣ.

— Бѣгите! Спасайтесь! Непріятель за нами... онъ близко... онъ гонится по пятамъ!..—кричали они на разные голоса, при видѣ двухъ конныхъ, медленно двигающихся по дорогѣ.

Что было дѣлать?

Надя быстро оглянулась вокругъ себя. Съ одной стороны былъ Фридландъ, наполовину уже занятый войсками Наполеона, съ другой—ужасныя кровавыя поля, откуда все гремѣла канонада и гдѣ, въ видѣ чернаго тумана, стоялъ густой столбъ порохового дыма. Справа текла ужасная Алле съ плещущими въ ней багровыми струями, слѣва—лѣсъ, таинственный, молчаливый.

Лѣсъ!—вотъ гдѣ ихъ спасеніе! Подъ тѣнью и гу-

щей его развѣсистыхъ деревьевъ, въ тиши и привольѣ чащи!

И, не разсуждая болѣе, Надя мгновенно даетъ шпоры Алкиду и несется галопомъ по направленію лѣса, сопровождаемая своимъ молчаливымъ спутникомъ на саврасомъ конѣ.

Живительная лѣсная прохлада разомъ благотворно подѣйствовала на больного.

— Гдѣ я?—впервые сознательно взглянувъ въ глаза своей спасительницы,—спросилъ онъ.

— Въ надежномъ, безопасномъ мѣстѣ!—поспѣшила успокоить его Надя.—Ну, вотъ видишь, Баранчукъ... кажется, тебѣ и полегчало!

— Слава Тебѣ, Господи, полегчало!—отвѣчалъ уланъ.—Только голова все еще ровно какъ въ огнѣ и какой-то шумъ въ мозгу, будто тамъ не переставая палятъ изъ дьявольскихъ пушекъ. Маленечко-бы водицы испить—вотъ бы и вовсе хорошо было!

Надя быстро осмотрѣлась и къ великой своей радости увидѣла небольшой ручей, протекающій поблизости лѣсной дороги. Подвести саврасаго къ ручью, помочь спѣшиться улану, обмакнуть носовой платокъ въ воду и положить его на раненую голову Баранчука—все это было для нея дѣломъ какой-нибудь минуты.

Лишь только рана была обмыта, больной уланъ сразу точно преобразился. На блѣдное лицо его вернулись краски, глаза повеселѣли.

— Спасибо тебѣ, панычъ,—произнесъ онъ радостнымъ голосомъ.—Кабы не ты, не видать бы мнѣ моей жинки, ни дивчатъ моихъ, Гальки да Парани, ни родимой хатки подъ Полтавой!

— Да развѣ ты хохолъ?—удивилась Надя.

— Какъ есть хохолъ, самый настоящій, только на службѣ пообрусѣлъ маленько... Да не впервой и въ походѣ... И съ Суворовымъ бились... и съ Кутузовымъ

бились... Альпы брали... Во-какъ!—съ замѣтной гордостью присовокупилъ онъ.—А сами мы изъ-подъ Полтавы, Кобелякскаго повѣта... Мотовиловскіе мы... може слыхалъ, баринъ?

— Стой, стой, милый! Мотовиловскій, говоришь ты?—и все лицо Нади озарилось радостной улыбкой.—Кобелякскаго повѣта?.. Да ты не брешешь, хохолъ?

Кобелякскій повѣтъ... Бидливыя кровки... Хуторъ Мотовилы и Саша Кириакъ... смуглый черноглазый Саша, мечтающій о принесеніи помощи всему человѣчеству!.. Вѣдь Мотовилы—ихъ хуторъ, ихъ—Кириаковъ!.. И Баранчукъ, значитъ, знаетъ и Сашу, и его мать, и, чего добраго, бабушку Александровичъ...

И Надя вся точно всколыхнулась и оживилась, перенесясь мечтой къ милой «Хохландіи».

А Баранчукъ, точно угадавшій ея мысли, продолжалъ невозмутимо:

— Изъ самыхъ этихъ Мотовиловъ мы... съ Кириачихой по сусѣдству... Гордая барыня, важнѣющая. Ужь такая гордая, что приступа нѣтъ къ ней, не то что сынокъ ейный...

— Сынокъ... Саша?—перебила его Надя.—Ты и Сашу знаешь?

— А нѣшто не знаю?—усмѣхнулся Баранчукъ.

Ему, очевидно, было все лучше и лучше съ каждой минутой. И рана полегчала отъ спокойствія и повязки, да и здѣсь въ лѣсу, вдали отъ шума битвы, было такъ хорошо и прохладно. Онъ уже вынулъ изъ-за пазухи трубку, высѣкъ огня и съ удовольствіемъ затянулся изъ нея, прикурнувъ на мягкой весенней травѣ, надъ берегомъ ручья.

— Какъ-же не знать паныча Кириака?—говорилъ онъ радостно.—Славный хлопецъ, ей-Богу!.. Передъ походомъ ходилъ я на побывку до дому, такъ его-же, паныча, видалъ. Лѣкарничалъ онъ на деревнѣ и на хуторѣ

тамъ-то... Дюже помогаетъ народу. Я ненарокомъ руку топоромъ зарубилъ, вся вспухла и почернѣла. Такъ что думаешь?—залѣчилъ мнѣ руку-то, что тебѣ заправскій лѣкарь. А послушалъ-бы, что говорилъ притомъ. «Уйду, говоритъ, отселя, Ефремъ, дай срокъ... Въ лѣкаря уйду... Ужь больно по-нутру мнѣ это...» А мамынька не пущаетъ... Потому сынъ единственный... Утѣшеніе подъ старость... Да онъ не постоитъ за тѣмъ, дюже крѣпокъ ндравомъ хлопецъ... Поставитъ по евонному, видать ужь по всему... А какъ уходилъ, и такъ на прощанье кинулъ: «Гляди, еще пригожусь тебѣ, Ефремъ!» И впрямь пригодится, можетъ.

Говоря это, раненый уланъ широко улыбнулся добродушной улыбкой... Ему вспомнились заодно съ добрымъ панычемъ и милый повѣтъ, и родимая хатка, и жинка, и дивчата-погодки, такія крѣпкія и черноглазыя...

Улыбнулась за нимъ и Надя. Передъ ней, какъ сладкій сонъ, пронеслось былое. И чудные, какъ греза, два года, проведенные въ Малороссіи, и старая бабуся, и тетка Злачко, и милый черноглазый Саша, этотъ орленокъ, заключенный въ курятникѣ и вздыхающій по волѣ. Не изъ тщеславія и гордости—знаетъ она—рвется онъ оттуда, а по добротѣ сердца, изъ желанія помочь ближнимъ, отдать всего себя на людскія нужды... Милый, дорогой Саша! милый мотовиловскій панычъ! Исполнится ли когда-нибудь твоя завѣтная мечта? Пробьешь-ли ты себѣ путь къ свободѣ?..

И передъ Надей встаетъ строгій образъ гордой, тщеславной Киріачихи—матери Саши... Какъ она бережетъ и любитъ сына! Но какъ эгоистично любитъ!.. Какъ для себя и ради своего спокойствія бережетъ... А ему, Сашѣ, какъ и Надѣ, нужна воля, нужна драгоцѣнная свобода и могучій, смѣлый орлиный полетъ.

Задумалась Надя... Грезитъ... улыбается... Лицо и радостно и грустно въ одно и то же время...

И Баранчукъ задумался: забылъ и про войну, и про рану, и про тяжелыя минуты, проведенныя тамъ, на Фридландскомъ полѣ... Передъ нимъ родныя поля Украйны, родные люди... Въ своемъ сладкомъ забытьѣ онъ все крѣпче и крѣпче затягивается трубкой и, одурманенный пріятнымъ куревомъ и сладкими мечтами, улыбается все блаженнѣе и шире. Не то сонъ, не то дрема охватываетъ улана. Уснуть-бы, забыться здѣсь, на зеленой травѣ, подъ покровомъ гостепріимнаго лѣса... Ручей звенитъ и щебечетъ, какъ нарочно, такъ усыпляюще-монотонно... Одурманенный мозгъ не выдерживаетъ больше, трубка выскальзываетъ изъ рукъ и падаетъ въ траву, а за нею падаетъ самъ Баранчукъ, безчувственный, мертвенно-блѣдный...

— Боже мой! Что съ нимъ? Ефремъ, опомнись, несчастный! — разомъ просыпаясь отъ охватившей ее грезы, внѣ себя лепечетъ Надя, хватая и тряся за рукавъ безчувственнаго Баранчука!

Не для того-же вырвала она его изъ кромѣшнаго ада, чтобы дать умереть такой глупой, безполезной смертью, отравленному злосчастнымъ куреніемъ, обезсиленному отъ ранъ...

— Вставай, Баранчукъ, собери силы!

И то пора. По лѣсной дорогѣ бѣгутъ все новыя и новыя толпы фридландцевъ.

— Спасайтесь! — кричатъ они юному уланчику. — Чего вы расположились здѣсь? Непріятель близехонько! Скорѣй, скорѣй! Уносите ноги отсюда, если вамъ дорога жизнь!

Надя съ тревогой и ужасомъ глядитъ на бѣгущихъ. Баранчукъ безчувственъ и неподвиженъ попрежнему. Она тормошитъ его, дуетъ ему въ лицо, кричитъ въ самыя уши — все напрасно! Онъ недвижимъ, какъ настоящій мертвецъ. О! будь онъ мертвый — она, не задумываясь, оставила бы его здѣсь. Но онъ живъ. его сердце,

хотя и слабо, но бьется въ груди подъ сукномъ колета. И вдругъ ея собственное сердце заколотилось, какъ раненая птичка, въ груди. А что, если оставить его здѣсь? Его могутъ принять за мертваго, такого, какъ онъ есть—безчувственнаго, чуть живого. Не станетъ же въ самомъ дѣлѣ непріятель пристрѣливать своего раненаго врага? Не звѣри-же они, въ самомъ дѣлѣ, эти французы!..

Она колеблется съ минуту... и вдругъ, разомъ, съ негодованіемъ отбрасываетъ отъ себя подвернувшуюся-было мысль. Оставить больного на произволъ судьбы, оставить умирать среди этого лѣса! И она могла на секунду подумать объ этомъ! О, какой стыдъ! какой ужасъ!..

И она снова бросается къ ручью, зачерпываетъ полный киверъ студеной влаги и выливаетъ ее на голову больного.

Вода какъ нельзя лучше подѣйствовала на Баранчука. Онъ слабо вздохнулъ, открылъ глаза, зашевелился.

— На лошадь, Баранчукъ! На лошадь, ради Бога, если тебѣ сколько-нибудь дорога твоя жизнь!—воскликнула, вся трепеща и волнуясь, Надя, не отводя глазъ отъ удаляющейся отъ нихъ, бѣгущей толпы.

Толпа уже далеко. Послѣднія фигуры бѣгущихъ фридландцевъ уже скрылись за деревьями. Голоса утихли. Только какой-то смутный гулъ, точно шопотъ, отъ множества копытъ несется по лѣсу.

Что это? Новые бѣглецы, или...

Надя не досказываетъ своей мысли. Вся кровь застываетъ въ ея жилахъ. Ужасомъ наполняется все существо дѣвушки. Страшная догадка молніей пронизываетъ мозгъ. Фридландцы не солгали. Гулъ несется съ противоположной стороны. Вотъ онъ все слышнѣе и слышнѣе. Вотъ уже слышенъ ясно и четко на болѣе ко-

роткомъ и близкомъ разстояніи. Нѣтъ сомнѣнія—это непріятель.

— Мы погибли!—беззвучно лепечутъ ея поблѣднѣвшія губы.—Мы погибли, Баранчукъ, если ты не сядешь на коня сейчасъ, сію секунду...

Ея трепетъ и волненіе передаются больному.

Гибель... смерть... О нѣтъ! Ему еще не хочется умирать... умирать теперь, на чужбинѣ, вдали отъ родины и семьи... Нѣтъ! Нѣтъ!.. Жить, жить, во что-бы то ни стало!..—трепещетъ что-то въ измученномъ сердцѣ солдата.

И обхвативъ плечи Нади, онъ, съ усиліемъ опираясь на нихъ, тяжело поднимается съ земли. Вотъ одна нога занесена уже въ стремя... Еще, еще немного... одно послѣднее усиліе... Холодный потъ градомъ катится по его лицу... Руки и ноги трясутся отъ слабости.

А непріятель все ближе и ближе... Уже Алкидъ, почуя его, храпитъ и бьетъ копытами землю. Глаза умнаго животнаго пылаютъ... Опасность не за горами. Онъ знаетъ это, вѣрный конь, и своимъ нетерпѣніемъ словно хочетъ предостеречь всадниковъ.

Наконецъ, Баранчукъ кое-какъ взгромоздился въ сѣдло и скачетъ на своемъ Саврасѣ бокъ-о-бокъ съ Надей... Но, Боже мой! какъ тихо, какимъ черепашьимъ шагомъ подвигаются они впередъ!

— Не можешь-ли ты прибавить ходу?—шопотомъ проситъ дѣвушка.—Иначе они догонятъ насъ въ одинъ мигъ.

— Видитъ Богъ, не могу!—срывается съ запекшихся губъ Баранчука полнымъ отчаянія и страха звукомъ.

— Но насъ настигнутъ, пойми! Непріятель не поцеремонится съ нами! Французы озвѣрѣли изъ-за своихъ огромныхъ потерь... Врядъ-ли найдется у нихъ

— Не можешь-ли ты прибавить ходу? Иначе они догонятъ насъ...

доля жалости къ намъ. А если насъ примутъ за шпіоновъ или лазутчиковъ?.. Что тогда? Во сто кратъ было лучше умереть на полѣ битвы, нежели этой смертью затравленныхъ зайчатъ здѣсь, среди лѣса!—съ отчаяніемъ и дрожью въ голосѣ восклицаетъ Надя.

— Брось меня, брось, баринъ, и скачи со Христомъ одинъ!—лепечетъ въ отвѣтъ обезумѣвшій уланъ.—Все едино, не вынести мнѣ убійственной скачки, помру я въ дорогѣ! Какъ Богъ святъ, помру!

— Вздоръ городишь, пріятель! Вмѣстѣ спасаться, вмѣстѣ и умирать!—твердо произнесла дѣвушка.

И, прежде чѣмъ уланъ могъ вымолвить слово, Надя изо всей силы ударила нагайкой его Саврасаго и полетѣла впередъ съ быстротою вѣтра, увлекая за собою едва державшагося въ сѣдлѣ Баранчука.

Это было какъ-разъ во-время, такъ какъ изъ темной чащи показался непріятельскій конный отрядъ и во весь духъ помчался за бѣглецами.

Какъ безумная, неслась Надя впередъ по лѣсу, съ тою ужасною быстротою, отъ которой духъ захватываетъ и сердце рвется на-двое въ трепещущей груди. Поводъ Алкида спутанъ съ поводомъ уланскаго коня; лошади несутся бокъ-о-бокъ, одна подлѣ другой, не отступая ни на поларшина другъ отъ друга... Потерявшій снова сознаніе Баранчукъ упалъ головою на сѣдло Нади въ то время, какъ ноги его запутались въ стременахъ. Рука дѣвушки крѣпко обхватываетъ плечи больного... Каждая минута, каждая секунда дороги... Мѣшкать нельзя. Всѣ ея мысли направлены къ одному: ускакать, спасти себя и его во что бы то ни стало.

— Боже Великій! Помоги мнѣ!..—безсвязно лепечутъ ея блѣдныя губы.—Если мнѣ суждено умереть, то дай мнѣ славную смерть на ратномъ полѣ, Боже, но не эту! Не эту, Господи! Помилуй меня!

А непріятель между тѣмъ все ближе и ближе... Онъ

уже совсѣмъ позади... Уже можно различить лязгъ стремянъ и характерный французскій говоръ.

Надя боится оглянуться назадъ. Дыханіе «его» лошади обдаетъ ея шею... Или это кажется ей?.. Или разстроенное воображеніе преувеличиваетъ опасность?..

Нѣтъ, нѣтъ, это такъ... Французы близко за ними, почти рядомъ... Бѣгство немыслимо! Спасенія нѣтъ!

— Rendez vous! *)—доносится до ея слуха непріятный рѣзкій голосъ.

Но въ отвѣтъ она только судорожно сжимаетъ ногами вздымающіеся отъ скачки бока Алкида и вѣрный конь не бѣжитъ уже, а словно несется по воздуху, чуть касаясь копытами земли...

Вдругъ что-то щелкнуло сзади страннымъ тупымъ звукомъ... Грянулъ выстрѣлъ... и точно пчела прожужжала надъ самымъ ухомъ скачущей всадницы. О, она знаетъ пчелу—страшную желѣзную пчелу, не щадящую жизни молодыхъ и старыхъ! Это пуля!.. Это смерть!.

«Слава Богу, мимо!»—мелькаетъ смутнымъ соображеніемъ въ мозгу Нади.

Мимо!.. Она спасена!

Надя поднимаетъ голову. Да, она жива, рѣшительно жива, если видитъ этотъ лѣсъ, это небо, охваченное мирнымъ заревомъ вечерняго заката... Она жива!.. Какъ хороша жизнь!.. Слава Богу!

Жива... но на долго-ли? Теперь она уже ясно ощущаетъ чье-то горячее дыханіе у себя за плечами... Это не воображеніе, а дѣйствительность. Увы! Непріятельскіе кони только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ! Сейчасъ грянетъ новый выстрѣлъ... Снова прожужжитъ роковая пчела и ея, Нади, не станетъ... Не станетъ смугленькой Нади съ ея солдатской судьбой...

— Rendez vous!—кричитъ тотъ-же рѣзкій голосъ,

*) Сдавайтесь.

ужасный голосъ, пронизывающій все ея существо какимъ-то колючимъ ужаснымъ холодомъ.—Rendez...

Но голосъ не договорилъ, оборвался... Раздался новый выстрѣлъ, но уже не сзади, а гдѣ-то съ противоположной стороны, и вслѣдъ за нимъ что-то ахнуло, застонало и тяжело рухнуло на землю за спиной скачущей Нади.

А навстрѣчу ей уже несется съ дикимъ гиканьемъ цѣлый отрядъ казаковъ.

Впереди всѣхъ высокій атаманецъ съ горящимъ взоромъ и сѣдоватыми усами. Вотъ они бурей налетѣли и сшиблись съ ошеломленнымъ врагомъ, сверкая обнаженными клинками сабель. Подлѣ сѣдого казака, очевидно начальника отряда, дерется молодой, почти юный офицерикъ, рубя направо и налѣво своей окровавленной шпагой. Что-то отчаянно-смѣлое, отважное, порывистое въ этомъ поблѣднѣвшемъ, взволнованномъ лицѣ, въ этихъ пылающихъ глазахъ, полныхъ безумнаго энтузіазма!

Гдѣ видѣла это лицо Надя, эти глаза, эти темные кудри подъ лихо заломленной на-бекрень папахой?..

Вотъ онъ вихремъ налетѣлъ на передового верзилу-француза и рубится съ нимъ на-смерть, ловко ускользая отъ ударовъ. Папаха свалилась съ его головы, упала на землю. Черные кудри обвѣваютъ лицо... Боже мой, да это онъ, Матвѣйко! Миша Матвѣйко, сынъ вольнаго Дона, ея раздарскій пріятель!

Сколько отваги и мужества въ его груди! Какая мощь и сила въ этой крѣпкой юношеской рукѣ!.. Какъ сверкаютъ черные глаза юноши!.. Вонъ уже высокій французъ лежитъ на землѣ съ раскроеннымъ черепомъ... Вонъ валится другой, рыжій, съ длинными ногами, выбитый изъ сѣдла тою же ловкой юношеской рукою... Теперь Миша въ самой серединѣ непріятельскаго от-

ряда. Жутко смотрѣть Надѣ на эту юношескую отвагу, граничащую съ безумiемъ. Такъ бы, кажется, и ринулась ему на помощь, такъ бы вонзилась, съ саблей наголо, въ самое пекло битвы. Но на ея рукахъ безчувственный Баранчукъ съ истекающей кровью раной... Ея крылья связаны... О, какая пытка, какая мука не участвовать въ битвѣ и смотрѣть, какъ рубятся другiе, когда вся кровь горитъ въ ней пожаромъ и кипитъ ключомъ!..

А Миша все бьется, какъ молодой львенокъ, отчаянно, неутомимо...

«Меня убьютъ!—вспоминается Надѣ молодой, звонкiй, задушевный голосъ, тамъ, далеко, подъ покровомъ вятскаго лѣса.—Мнѣ бродячая гадалка наворожила».

Убьютъ... а если правда?

— Нѣтъ, нѣтъ! Будь милосерднымъ, Боже, спаси его!—лепечетъ она, вся блѣдная отъ волненiя.

И Богъ услышалъ молитву смуглой дѣвочки.

Французы не выдержали натиска, дрогнули, смѣшались и, разомъ повернувъ коней, въ безпорядкѣ, вразсыпную помчались назадъ по Фридландской дорогѣ. Казаки, усталые отъ упорной борьбы, не преслѣдовали ихъ и вернулись къ своей засадѣ.

— Дуровъ! Ты-ли это? Вотъ гдѣ пришлось свидѣться, дружище!.. Что за раненый у тебя?

И Миша Матвѣйко, все еще блѣдный и возбужденный битвой, обнялъ Надю.

— Мы отступаемъ, Дуровъ,—произнесъ онъ печально черезъ минуту.—Мы—русскiе—отступаемъ! Ахъ, Саша, Саша! А какъ хорошо было, когда мы шли сюда!.. Сколько надеждъ, плановъ... Я у Ивана Матвѣевича въ отрядѣ. Ахъ, Дуровъ, что это за человѣкъ! Это самъ Марсъ, сошедшiй съ Олимпа, богъ, титанъ какой-то, герой!

— А ты самъ не герой развѣ?—съ улыбкой, глядя

въ его возбужденное молодое лицо, произнесла Надя.— Я вѣдь видѣлъ, какъ ты бился сейчасъ! Видно, не боишься предсказанія бродячей гадалки... Помнишь, ты говорилъ мнѣ тогда на Камѣ?.. Да вздоръ все это, судьба сохранитъ тебя!

— Да, сохранитъ!—произнесъ задумчиво Миша и вдругъ блѣдное лицо его разомъ дрогнуло и потемнѣло, точно состарилось на нѣсколько лѣтъ.—И то правда: я счастливчикъ, Дуровъ! но Богъ съ нимъ, съ такимъ счастьемъ... Знаешь-ли, вѣришь-ли, я-бы охотно отдалъ свою жизнь, лишь-бы... Ахъ, Дуровъ! лишь-бы не видѣть этого нашего отступленія предъ проклятымъ Наполеономъ!

— Ахъ, и я, и я тоже!—искреннимъ порывомъ вырвалось изъ груди Нади.

Черезъ минуту они крѣпко пожали другъ другу руки и разстались. Матвѣйко примкнулъ къ своей сотнѣ, Надя направилась по дорогѣ, указанной ей казаками, ведущей на перевязочный пунктъ.

Только поздно вечеромъ добралась Надя до разрушеннаго селенія, гдѣ временно былъ устроенъ госпиталь. Крикнувъ проходящихъ солдатиковъ съ носилками, она сдала имъ на-руки своего раненаго и слѣдомъ за ними вошла въ полуразвалившійся домикъ, игравшій роль перевязочной.

Едва только успѣла дѣвушка переступить порогъ, какъ кто-то обхватилъ ее за шею и чуть не задушилъ ее въ объятіяхъ.

— Саша, другъ, голубчикъ! Какое счастье! — лепеталъ знакомый Надѣ, слишкомъ знакомый голосъ.

И Вышмирскій, блѣдный, взволнованный, съ распоротымъ на плечѣ мундиромъ и перевязанной рукой, сжималъ Надю въ объятіяхъ. А лицо его такъ и сіяло необычайнымъ оживленіемъ и счастьемъ.

— Да что такое?—удивилась та. — Чему ты радуешься, Юзекъ?

— Поздравь меня! Я получилъ эполеты,—вырвалось изъ груди того счастливымъ, радостнымъ звукомъ.

— Произведенъ?

— Буду произведенъ на-дняхъ! Это-ли не счастье?

— А...—не то сказала, не то вздохнула Надя и что-то разомъ захолонуло и упало въ ея сердцѣ.

Вышмирскій произведенъ! Вышмирскій офицеръ! А она?.. Ужели она менѣе достойна, менѣе заслужила этого счастья, нежели онъ—Вышмирскій?

И вмигъ прекрасное, словно выточенное изъ мрамора лицо Юзефа стало ей какъ-то разомъ далекимъ, непріятнымъ.

А онъ, и не замѣчая впечатлѣнія, произведеннаго его извѣстіемъ на Надю, продолжалъ съ прежней горячностью, такъ не похожей на него:

— Пойми! Зоська-то какъ обрадуется... И дядя Канутъ, и кузины... Какъ мечтали они видѣть меня офицеромъ!.. А знаешь, Дуровъ,—неожиданно утихая, словно спохватившись, добавилъ Вышмирскій,—это все ты. Ей-Богу! Кабы не ты, лежать-бы мнѣ мертвымъ подъ Фридландомъ. Не перехвати ты непріятельскаго удара, палашъ пришелся бы прямо по головѣ. И тогда... Бррр...

Дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ изнѣженнаго юноши. Передъ нимъ разомъ встала потрясающая душу картина Фридландской битвы... Грохотъ орудій... ужасная пальба... атака... и они оба—онъ и этотъ смугленькій Саша, вырывающій его изъ рукъ смерти удачнымъ ударомъ по непріятельскому палашу. И не одного его: и Панина, и какого-то улана, котораго онъ увезъ съ поля въ самый разгаръ битвы. Онъ, этотъ смугленькій Саша, велъ себя героемъ... О, этого не можетъ отрицать никто!.. Всѣ видѣли, всѣ знаютъ... А между тѣмъ, эполеты достанутся ему—Юзефу Вышмирскому, а не

смугленькому Сашѣ, который стоитъ передъ нимъ въ своемъ изодранномъ въ пылу битвы колетѣ.

И что-то словно обожгло лицо юноши. Блѣдныя щеки запылали яркимъ румянцемъ. Глаза въ смущеніи опустились подъ взглядомъ этого юнаго уланчика, этого смуглаго Саши, стоявшаго передъ нимъ.

— Дуровъ... Саша...—въ неизъяснимомъ смущеніи произнесъ Вышмирскій.—Мнѣ совѣстно... я не знаю, какъ это могло случиться... Можетъ быть, моя рана... но.. вѣришь-ли, я знаю, я глубоко убѣжденъ, что не я, а ты заслужилъ эполеты... и ты даже больше... о, гораздо больше, такъ какъ ты—герой! Ты настоящій герой! клянусь тебѣ, Саша!—съ увлажнившимся слезами взоромъ горячо воскликнулъ онъ и крѣпко по-братски обнялъ пріятеля.

ГЛАВА VIII.

Два императора.—Новое счастье.

НЕОБЫЧАЙНОЕ оживленіе царитъ на улицахъ и площадяхъ Тильзита, небольшого города Пруссіи, живописно расположеннаго при впаденіи рѣки Тильзы въ Нѣманъ. Дома и зданія города разукрашены флагами. Всюду развѣшаны гирлянды цвѣтовъ, душистыхъ и пахучихъ какъ сама весна. Веселая разношерстная толпа снуетъ по городу. Старики, женщины, дѣти,—все это смѣшалось въ одномъ общемъ ликованіи.

Взоры всѣхъ устремлены на рѣку. По самой серединѣ ея, на голубоватой поверхности воды, выстроенъ громадный плотъ, съ возвышающимся на немъ зданіемъ, утонувшимъ въ цвѣтахъ. Здѣсь, въ этомъ зданіи и въ этотъ день, 25 іюня 1807 года, должно произойти свиданіе двухъ императоровъ, двухъ великихъ монарховъ Россіи и Франціи.

Надъ зданіемъ царскаго шатра красуется фронтонъ, увѣнчанный флагомъ. На одной сторонѣ флага четко вышита гигантская буква «*А*», а на другой—такое-же исполинское «*N*» — иниціалы представителей двухъ сильнѣйшихъ державъ, заключившихъ знаменитое Тильзитское перемиріе, рѣшающее судьбу Пруссіи—Александра I и Наполеона I.

На обоихъ берегахъ Нѣмана выстроены двѣ арміи, русская и французская, раздѣленная прозрачно голубыми водами рѣки.

Чудесный лѣтній день, праздничный и прекрасный, во всемъ великолѣпіи своего синяго неба, яркаго солнца и молодой пушистой зелени, такъ и сіяетъ своей юной чарующей улыбкой. Эта улыбка скользитъ и по свѣтлому Нѣману, и по красивому зданію, съ развѣвающимся надъ его фронтономъ флагомъ, и на золотистыхъ косахъ дѣвушекъ, усыпающихъ путь къ рѣкѣ весенними цвѣтами, и на всей этой веселой, снующей, живой толпѣ празднаго любопытнаго народа.

Вдоль всего русскаго берега вытянуты стройной, прямой линіей войска. Тутъ красота и гордость русскаго оружія. Золотые лучи трепетно играютъ на тяжелыхъ серебряныхъ латахъ кавалергардовъ, на алокрасныхъ доломанахъ гусаръ, на цвѣтныхъ колетахъ уланъ, играютъ на штыкахъ и перевязяхъ скромной молодецкой пѣхоты и на мѣдныхъ трубахъ музыкантскихъ командъ.

Сколько здѣсь блеска, свѣта, сіянія!..

Неподалеку отъ атаманскаго полка выстроены коннопольцы. Болѣе половины ихъ полегло на кровавомъ Фридландскомъ полѣ. Но, по приказу главнокомандующаго, наскоро пополнили опустошенные ряды свѣжими силами, взятыми изъ резерва.

Послѣ царскаго свиданія объявленъ смотръ войскамъ, Высочайшій смотръ самимъ государемъ, — и теперь весь полкъ въ сборѣ. На правомъ флангѣ перваго ряда, во взводѣ лейбъ-эскадрона, стоятъ два юные уланчика — Дуровъ и Вышмирскій.

Оба коннопольца красуются сегодня во всемъ парадѣ. Въ бѣлыхъ эполетахъ, въ свѣжихъ чистыхъ перевязяхъ, съ струящимися въ волнахъ воздуха султанами, они — эти два молоденькіе коннопольца — кажутся сегодня особенно свѣженькими и юными. Рука и плечо Юзефа забинтованы, но его рана такъ ничтожна теперь въ сравненіи съ тѣмъ, что ему подарила судьба. Онъ — офи-

церъ! Желаніе дяди Канута и милой Зоськи исполнено. Его солдатскій мундиръ доживаетъ свою службу; на немъ уже нашиты офицерскія эполеты и золотое шитье. А все-же что-то отравляетъ радость юношѣ. Это что-то: не то смущеніе, не то какая-то неловкость передъ его другомъ Сашей.

И другъ Саша или, вѣрнѣе, Надя не весела сегодня. Лицо смуглой дѣвочки въ уланскомъ мундирѣ не то сосредоточено, не то печально и пасмурно, какъ осенній день. Но не зависть къ Юзефу гложетъ ея юное сердечко. Нѣтъ! оно слишкомъ горячо привязалось къ нему, чтобы чувствовать зависть къ его успѣху и отличію. Больше того: она какъ-будто довольна и счастлива за него. Но въ глубинѣ души дѣвушка ощущаетъ не то гнетъ, не то тоску, необъяснимую, но тяжелую. Это не тоска зависти, а какая-то смутная тревога за свою участь, сожалѣніе о томъ, что ей не удалось отличиться или умереть на Фридландскихъ поляхъ.

Зачѣмъ, о! тысячу разъ зачѣмъ, судьба такъ немилостива къ ней, Надѣ? Неужели всю жизнь ей суждено тянуть солдатскую лямку въ то время, какъ Юзефъ и другіе будутъ отличены, какъ герои?..

«Ангелы заплачутъ на небесахъ, если съ вами обоими случится что-нибудь дурное...»—слышится ей звонкій серебристый голосокъ, милый голосокъ черноглазой паненки.

О! пусть лучше бы заплакали они, бѣлые ангелы на далекомъ небѣ, нежели вернуться на родину въ тѣхъ же кашемировыхъ эполетахъ, съ тою же солдатской пикой... А что скажутъ у Канутовъ при видѣ этого солдатскаго мундира на ней, Надѣ, въ то время какъ Юзефъ успѣлъ заслужить лучшую долю? Что она отвѣтитъ на вопрошающій взоръ черноглазой дѣвочки, такъ трогательно благословившей ее передъ боемъ?..

— Да очнись-же, Дуровъ! Время-ли теперь заду-

мываться, мечтатель! Смотри туда! видишь?—слышится надъ ухомъ Нади чей-то прерывистый шопотъ.

Что это? кто зоветъ ее? Гдѣ она?.. Ахъ, это Юзекъ!.. —словно просыпается отъ своей задумчивости дѣвушка. О, какъ далеко улетѣла она со своими тщеславными мечтами!

И то правда, время-ли задумываться сегодня?

Вышмирскій дергаетъ ее за руку и твердитъ:

— Да гляди же, гляди! ничего подобнаго ужь больше не увидишь!

И дѣйствительно, не увидишь. По берегу, мимо рядовъ войскъ, направляясь къ пристани, у которой ждетъ уже роскошно убранная барка—ѣдетъ коляска. Въ ней три офицера—три генерала.

— Государь-императоръ! — проносится гулкимъ, звучнымъ шопотомъ по рядамъ войскъ.—Государь-императоръ!

По мѣрѣ приближенія коляски, окруженной блестящей свитой и штабомъ, къ передовому флангу, проносится первымъ трепетомъ первое «ура», гуломъ вырвавшееся изъ тысячи грудей, сплошное, радостное, отчаянно-громкое и безумно-счастливое «ура»! Это уже не тихій шопотъ, похожій на журчанье ручья или шелестъ вѣтра, это стонъ моря, рокочущаго, бурнаго, торжествующаго, могучаго!..

«Ура!» несется и перелетаетъ съ фланга на флангъ по мѣрѣ приближенія коляски, то замирая, то воскресая снова. Великое, могучее по своей стихійности, оно разомъ наполняетъ собою и небо, и землю, и праздничный Тильзитъ съ его бѣснующеюся толпою, и самый Нѣманъ, такой величественный и красивый въ весеннемъ одѣяніи своихъ голубоватыхъ струй.

— Ура! Да здравствуетъ императоръ!—несется эта рокочущая лавина, словно выйдя изъ береговъ,—несется неудержимо, какъ волны моря, какъ стонъ бури.

— Ура!—кричитъ за остальными Надя, и приковывается лихорадочно горящимъ взглядомъ къ приближающейся коляскѣ. Что-то новое, необычайное рождается при этихъ звукахъ въ душѣ дѣвушки... И это необычайное какъ бы перерождаетъ ее всю... Тщеславныя мечты, разочарованіе изъ-за производства Юзефа, и затаенная жалоба на судьбу—все уже забыто теперь... Вся ея жизнь, все ея существо, вся душа Нади сосредоточились теперь на этой коляскѣ, на тѣхъ трехъ лицахъ, на трехъ генералахъ, сидящихъ въ ней... А коляска, кажется ей, точно нарочно движется тихо, такъ дьявольски тихо!..

Вотъ снова затихаетъ кипучій бѣшенымъ восторгомъ крикъ и, снова подхваченный свѣжими силами, утраивается и гремитъ, гремитъ навстрѣчу экипажу, окруженному свитой.

Эта волнующаяся толпа, эти бѣшеные крики, этотъ восторгъ войска и народа ударили въ голову Нади, вытѣсняя изъ сердца и головы всѣ остальныя мысли и чувства.

«Государь!»—мучительно выстукиваетъ бьющееся сердечко смугленькой дѣвочки. — «Государь!» — наполняетъ всѣ ея думы и чувства...

Тотъ, который повелѣваетъ десятками милліоновъ людей, тотъ, въ рукахъ котораго судьба Россіи, счастье и, горе народа, тотъ, о которомъ она, Надя, мечтала съ дѣтства, котораго она представляла себѣ какимъ-то полу-Богомъ, сильнымъ, всемогущимъ—онъ теперь здѣсь, передъ ея глазами, въ двухъ-трехъ шагахъ отъ нея!.. «Онъ» здѣсь... но который-же? который? который? который изъ этихъ трехъ офицеровъ въ коляскѣ!..

Она готова зарыдать теперь отъ нетерпѣнія и страха, видя, что коляска приближается... что она близко... тутъ... рядомъ и скоро пронесется мимо, прежде чѣмъ она, Надя, успѣетъ увидѣть и узнать лицо обожаемаго монарха.

Вотъ коляска уже близко... Три генерала, сидящіе въ ней, уже почти передъ строемъ коннопольцевъ. Одинъ изъ нихъ, высокій, но устало съежившійся, въ расшитомъ мундирѣ, съ длиннымъ профилемъ нѣмецкаго типа.

— Нѣтъ, это не онъ. Не можетъ быть онъ! — рѣшаетъ въ одно мгновеніе Надя.

— Это прусскій король, — шепчетъ кто-то едва слышно.

Другой, — она узнала его разомъ; — это Цесаревичъ Константинъ, дѣлавшій еще такъ недавно смотръ всей кавалеріи на границѣ. Его она отлично знаетъ.

Такъ значитъ «онъ» — третій! Передъ Надей мелькаетъ стройная высокая фигура въ бѣлыхъ лосинахъ, въ короткихъ ботфортахъ и генеральскомъ сюртукѣ, съ Андреевской лентой черезъ плечо. И лицо, молодое, блѣдное, обросшее рыжеватыми бакенбардами съ мягкимъ, кроткимъ взоромъ, прекрасное лицо, улыбающееся толпѣ... Печальна она — эта улыбка!.. Покорно и трогательно покоится она на свѣжихъ устахъ... На высокомъ челѣ печать думы — нерадостной, тяжелой... Голубые глаза также не веселы... Но они чудно-прекрасны, эти глаза, они точно врываются въ душу, отъ нихъ вѣетъ тепломъ и свѣтомъ, въ нихъ и дѣтское добродушіе, и кроткая нѣжность, и печаль — безконечная печаль...

По прекрасному молодому лицу, по кроткой улыбкѣ и голубымъ глазамъ, Надя не могла уже болѣе сомнѣваться, кто былъ третій генералъ въ коляскѣ.

Безумная жгучая радость охватила ее... «Онъ»! За «него»! Ради «него!» О, Боже, великій Боже!..

Если прежде она очертя голову бросалась въ самое пекло боя, ради милой родины, ради славы и чести своего солдатскаго мундира, то теперь, теперь она сознавала это такъ ясно, такъ поразительно-ясно, что она

готова броситься въ первую же атаку съ полной увѣренностью не вернуться изъ нея ради него, только ради этого дѣтски яснаго взгляда и печальной улыбки!..

— Іезусъ-Марія!—шепчетъ подлѣ нея не менѣе ея потрясенный Юзекъ,—какъ онъ печаленъ! О, Дуровъ! что ни говори, это печаль не простого смертнаго. Это великая душа! Онъ—орелъ, нашъ императоръ!

«Великая душа! Орелъ! Именно орелъ!—такъ и трепещетъ и бьется сердце Нади Дуровой.—Но, Боже мой! какъ скорбно печаленъ, какъ трогателенъ онъ въ эту минуту, великій Государь!»

И она смотритъ, смотритъ пристально, до боли напряженно, до рѣзи въ глазахъ, вслѣдъ умчавшейся коляскѣ. Вотъ она уже далеко... Вотъ только видно, какъ поблескиваетъ сталь палашей у царской охраны... Вотъ она у пристани... вотъ остановилась... и высокая, статная, въ генеральскомъ мундирѣ фигура при Андреевской лентѣ, въ сопровожденіи свиты, вышла изъ экипажа и, сойдя на берегъ, скрылась подъ балдахиномъ украшенной цвѣтами и флагами барки.

Въ ту-же минуту отъ французскаго берега отчалила галера. На носу ея стоитъ плотная коренастая фигура невысокаго человѣка въ треугольной шляпѣ. Это геній и побѣдитель половины міра! Это Наполеонъ! На голубомъ фонѣ горизонта какъ-то особенно четко выдѣлилась эта странная, не имѣющая, впрочемъ, въ себѣ ничего геніальнаго, фигура.

— О! этотъ—не орелъ... не орелъ!—чуть слышно въ забытьѣ лепечутъ губы Нади.—Это... это...

— Коршунъ...—подсказываетъ Вышмирскій, неотступно слѣдя взоромъ за толстымъ человѣкомъ на носу галеры.

— Или нѣтъ... знаешь, Юзефъ,—съ необъяснимымъ приливомъ жгучей, острой ненависти подхватываетъ

Надя,—просто лисица, жадная, лукавая корсиканская лисица! Вотъ онъ кто!

А разукрашенная галера подплываетъ все ближе и ближе. Вотъ она уже у плота, вотъ глухо стукнулась о его доски нѣсколько ранѣе, нежели подплыла къ нему барка Императора Александра.

— Хорошій знакъ,—шепчутъ маршалы и генералы великаго Наполеона.

«Французскій выскочка!»—мысленно проносится въ умѣ каждаго изъ русскихъ свиты Государя.

Наполеонъ и Александръ протягиваютъ руки другъ другу и бокъ-о-бокъ входятъ въ шатеръ, оставивъ на берегу, со свитою, Фридриха-Вильгельма, прусскаго короля.

Цѣлый часъ, цѣлый долгій часъ длится это свиданіе, рѣшающее судьбу Пруссіи и ея короля. И никто, ни маршалы, ни свита, не знаютъ того, о чемъ говорилось на Нѣманскомъ плоту двумя сильнѣйшими представителями Европы.

Ровно черезъ часъ оба императора снова показались изъ шатра. Они братски обнялись на глазахъ толпы и двухъ великихъ армій и размѣнялись крѣпкимъ, дружественнымъ поцѣлуемъ. И обѣ великія арміи слились въ одномъ общемъ привѣтствіи, содрогнувшемъ своею мощью дома и улицы Тильзита:

— Vive Alexandre!—Да здравствуетъ Наполеонъ!..

. . . . . .

Царскій экипажъ все еще стоитъ у пристани въ ожиданіи Императора Александра.

Вотъ снова отъ Нѣманскаго плота отдѣляется барка. «Онъ» плыветъ обратно, онъ, заключившій миръ съ недавнимъ врагомъ. Прусскій король встрѣчаетъ его съ выраженіемъ самаго живого интереса, гори нетерпѣніемъ узнать судьбу королевства. Лицо Цесаревича спокойно, почти весело. Миръ необходимъ—и они

добились мира. А «онъ»—гордый, прекрасный орелъ, «онъ»—отецъ своего народа, хотя и спокоенъ на видъ, но въ лицѣ его попрежнему борются печаль и улыбка. Пусть Наполеонъ, ради дружбы съ нимъ, Александромъ, поступился многимъ, но кто ему вернетъ тѣ тяжелыя потери, тѣхъ мертвыхъ героевъ, что полегли на кровавыхъ Фридландскихъ поляхъ?..

Съ тѣмъ же печальнымъ лицомъ и затуманеннымъ взоромъ Государь вышелъ на берегъ и сѣлъ въ коляску. Вотъ онъ снова подвигается медленнымъ шагомъ вдоль фронта войскъ, ласково кивая новому безумному привѣту, надрывающему грудь народа и войскъ.

Около атаманскаго, любимаго своего, казачьяго полка Александръ выходитъ изъ коляски. Въ одно мгновеніе ока адъютантъ соскакиваетъ съ коня, подводитъ его Государю и Александръ уже въ сѣдлѣ продолжаетъ путь.

Около Платова, наказного атамана Донскихъ войскъ, стоявшаго во фронтѣ, Государь удержалъ коня и остановился.

Надѣ отлично видно съ ея мѣста, какъ съ преобразившимся лицомъ, весь олицетворенное напряженіе и благоговѣйный восторгъ, Платовъ вытянулся въ струнку передъ Государемъ. Словъ не слышно, но лицо Платова такъ и сіяетъ счастьемъ.

«Счастливецъ! Онъ удостоился царскаго слова!—безумно выстукиваетъ сердце смуглой дѣвушки.—Но онъ герой и достоинъ его!.. Достоинъ!.. А я-то? Господи, помоги ты мнѣ, помоги удостоиться того-же, помоги быть героемъ, какъ онъ, чтобы только говорить съ Государемъ или умереть за него... да, умереть... о, Господи!»

Надя, уже не отрываясь, глядитъ въ упоръ на приближающуюся теперь къ ихъ рядамъ стройную фигуру на бѣлой лошади, передъ которой готова упасть

на колѣни вся эта, словно помѣшанная отъ восторга, толпа...

Теперь Государь уже близко... Вотъ конь уже у послѣднихъ рядовъ послѣдней атаманской сотни... вотъ онъ уже передъ ихъ Коннопольскимъ полкомъ, въ десяти шагахъ отъ нея, Нади.

Уста его раскрываются. Твердый, звучный голосъ говоритъ негромко:

— Мои славные коннопольцы! Спасибо!

Что-то необычайное наполняетъ сердца солдатъ. Это уже не крикъ, а вопль, восторженный, стихійный.

— Рады стараться, Ваше Императорское Величество! — гремитъ отвѣтный возгласъ полка, и Надя видитъ теперь восторженныя слезы не въ одной парѣ глазъ этихъ мужественныхъ, закаленныхъ людей.

И какъ-будто что-то свѣтлое блеснуло въ голубыхъ глазахъ Государя. Точно двѣ алмазныя росинки попали туда... не то росинки, не то слезы...

Какой-то клубокъ подкатывается къ горлу Нади и душитъ ее. Ея собственные глаза, впившіеся взоромъ въ царя, наполняются слезами.

«Умереть тутъ на мѣстѣ, за него, за родину! — выстукиваетъ сердце смугленькой дѣвочки, — или упасть на колѣни и молиться, молиться безъ конца!»

И восторженный порывъ ея дошелъ, казалось, до сердца Государя.

Чистый, ясный взоръ Александра встрѣтился съ ея взоромъ, такимъ-же яснымъ, чистымъ, дѣтскимъ, восторженно-счастливымъ.

Государь чуть тронулъ шпорой лошадь и медленно подвигается къ странному ребенку въ уланскомъ колетѣ, встрѣчающему его глазами, полными слезъ.

Что это? Ошиблась или нѣтъ Надя?

Нѣтъ, не ошиблась... Онъ ѣдетъ прямо къ ней... Нѣтъ сомнѣнія... Его глаза сіяютъ ей чудеснымъ свѣтомъ.

Онъ весь—сочувствіе и вниманіе къ ней, юному уланчику, плачущему отъ счастья...

Въ струнку вытягивается юный уланчикъ и замираетъ безъ движенія, какъ вкопанный, по воинскому уставу своей солдатской службы.

Государь передъ нею... Голова его бѣлаго коня уже передъ самой головой ея Алкида.

— Каховскій!—слышится уже знакомый и безконечно-дорогой голосъ,—ужели молодцовъ уланъ осталось такъ мало, что ты принужденъ двѣнадцатилѣтнихъ дѣтей вербовать въ свои ряды?

Генералъ-маіоръ Каховскій, командиръ коннопольскаго полка, взволнованный не менѣе самой Нади, отвѣчаетъ сдержанно-почтительно, вкладывая неизъяснимыя ноты нѣжности въ свой солдатскій голосъ.

— Ваше Императорское Величество, онъ хотя и молодъ, ему всего 16 лѣтъ, Государь, но уже успѣлъ отличиться и подъ Гутштадтомъ и подъ Фридландомъ, какъ взрослый мужественный воинъ!

О, милый Каховскій!.. Какой восторженной благодарностью наполнилось къ нему сердце Нади за этотъ, полный довѣрія и похвалы, отзывъ!

— Вотъ какъ!—снова послышался негромкій возгласъ Государя, и его рука, словно облитая бѣлой перчаткой, легла на кашемировую эполету Нади.—Такой еще юный и такой храбрый!—И при этихъ словахъ Императоръ Александръ наградилъ ее однимъ изъ тѣхъ чарующихъ взглядовъ, которые не забывались всю жизнь тѣми, кто бывалъ удостоинъ ими.

Унылая, но полная прелести улыбка при этомъ взглядѣ снова тронула полныя, красивыя губы царя.

Потомъ онъ спросилъ у Каховскаго что-то еще, уже значительно тише, чего не разслышала Надя, и поѣхалъ дальше по фронту раздавать свои улыбки и похвалы заслужившимъ ихъ войскамъ.

Тутъ только Надя опомнилась отъ своей сладкой грезы и вернулась къ дѣйствительности.

Но что-то могучее, стихійное, роковое попрежнему наполняло ея душу и сердце, наводняя сладкимъ восторгомъ все ея существо.

— Вышмирскій! — горячо прошептала дѣвушка. — Если мнѣ суждено скоро умереть, то пусть это будетъ сегодня!..

. . . . . .

Вскорѣ послѣ Тильзитскаго свиданія монарховъ русскія войска вернулись на родину.

Перейдя прусскую границу, армія разошлась по своимъ лѣтнимъ квартирамъ. Славный коннопольскій полкъ, вмѣстѣ съ псковскимъ драгунскимъ, Орденскимъ кирасирскимъ, прямо изъ похода попалъ въ лагери, расположенные вблизи Полоцка.

Вышмирскій и Надя просили у Каховскаго двухнедѣльный отпускъ и, взявъ подорожную, поскакали подъ Гродно, къ Канутамъ.

ГЛАВА IX.

Въ Зеленомъ гротѣ.—Раскрытая тайна.

НУ, панъ Дуровъ, становитесь рядомъ!.. Это ничего не значитъ, что вы гутштадтскій герой и бравый служака... Здѣсь, въ замкѣ, вы Саша, только Саша, милый, веселый, молоденькій Саша, который обязанъ играть и бѣгать со мною!..

— Ужь и обязанъ?!

— А то нѣтъ?—и живые черные глазки загораются гнѣвными огоньками...—Ну, да бѣгите-же, неловкій! Ловите меня... Разъ, два, три...

И черноглазая бойкая паненка, ударивъ въ ладоши, несется по длинной аллеѣ вѣкового парка съ причудливыми уголками и затѣями на каждомъ шагу. Бѣлокурые локоны растрепались по спинѣ, плечамъ и шейкѣ и хлещутъ своими пышными прядями прелестное личико полу-дѣвушки, полу-ребенка. Щечки разгорѣлись яркимъ молодымъ румянцемъ. Она вся олицетвореніе дѣтской безпечности, задора и веселья. Надя заражается и этимъ весельемъ, и жизнерадостнымъ смѣхомъ Зоси и сама смѣющаяся, веселая, забывъ и свой солдатскій мундиръ, и всю степенность воина, бывшаго не разъ въ бояхъ, несется вслѣдъ за дѣвочкой по широкой тѣнистой аллеѣ.

Прошла только недѣля съ ихъ возвращенія на родину, а уже спокойная, привольная лагерная жизнь успѣла наложить свою печать на лицо дѣвушки-улана. Измученная, исхудалая-было отъ безсонницы, лишеній и

ужасовъ войны, Надя теперь снова словно преобразилась. Глаза горятъ спокойнымъ, здоровымъ блескомъ, щеки порозовѣли, все лицо посвѣжѣло.

Недавнія кровавыя картины и впечатлѣнія войны какъ-то стушевались и поблѣднѣли.

И словно она теперь не прежняя, а другая, новая Надя, совершенно чужая тому молоденькому рубакѣ-улану, бившемуся въ кровавомъ Гутштадтскомъ бою.

Этотъ чудесный мирный полдень, эта пышная изумрудная зелень, эти цвѣты на клумбахъ, испускающіе свой медвяный ароматъ—какъ все это нѣжно, тихо и красиво!

— Разъ!—и краснощекая Зося останавливается, схваченная за рукавъ быстрою рукою Нади.

И юная паненка, и молоденькій уланъ хохочутъ при этомъ, какъ безумные.

— О—о, панъ уланъ, да какія-же у васъ длинныя ноги!

— Вы не уступите мнѣ въ скорости, панна Зося,— смѣется Надя.

— Зато я уступлю во всемъ другомъ...—и черные глазки лукаво щурятся на Надю.

Обѣ онѣ сидятъ теперь въ хорошенькомъ зеленомъ гротѣ, мастерски выплетенномъ изъ вѣтвей акацій. Вокругъ нихъ жужжатъ мохнатыя пчелы, стрекочутъ изумрудныя стрекозы и носятся птицы съ веселымъ чириканьемъ. А сквозь вѣтки акацій проглядываетъ іюльское небо, безоблачное, ласковое и ясно голубое, какъ одинъ сплошной гигантскій камень драгоцѣнной бирюзы...

Глаза Зоси щурятся попрежнему. Задорную дѣвочку такъ и тянетъ шалить и смѣяться, а этотъ смугленькій уланчикъ какъ нарочно ударился въ задумчивость. Какой онъ странный, необыкновенно странный въ самомъ дѣлѣ! И о чемъ думаетъ? И чего задумывается?

Ужели можно задумываться и тосковать въ этотъ чудесный душистый полдень?..

— Панъ уланчикъ!—кричитъ въ самое ухо Нади шалунья.—Пари держу, что вы думаете объ офицерскихъ эполетахъ!

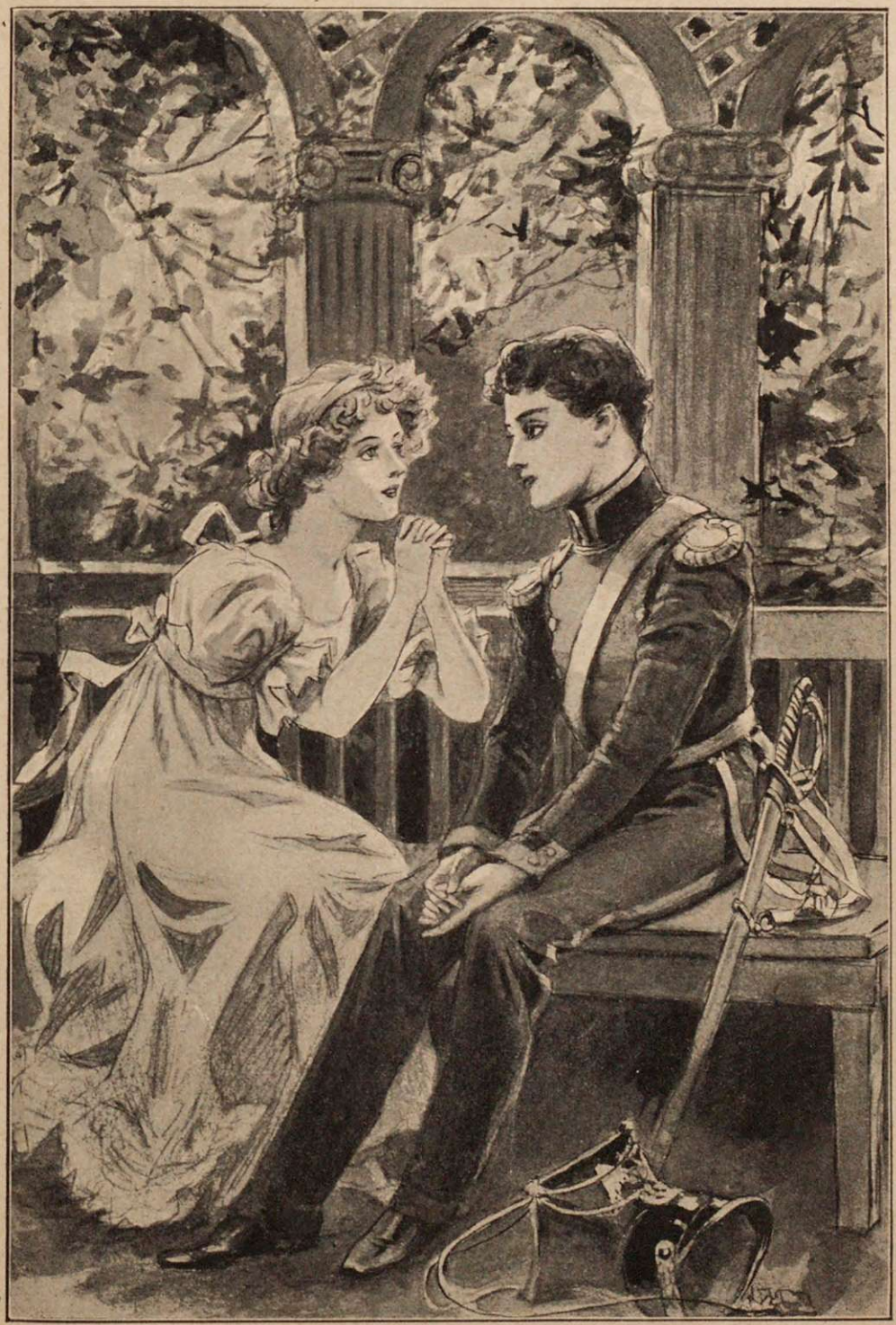
Надя вспыхиваетъ и потупляется.

Какъ близка она къ истинѣ, эта черноглазая дѣвочка! Увы! она почти угадала ея думы.

Если и не объ офицерскихъ эполетахъ думаетъ теперь она, Надя, то о долгомъ, тягучемъ мирномъ застоѣ, безъ войны и похода, который еще надолго отодвинетъ отъ нея эти желанныя эполеты.

И Надя невольно украдкой вздыхаетъ при одной этой мысли.

— Слушайте, панъ уланчикъ,—слышится надъ нею звонкій, какъ серебряный колокольчикъ, голосокъ Вышмирской, и уже не шаловливыя, а глубокія сердечныя нотки проскальзываютъ въ немъ.—Вѣдь я знаю, вамъ обидно и больно... отлично знаю... Вонъ Юзефъ офицеръ, а вы нѣтъ... А между тѣмъ вы храбрѣе Юзефа... Вы герой... Онъ самъ разсказывалъ мнѣ про васъ... про Панина... про Баранчука этого также... и про самого себя—какъ вы отвели ударъ непріятеля отъ его головы... Всѣмъ намъ разсказывалъ въ первый же вечеръ вашего пріѣзда... Ахъ, Саша! какой вы храбрый! И я... и Рузя, и Ядзя, и дядя Канутъ—всѣ, всѣ говорятъ это... Знаете, когда Юзефъ разсказалъ мнѣ про все—мнѣ захотѣлось бѣжать къ вамъ, упасть передъ вами на колѣни и... я не знаю, право... Я очень глупа, Саша... но... я бы такъ хотѣла вознаградить васъ за спасеніе жизни моему Юзефу, за вашу храбрость... Знаете, что Юзефъ прибавилъ, когда разсказывалъ о томъ, какъ вы спасли его? «Я,—говоритъ,—не только бы свои офицерскія эполеты охотно отдалъ Дурову, а кое-что побольше...» и знаете, что онъ еще сказалъ?



— Мнѣ захотѣлось бѣжать къ вамъ, упасть передъ вами на колѣни...

— Нѣтъ, не знаю! — улыбнулась Надя.

Восторженное настроеніе Зоси въ одно и то же время и забавляло и трогало ее.

— Онъ сказалъ, что хотя вы, панъ Дуровъ, и русскій, но что онъ охотно-бы отдалъ такому герою свою сестру въ жены, т.-е. меня, панъ Дуровъ... Поняли вы меня?

Надя вскочила какъ ужаленная.

— Какой вздоръ! — вся вспыхнувъ до корней волосъ, воскликнула она.

— Но почему же вздоръ? — горячо сорвалось съ устъ дѣвочки. — Или вы не знаете, что во времена рыцарства и турнировъ прекраснѣйшія дамы отдавали свою руку и сердце герою-побѣдителю?

— Но то было во времена рыцарства! — произнесла Надя. — А теперь эти времена давно минули и я притомъ далеко не «герой-побѣдитель», — добавила она съ улыбкой.

— А!.. понимаю... — обидчиво перебила ее Зося. — Вы хотите сказать, что и я не прекрасная дама и не достойна этой чести — вѣнчать побѣдителя! — и въ ея черныхъ глазкахъ засверкало что-то похожее на слезы.

— Вовсе не то, — попробовала-было защищаться Надя, — а просто, вы и я... мы... мы... какъ вамъ это сказать?.. Ну, мы просто слишкомъ молоды, чтобы мечтать о бракѣ... Мы почти дѣти...

— Мы вырастемъ когда-нибудь! — съ комической наивностью стояла на своемъ Зося. — Я бы охотно ждала долго, очень долго такого героя, какъ вы! Вѣдь вы герой! Ахъ, панъ Дуровъ! если бы вы знали, какъ я полюбила васъ съ той минуты, когда Юзекъ сказалъ тогда, помните, весною, на нашемъ балѣ, что вы ушли изъ дома ради военной службы и походовъ. Потомъ я долго и много думала о васъ... А когда Юзекъ разсказалъ про всѣ ваши подвиги и про вашу храбрость и про

свое спасеніе—о, особенно за это полюбила я васъ!—то мнѣ такъ захотѣлось сдѣлать вамъ что-нибудь пріятное, хорошее, отчего вамъ стало бы радостно на душѣ... Я васъ такъ крѣпко и много люблю, такъ-же крѣпко, пожалуй, какъ и Юзю, или только развѣ чуточку поменьше... И вотъ, что я придумала: вы знаете, панъ уланчикъ, у меня есть своя земля и прехорошенькое помѣстье, оставленное мнѣ отцомъ... Тамъ есть маленькій домикъ, совсѣмъ особенный и чудо какой прелестный. Вокругъ домика цвѣтутъ розы... много, много, какъ въ сказкѣ... И это—мой собственный домикъ, мои собственныя розы, и тамъ такъ хорошо, какъ въ раю. И мы будемъ тамъ жить, когда поженимся... съ вами... Дядя Канутъ посердится, конечно, потому что вы русскій, а я полька, и потому, что онъ уже нашелъ мнѣ жениха. Но долго онъ не будетъ сердиться, потому что... вы спасли жизнь Юзи и имѣете право взять за это мою жизнь—жизнь его сестры...

— Ахъ, Зося! Зося!—прервала восторженную дѣвочку Надя.—Вы знаете, что я солдатъ и ни на что и ни на кого въ мірѣ не промѣняю моего солдатскаго ранца.

— Ну, да и не надо мѣнять!—еще болѣе оживляясь залепетала Вышмирская.—Я буду также находиться въ походѣ... съ вами въ походѣ... Ахъ, какъ это будетъ весело: играетъ музыка, развѣваются знамена, и мы все ѣдемъ... ѣдемъ...

— Дитя! Дитя!—съ улыбкой произнесла Надя, любуясь ея прелестнымъ оживленнымъ личикомъ.

— Ну вотъ, «дитя!»—поджала она съ неудовольствіемъ свои пухлыя губки.—А дядя Канутъ говоритъ, что я большая и что мнѣ пора подумать о замужествѣ... И знаете, что (тутъ она таинственно подвинулась къ Надѣ и прошептала ей почти на ухо, несмотря на то, что кругомъ ихъ не было ни души)—ко мнѣ уже же-

нихъ сватался... Ей-Богу... Панъ Линдорскій... тоже уланъ, только офицеръ и богатый. У него подъ Вильной свои помѣстья. Тотъ самый, который васъ и Юзьку опредѣлилъ въ уланы. Только я не пойду за него... Онъ совсѣмъ какъ дядя... совсѣмъ взрослый человѣкъ... мнѣ будетъ скучно съ нимъ... Что за радость! А за васъ пойду... Вы веселый, молоденькій и притомъ вы—герой... Ей-Богу!.. Ничего, что вы русскій... Ахъ, какъ славно будетъ!..—и она радостно запрыгала и захлопала въ ладоши.

— Нѣтъ, нѣтъ! Это невозможно, милая крошка!—произнесла тихо Надя.

— Но почему? Или у васъ уже есть невѣста?

— Нѣтъ! Нѣтъ!—поторопилась успокоить ее та.

— Или вы не находите меня достаточно милою?.. Но вѣдь всѣ говорятъ кругомъ, что я хорошенькая... А когда выросту большая—красавицей буду... увидите! А развѣ не радость это—имѣть красавицу-жену?

— Вы дитя, Зося, ребенокъ! И потомъ... потомъ... ну, словомъ, это невозможно!.. Нельзя...

— Вы не любите меня?—съ тревогой произнесла дѣвочка и чарующій взглядъ ея черныхъ глазокъ съ тоской впился въ лицо Нади.—Или я глупа, дурна, уродлива, по-вашему?

— Нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! Милая... дорогая дѣвочка...—горячо протестовала взволнованная Надя.—Вы красавица, прелесть, умница, какихъ мало... Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія... но все-таки это невозможно!

— Невозможно...—упавшимъ голосомъ, какъ эхо, отозвалась Зося.—Невозможно,—еще разъ печально повторила она, и прелестное личико ея разомъ омрачилось.

Необъяснимая жалость наполнила сердце Нади. Эта черноглазая милая дѣвочка съ ея дѣтской трогательной привязанностью и наивной ребяческой любовью

къ ней перевернула ей сердце. Обидѣть, огорчить эту дѣвочку, это наивное очаровательное созданіе и притомъ сестру ея единственнаго товарища и друга—казалось ей жестокимъ и безчеловѣчнымъ. Отвѣтить холоднымъ отказомъ на ея дѣтскую любовь, впервые заговорившую въ ея сердцѣ—о, нѣтъ! ни за что не въ силахъ она сдѣлать этого!

Съ минуту колебалась Надя, потомъ словно что подтолкнуло ее, и она проговорила возможно ласковѣе и нѣжнѣе:

— Умѣете-ли вы, Зося, хранить чужія тайны?

— Дядя Канутъ говорилъ мнѣ, что чужія тайны—это чужая собственность,—серьезно отвѣчала Зося.—Открывать ихъ—значитъ, присвоить себѣ собственность чужого. Мнѣ еще никто не повѣрялъ ни одной тайны, но я увѣрена, что я сумѣю сохранить ее...

— Вы любите меня, Зося?

— О, зачѣмъ вы спрашиваете это? Больше всѣхъ на свѣтѣ люблю я Юзю и васъ, панъ Дуровъ! Богъ тому свидѣтель!

— Но мы не можемъ обручиться, Зося... Это невозможно. Это невозможно, моя дѣточка, мой прелестный ребенокъ, потому что я... я...

Что-то словно мѣшало Надѣ выговорить роковое слово. Даже въ жаръ бросило и дыханье сперлось въ груди.

А черные глазки широко раскрыты въ ожиданіи этого слова, и ротикъ раскрылся отъ вниманія и нетерпѣнія. Она даже какъ-будто поблѣднѣла немного, черноглазая, милая Зося.

И Надя поблѣднѣла. Ея глаза широко раскрытымъ взглядомъ впиваются въ бѣленькое личико юной паненки. Вдругъ густой румянецъ покрылъ и смуглое лицо, и щеки, и лобъ, и шею мнимаго улана.

— Я дѣвушка... —лепечетъ чуть слышно Надя,—дѣвушка... какъ и вы... и Рузя, и Ядя...

На бѣломъ личикѣ, увѣнчанномъ парой прелестныхъ черныхъ глазокъ, недоумѣніе... испугъ... глубокое изумленіе... трепетъ... Потомъ что-то неуловимое промелькнуло въ немъ, тронуло улыбкой алыя губки и утонуло въ безпредѣльной глубинѣ черныхъ очей...

Прошла секунда... другая... третья, и вдругъ двѣ тонкія дѣвичьи ручки разомъ упали на плечи Нади и обвились вокругъ ея шеи... Бѣлое личико приблизилось вплотную... Губы шепчутъ, улыбаясь трогательно, счастливо:

— Дѣвушка!.. сестрица!.. подруга!.. Ахъ, какъ это хорошо, какъ это прекрасно!.. Храбрая! Смѣлая! героиня!.. За отчизну *) билась!.. Ахъ, панъ Дуровъ... нѣтъ... пани... Ахъ! Я не знаю вашего имени... Кто вы?!

— Надя... Надежда... меня зовутъ Надей, — подсказываетъ смугленькая дѣвушка и глаза ея теплятся отвѣтной лаской.

— Надя... Надечка, милая... сердечко мое! — лепечетъ Зося и градъ поцѣлуевъ сыплется на лицо и руки сконфуженной Дуровой.

— Зося! дѣтка моя! Только помни: это тайна! — спохватившись, говоритъ она. — Большая тайна, страшная... Если ты выдашь меня — я пропала...

— Боже сохрани! — убѣжденно и горячо восклицаетъ Зося, — тебя... друга, выдать? Сестру... дѣвочку... героиню?! Я такъ рада, такъ рада! — добавляетъ она восторженно. — Мальчикъ, мужчина — это не то! Съ нимъ и поговорить-то по душѣ нельзя... А дѣвочка, подружка — та все пойметъ, право!.. Ахъ, какъ хорошо, что все это такъ... что я могу любить тебя, какъ подругу!.. А какъ радъ будетъ дядя Канутъ, что я не выйду замужъ за русскаго, да еще за солдата!.. Если-бы онъ зналъ, кто этотъ уланъ!.. Ахъ, какъ хорошо! Точно въ сказкѣ!..

---

*) Родину, отечество.

И впрямь, точно въ сказкѣ... Точно въ сказкѣ расцвѣлъ этотъ пышный іюльскій полдень, точно въ сказкѣ дышатъ своимъ ароматнымъ дыханіемъ розы, точно въ сказкѣ въ зеленомъ гротѣ сидятъ двѣ дѣвочки, одна воздушная и прелестная, какъ весенній цвѣтокъ, другая—смѣлая, отважная, съ лицомъ и душой героини.

Онѣ крѣпко, горячо обнялись... Надя тихо, вполголоса разсказываетъ своей новой подругѣ свою странную жизнь, свое необычайное дѣтство и счастливое настоящее, отвоеванное ею насильно у судьбы...

А надъ обѣими дѣвушками и надъ зеленымъ гротомъ повисло іюльское небо, съ безстрастнымъ спокойствіемъ обратившее на міръ свои бирюзовыя очи.

ГЛАВА X.

Незамѣнимая потеря.

СЕГОДНЯ твоя очередь вести на водопой коней, баринъ!—услышала Надя, проснувшись какъ-то на зарѣ, голосъ взводнаго, Пахомова.

Утро стояло пасмурное, дождливое. Надю, поздно улегшуюся спать наканунѣ, тянуло ко сну. Отягощенная утренней дремотой голова такъ и валилась назадъ на подушку. А тутъ еще, какъ нарочно, видъ крѣпко спавшаго Вышмирскаго подзадаривалъ ее броситься въ постель и уснуть еще хоть часочекъ.

Надю, привыкшую къ спокойной, праздной жизни у Канутовъ за послѣднія двѣ недѣли отдыха, обуревала непривычная лѣнь. Къ тому же сѣрый, пасмурный день не обѣщалъ ничего хорошаго. Какая-то промозглая, совсѣмъ не лѣтняя сырость стояла въ воздухѣ и отнимала всякую охоту выходить изъ дому, да еще по слякоти и грязи вести своего и чужихъ коней на рѣку къ водопою.

— Счастливчикъ Вышмирскій!—произнесла она съ завистью, натягивая тяжелые казенные сапоги на свои маленькія ноги.—Ему, какъ офицеру, не надо исполнять скучныхъ солдатскихъ обязанностей... Ахъ, когда-то и она, Надя, добьется такой-же желанной участи?

Однако, дѣлать было нечего. Какъ ни досадуй, ни завидуй и ни злись, а ѣхать надо. Вонъ уже подъ окномъ прозвенѣли копыта лошадей. Тотъ же Пахомовъ

провелъ ея Алкида и трехъ другихъ лошадей, ввѣренныхъ ея призору.

Пахомовъ благоволитъ къ Надѣ за ея простосердечіе и ласковость и чѣмъ можетъ помогаетъ «доброму барчонку» въ дѣлахъ несенія тяжелой солдатской службы.

Еслибъ Надя и не видѣла изъ окна Алкида, то, все равно, по ржанію и шагу узнала-бы своего любимца. Шагъ у Алкида—мало похожій на шагъ иныхъ коней. Его копыта какъ-то особенно звонко и дробно отбиваютъ по землѣ. И ржетъ онъ совсѣмъ особенно, осторожно и толково, съ какими-то одной Надѣ уловимыми и понятными переливами.

— О, милый, милый!—съ ласковой улыбкой, глянувъ въ окно на дѣйствительно красивое животное, произнесла Надя и торопливо занялась своимъ несложнымъ туалетомъ.

— Ну, что, Алкидушка? Что, голубчикъ? — привѣтствовала она черезъ нѣсколько минутъ на дворѣ своего любимца, поднося ему на ладони еще съ вечера припасенный ею ломоть чернаго хлѣба съ солью.

Алкидъ, обожавшій подобныя лакомства, съ удовольствіемъ вытянулъ губы, и ломоть въ одно мгновеніе ока исчезъ съ руки хозяйки. Покончивъ съ хлѣбомъ, онъ положилъ голову на плечо Нади и сталъ легонько теребить губами ея бѣлую эполету.

— Давно-бы пора!—значительно усмѣхаясь, произнесла дѣвушка.—Сорви ихъ, Алкидушка! сорви, милый! Авось другія вырастутъ на ихъ мѣстѣ... да не такія... а офицерскія...

И, говоря это, она ласково трепала шелковую гриву коня, его красиво изогнутую, изящную шею. Потомъ легко вскочила на покрытую одной попоной, безъ сѣдла, спину и, взявъ трехъ другихъ лошадей на поводъ, поскакала съ ними къ рѣкѣ.

Дурная погода, не позволявшая дѣлать ни ученья,

ни проѣздокъ, гибельно вліяла на лошадей. Отъ продолжительнаго застоя въ конюшнѣ, онѣ, вырвавшись наконецъ на свободу, прыгали и рѣзвились не менѣе молоденькихъ жеребятъ, по дорогѣ къ рѣкѣ. Надя съ трудомъ удерживала ихъ за поводъ. Особенно кипятился и горячился одинъ, совсѣмъ еще молоденькій конекъ.

Наконецъ, уставшая Надя съ трудомъ добралась съ ними до рѣки, гдѣ остальные уланы уже успѣли напоить ввѣренныхъ имъ коней.

— Эхъ, баринъ, — встрѣтилъ ее Пахомовъ, — конекъ-то этотъ у тебя эво какъ расходился. Все дѣло портитъ.

— Да, не справиться съ нимъ, — согласилась Надя. — А я на обратномъ пути на него сяду, а Алкида пущу на поводъ. Алкидъ добрый конь. Онъ артачиться не будетъ.

— Пожалуй, не будетъ! — поддакнулъ Пахомовъ, благоволившій не только къ «барчонку», но и къ его «доброму коню».

Сказано — сдѣлано. Надя побольше отпустила поводъ, чтобы дать просторъ своему любимцу и, вскочивъ на непокорнаго молоденькаго конька, помчалась въ обратный путь къ лагерю.

Но на этотъ разъ Алкидъ не оправдалъ ожиданій своей хозяйки. Застоялся-ли онъ въ конюшнѣ, наравнѣ съ другими, во время Надиной отлучки подъ Гродно, или примѣръ четвероногаго пріятеля заразилъ его, но Алкидъ былъ положительно неузнаваемъ сегодня. Онъ то прыгалъ изъ стороны въ сторону, то взвивался на дыбы и съ громкимъ ржаніемъ билъ задними ногами землю, то моталъ усиленно головою, стараясь во что бы то ни стало вырвать поводъ изъ рукъ своей госпожи.

— Алкидъ! гадкій! несносный! Что съ тобою? Я не узнаю тебя, пріятель! Да стой-же, стой! говорятъ

тебѣ, негодный Алкидъ!—увѣщевала своего любимца Надя.

Но все было напрасно. Алкида точно подмѣнили. Онъ какъ будто и вниманія не обращалъ на слова своей госпожи. Вотъ онъ сильнѣе и сильнѣе замоталъ головою, вотъ новый неожиданный скачокъ въ сторону и поводъ выскользнулъ изъ рукъ Нади, а освободившійся отъ узды конь стрѣлой понесся по полю, перепрыгивая бугры и канавы, попадающіеся ему по пути. Только грива его вьется по вѣтру, а длинный пушистый хвостъ сѣрымъ султаномъ развѣвается по воздуху.

— Алкидъ! Алкидъ!—кричитъ Надя.—Да остановите-же вы его!—проситъ она солдатъ, уѣхавшихъ далеко впередъ на своихъ коняхъ.

Но имъ и не слыхать ея крика за дождемъ и вѣтромъ, а если-бы и услыхали, то все равно ничто въ мірѣ не остановитъ теперь ея Алкида. А у Нади, увы!, связаны крылья. У нея самой еще три лошади на рукахъ, выпустить которыхъ она не имѣетъ права и за цѣлость которыхъ она должна отвѣчать своему эскадронному начальству.

А Алкидъ уже далеко. Вонъ онъ стрѣлой несется къ глубокому рву... вонъ взвился на дыбы... Разъ! и какъ ни въ чемъ не бывало, въ одно мгновеніе ока перемахнулъ канаву.

У Нади только сердце захолодѣло, да дыханіе сперлось въ груди.

— Молодецъ! Прелесть! У-у, прелесть моя!—не могла не восторгнуться она этимъ прыжкомъ.

И вдругъ такъ внезапно охватившій ее восторгъ мгновенно исчезъ куда-то... Сердце точно перестало биться въ груди... Оно замерло... застыло... Алкидъ, оставляя канаву далеко за собою, теперь уже несется во весь духъ прямо на высокій плетень, поднимающійся грозной оградой, съ заостренными зубьями... Надя ви-

дитъ, какъ стремителенъ бѣгъ коня, какъ стройно перебѣгаетъ онъ быстрыми ногами... Она знаетъ силу и ловкость своего Алкида... Но это новое препятствіе высоко, слишкомъ высоко, даже для такого далеко не заурядnаго коня.

«Перескочитъ или обѣжитъ кругомъ?—сверлитъ назойливая мысль мозгъ дѣвушки.—А вдругъ и не перескочитъ, и не обѣжитъ, а...»

И при этой мысли холодный потъ выступилъ у нея на лбу... Руки заледенѣли и выпустили поводъ... Надя уже какъ-бы не чувствуетъ себя и, точно переставъ жить, существовать, въ эту минуту вся превратилась въ одно сплошное, ужасное ожиданіе... Вотъ разстояніе между роковымъ плетнемъ и Алкидомъ дѣлается все меньше и меньше съ каждымъ мгновеніемъ, съ каждой секундой... Вотъ все ближе и ближе вырастаетъ передъ нимъ высокая преграда съ пикообразными кольями... Вотъ онъ близко... уже почти тамъ... взвился на дыбы... мелькнулъ въ воздухѣ... вотъ...

Дикій, нечеловѣческій вопль прозвучалъ и замеръ надъ полемъ. Безумно расширенный взглядъ Нади приковался къ роковому плетню... Что-то забилось, заклокотало, словно оборвалось у нея въ груди...

Тамъ, на плетнѣ, тяжело опустившись на острые колья, трепетало въ конвульсіяхъ обезображенное тѣло ея несчастнаго Алкида...

. . . . . .

Обезумѣвшая отъ горя и ужаса, стоитъ Надя надъ распростертымъ у ея ногъ конемъ... Онъ еще живъ... еще дышитъ... Его стройные члены дрожатъ и подергиваются въ послѣднихъ предсмертныхъ судорогахъ... Распоротый животъ съ выпавшими внутренностями прикрытъ рогожей... Окровавленная морда съ умными, выразительными глазами лежитъ на плечѣ госпожи. Умирающій конь не отрываетъ отъ нея мучительнаго,

выстраданнаго, молящаго взора... О, сколько муки, сколько нечеловѣческой муки глядитъ изъ него!..

— Господи! — склонившись передъ нимъ на колѣни, рыдаетъ Надя. — За что? за что?... Единственный, дорогой, незамѣнимый! И вотъ... О-о! Алкидушка! радость моя, сердце мое, голубчикъ мой, что ты съ собой сдѣлалъ? Что я буду безъ тебя, голубчикъ мой, ненаглядный!

Умирающій Алкидъ точно понимаетъ эти вопли и стоны. Съ трогательнымъ выраженіемъ безпомощнаго страданія глядятъ его каріе глаза въ залитое слезами лицо Нади.

И Надѣ кажется, будто и въ нихъ, въ этихъ несчастныхъ глазахъ страдальца-коня, стоятъ слезы, человѣческія слезы... Не то вздохъ, не то стонъ вырывается изъ груди Алкида... Вотъ уже одно отяжелѣвшее вѣко опустилось на правомъ глазу... Минута... еще минута... послѣдній трепетъ пробѣгаетъ по всѣмъ членамъ несчастнаго коня. Послѣдній трепетъ!.. Алкидъ угасающимъ, полнымъ любви и жалобы взглядомъ приковывается къ Надѣ, изумительнымъ взглядомъ, похожимъ на взглядъ человѣка... и Алкида не стало...

Солдаты, снявшіе съ рокового плетня Надинаго любимца, обступили съ суровыми, сосредоточенными лицами мертвую лошадь и бившагося въ конвульсивныхъ рыданіяхъ надъ нею своего молоденькаго товарища. Эти мужественные люди, видѣвшіе не мало пролитой крови на своемъ вѣку, закаленные въ бояхъ, теперь смущены и растроганы до слезъ искренней, глубокой, безысходной печалью бѣднаго ребенка.

— Алкидушка мой! любимый мой! Родной мой! — рыдаетъ Надя. — Нѣтъ тебя больше! Алкидушка, другъ мой вѣрный, незамѣнимый!

И бьется о землю головой смугленькая дѣвочка и сердце ея разрывается отъ тоски, безысходной, неутолимой...

Въ тотъ же вечеръ глубоко растроганный Гал-

леръ говорилъ своему эскадрону, собравшемуся на молитву:

— Ребята! нашъ юный пріятель Дуровъ достоинъ теперь еще большаго уваженія. Сколько любви и преданности обнаружилъ онъ къ своему злосчастному коню!.. Каждый истинный кавалеристъ долженъ чувствовать такую именно привязанность къ лошади. Конь и кавалеристъ—это одно цѣлое, и на войнѣ и въ походѣ... Честь и слава молоденькому товарищу за его неподкупную привязанность къ коню!..

А молоденькій товарищъ бился въ это время въ нервномъ истерическомъ припадкѣ на рукахъ своего друга—Вышмирскаго.

ГЛАВА XI.

Событіе за событіемъ.—Въ столицу.

На другой же день солдаты лейбъ-эскадрона зарыли мертвое тѣло Алкида въ полѣ, неподалеку отъ лагерной стоянки. Рѣчь Галлера и искреннее отчаяніе Нади до глубины души растрогали ихъ и возбудили еще большее сочувствіе къ Надѣ. Они съ особенной тщательностью сравняли могилу, обложили дерномъ небольшой холмикъ и ушли, оставивъ измученную и обезсиленную слезами Надю погрустить и поплакать на свободѣ у могилы ея коня.

Теперь, лежа на этой дорогой могилѣ, Надя съ мучительной ясностью припоминала всѣ тѣ случаи жизни, въ которыхъ игралъ такую важную роль ея покойный благородный другъ. Вспомнилось дѣвушкѣ, какъ впервые увидала она у нихъ на дворѣ статнаго дикаря-карабаха, какъ горячо привязалась къ нему всей душой, какъ ей удалось приручить его къ себѣ, неподкупнаго, смѣлаго, горячаго, какъ огонь... А тамъ ея бѣгство изъ дому съ нимъ же, роковой, непоправимый и лучшій шагъ ея жизни; далѣе, ея прогулки на немъ по станицѣ... все съ нимъ... всегда съ нимъ... неразлучно... Потомъ ужасный Гутштадтскій бой, во время котораго онъ столько разъ выносилъ ее изъ смертельной опас-

ности... А страшная ночь возвращенія изъ Гейльсберга, когда онъ—драгоцѣнный, милый—спасъ ее отъ неминуемаго позорнаго плѣна, можетъ быть смерти... А безумная скачка по Фридландской дорогѣ, скачка, немыслимая для всякаго другого коня... О! онъ не разъ выручалъ ее, вырывалъ изъ опасности, онъ, дорогой, незабвенный Алкидъ!..

И, обезумѣвъ отъ острой тоски сознанія своей потери, Надя упала лицомъ на траву и зарыдала тяжелыми, надрывающими сердце слезами.

— Товарищъ Дуровъ!—послышался надъ нею чей-то негромкій окликъ.—Ротмистръ Галлеръ приказалъ тебѣ сейчасъ-же явиться къ нему. Отъ шефа прискакалъ унтеръ-офицеръ съ приказомъ. Тебя требуютъ къ командиру...

— Что такое?

Надя, съ трудомъ оторвавшись отъ земли, подняла блѣдное, заплаканное лицо на говорившаго.

Передъ нею стоялъ дядька Спиридоновъ. Лицо его было необычайно сосредоточено и серьезно. Глаза тщательно избѣгаютъ глазъ Нади.

Что еще за напасть на нее свалилась? Къ Каховскому? Къ шефу? Теперь, сейчасъ?

— Требуютъ меня? Зачѣмъ? Вы не знаете?—обращается она съ вопросомъ къ своему пѣстуну-дядькѣ.

Но тотъ только головой качаетъ. Гдѣ ему знать.

— Коли велитъ начальство, значитъ знаетъ, зачѣмъ велитъ. Сказано—позвать и къ ротмистру доставить—ну, стало быть, такъ и требуется!—говоритъ бравый вахмистръ, а у самого въ голосѣ звучитъ не то сожалѣніе, не то досада. И глаза не то умышленно, не то ненарокомъ глядятъ не прямо, а въ сторону, избѣгая пронзительныхъ, острыхъ глазъ юнаго уланчика.

Тяжелымъ предчувствіемъ сжалось сердце Нади. Она быстро вскочила на ноги, вытерла слезы и твер-

дымъ шагомъ, вслѣдъ за дядькой, направилась въ лагерь, прямо къ квартирѣ эскадроннаго командира.

— Что, мой мальчикъ? Не можешь еще примириться со своей потерей?—дружески встрѣтилъ ее тотъ, сочувственно похлопавъ по плечу мнимаго улана.—Вѣрю, вѣрю! тяжело тебѣ! Но что дѣлать! Отъ судьбы не уйдешь,—добавилъ онъ поспѣшно, видя, что глаза Нади вмигъ наполнились новыми слезами.

— О, господинъ ротмистръ!—вскричала она съ отчаяніемъ въ голосѣ.—О! какъ это ужасно!

— Ужасно! не спорю!— произнесъ Галлеръ, — но надо смириться и подчиниться стойко, по-солдатски, всему, что бы ни уготовила судьба. На то ты и солдатъ. Не правда-ли, Дуровъ?

«Солдатъ!—съ сокрушеніемъ подумала Надя.—О, сколько ей еще надо стойкости, упорства и мужества, чтобы стать настоящимъ солдатомъ, не по имени только!»

— Ты не догадываешься, почему нашъ шефъ требуетъ тебя къ себѣ въ Полоцкъ?—спросилъ Галлеръ, когда Надя, незамѣтно проглотивъ слезы, видимо успокоилась.

— Я хотѣлъ именно васъ спросить объ этомъ, господинъ ротмистръ,—произнесла она и глаза ея съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ впились въ глаза Галлера.

— Право, не знаю, голубчикъ!—произнесъ тотъ въ то время, какъ взоръ его, съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ недоумѣнія и любопытства, остановился на Надѣ.—А только вотъ что, мой мальчикъ!—добавилъ онъ нѣсколько смущенно черезъ минуту.—Генералъ приказалъ отобрать у тебя твою саблю.

— Это арестъ? Но я не заслужилъ его, господинъ ротмистръ!—вскричала испуганная на-смерть дѣвушка.

— Успокойся, мальчуганъ! Я думаю, что это да-

леко не похоже на арестъ, такъ какъ арестовать тебя не за что. А впрочемъ, сейчасъ ты все узнаешь. Посланный отъ шефа ждетъ тебя въ канцеляріи. Сними твою саблю и отдай ее мнѣ. Я сохраню тебѣ ее въ цѣлости пока, до лучшаго случая.

Дрожащими руками отстегнула Надя оружіе и вручила его ротмистру. Потомъ, взволнованная, трепещущая вышла она отъ Галлера, отыскала посланнаго за нею ординарца и черезъ полчаса предстала передъ начальническія очи генерала Каховскаго въ его полоцкой штабъ-квартирѣ.

Шефъ былъ не одинъ. Въ его гостиной находился высокій, еще далеко не старый человѣкъ въ штабсъ-капитанской формѣ, при аксельбантахъ черезъ плечо.

Войдя къ командиру, Надя вытянулась въ струнку и замерла у дверей въ ожиданіи перваго слова шефа.

— Вы Дуровъ? — спросилъ Каховскій почему-то, хотя отлично зналъ фамилію стоявшаго передъ нимъ въ струнку улана и не только зналъ, но и неоднократно хвалилъ Надю за храбрость.

— Такъ точно! — отрапортовала дѣвушка, отчеканивая каждое слово по-солдатски.

Тогда Каховскій посмотрѣлъ на нее долгимъ, пристальнымъ взглядомъ и, не отводя уже больше этого проницательнаго взгляда отъ лица юнаго уланчика, спросилъ вѣско, растягивая каждое слово:

— Скажите, Дуровъ, согласны-ли были ваши родители отдать васъ въ военную службу?

«Что это? допросъ? Тайна открыта? Но какъ? Какимъ образомъ?» — вихремъ пронеслось въ мозгу Нади. Она похолодѣла.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство! Я тайкомъ, помимо ихъ воли ушелъ изъ дому... — дрожащими звуками срывалось съ ея губъ, въ то время какъ испуганный взоръ впился въ лицо шефа.

— Не находите ли вы это страннымъ, Дуровъ?— продолжалъ тѣмъ же тономъ Каховскій.—Въ наше время, когда все русское дворянство жаждетъ видѣть своихъ сыновей на военной службѣ—ваши родители идутъ противъ нея... Удивительно, право...

И проницательный взоръ Каховскаго такъ и впился въ расширенные отъ страха глаза Нади.

«Такъ и есть! Тайна открыта! Я пропала!—больно-больно сжалось бѣдное сердечко Нади.—Они узнали... и Галлеръ, и Каховскій...»—вихремъ проносилось въ ея мысляхъ и яркій румянецъ мгновенно залилъ ея, за минуту до того смертельно-блѣдное, лицо.

Каховскій замѣтилъ ея испугъ и смущеніе. Взоръ его сталъ ласковѣе. Онъ улыбнулся.

— Вы храбрый солдатъ, Дуровъ!—произнесли его губы.—Вы отличились и подъ Гутштадтомъ и у Фридланда. Я имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ. Теперь самъ главнокомандующій, прослышавъ о вашей храбрости, изволилъ прислать за вами своего адъютанта Александра Ивановича Нейгардта.

Тутъ Каховскій слегка поклонился въ сторону штабсъ-капитана съ аксельбантами черезъ плечо.

«Вотъ оно, начинается!»—и новый трепетъ пробѣжалъ по всему тѣлу Нади.

— Не волнуйтесь, мой другъ,—замѣтя ея смущеніе, произнесъ Каховскій.—Повторяю, главнокомандующій уже достаточно знаетъ о вашей храбрости... Вотъ, г. адъютантъ слышалъ его отличное мнѣніе о васъ съ этой стороны, какъ о храбромъ и отважномъ солдатѣ. Завтра капитанъ Нейгардтъ отвезетъ васъ къ графу въ Витебскъ. А теперь можете ѣхать въ лагерь собраться въ дорогу.

— Да, кстати,—добавилъ генералъ, когда Надя, щелкнувъ шпорами и сдѣлавъ налѣво кругомъ, по-военному, шагнула къ двери,—я не хочу обнадеживать васъ понапрасну, но вы уже не вернетесь обратно въ полкъ.

«Главнокомандующій... храбрый солдатъ... лестный отзывъ... отобранная шпага...»—какъ въ туманѣ произносила Надя, не понимая, что происходитъ съ нею и еле держась на ногахъ отъ охватившаго ее волненія.

И вдругъ всѣ эти неожиданности и случайности разомъ стушевались и отошли куда-то далеко отъ нея, уступая мѣсто новой тревогѣ, новому волненію.

«Вы не вернетесь въ полкъ, я не хочу обнадеживать васъ напрасно»,—слышится ей какъ сквозь сонъ знакомый голосъ Каховскаго.

Господи, за что? Что сдѣлала она дурного, что ее лишаютъ и сабли и милой полковой семьи, которую она успѣла полюбить какъ родную?.. И въ то-же время: «храбрый солдатъ... мнѣніе главнокомандующаго...» Какъ связать все это и хороша же ея храбрость, если ее гонятъ изъ полка и лишаютъ шпаги!

Почти не сознавая дѣйствительности, въ томъ же тяжеломъ кошмарѣ прискакала Надя въ лагерь.

А тамъ ее ждалъ уже новый сюрпризъ, новая неожиданность. Едва успѣла она доскакать до своего шатра, какъ была встрѣчена цѣлой толпой своихъ однополчанъ, уже освѣдомленныхъ объ ея судьбѣ вахмистромъ Спиридоновымъ.

— Прощайте, любезный нашъ товарищъ,—произнесъ вахмистръ, выступя впереди толпы, и Надя услышала самыя искреннія нотки участія въ его суровомъ голосѣ.— Дай вамъ Богъ счастія и всего лучшаго впереди! Слыхали мы, что главнокомандующій васъ требуетъ въ Витебскъ. Генералъ спрашивалъ у насъ, солдатъ, о вашей храбрости и всѣ мы дали о васъ отличный отзывъ по заслугамъ. И то сказать, храбрый вы солдатъ и славный товарищъ! И жаль, сердечно жаль намъ съ вами разстаться!—и бравый Спиридоновъ приблизился къ Надѣ и крѣпко обнялъ мнимаго улана.

Добрый вахмистръ и не подозрѣвалъ, какъ эти горячія задушевныя рѣчи разрывали сердце бѣдняжкѣ-рядовому!

Но самое тяжелое было впереди: прощаніе съ Вышмирскимъ. Этой минуты — минуты прощанья съ Юзефомъ, Надя боялась всего больше и, когда она наступила, она не выдержала и разрыдалась навзрыдъ.

Блѣдный, взволнованный, потрясенный до глубины души, стоялъ передъ нею Юзекъ.

— Что-же это? Матка Боска! Іезусъ-Марія! — лепеталъ онъ въ то время, какъ по блѣдному лицу его струились слезы. — Что-же это?.. всегда двое... всегда вмѣстѣ, и вдругъ... Ахъ, Саша! Саша! Ну, что я безъ тебя? Ну, каково мнѣ будетъ, Саша?! Зачѣмъ судьба послала мнѣ такого друга, чтобы такъ безжалостно отнять его снова!..

И онъ заплакалъ безпомощно, въ-голосъ, по-дѣтски, забывъ и свой офицерскій чинъ, и свои эполеты, все въ мірѣ, кромѣ разлуки со своимъ другомъ Сашей.

— Послушай, — произнесъ онъ позднѣе, успокоившись немного, — я не знаю, что ждетъ тебя впереди, но ты долженъ помнить и знать во всякое время, что въ старомъ замкѣ Канутовъ и въ этихъ коннопольскихъ рядахъ у тебя есть вѣрный, надежный другъ, Юзефъ Вышмирскій.

— Спасибо, Юзекъ! Спасибо, милый! — произнесла растроганная до глубины души Надя. — Что-бы ни было со мною, я не забуду ни тебя, ни Зоси...

Въ тотъ-же вечеръ Надя сбѣгала на могилу Алкида и, припавъ головою на холмикъ, произнесла, обливаясь горючими слезами:

— Спи съ миромъ, вѣрный другъ и боевой товарищъ! Вѣрную службу сослужилъ ты мнѣ и никогда память о тебѣ не перестанетъ жить въ моемъ сердцѣ!

А на слѣдующее утро, когда мелкая дробь бара-

бана будила сонный лагерь, Надя вмѣстѣ съ Нейгардтомъ выѣзжала изъ Полоцка въ его коляскѣ...

Проснувшаяся алая красавица-заря заливала бѣлые лагерные шатры потоками розоваго свѣта, похожаго на свѣтлое будущее молодой, радостной жизни...

Но не алая заря была въ сердцѣ смугленькой Нади. Въ бѣдномъ маленькомъ сердцѣ не было ни надежды, ни счастья въ это свѣтлое, радостное утро...

Темная, непроглядная мгла окутывала бѣдное сердечко юнаго уланчика въ то время, какъ въ смѣлой головкѣ рождались самыя невеселыя, тяжелыя думы...

. . . . . .

Быстрая скачка на перекладныхъ нѣсколько разсѣяла опечаленную и измученную Надю. Къ тому же Александръ Ивановичъ Нейгардтъ оказался милѣйшимъ человѣкомъ и всю дорогу до Витебска старался успокоить свою спутницу и разогнать ея мрачное настроеніе.

Наконецъ, послѣ усиленной тряски по ухабамъ и рытвинамъ тогдашнихъ, далеко не благоустроенныхъ, дорогъ, они пріѣхали въ Витебскъ.

Сначала Нейгардтъ привелъ Надю къ себѣ на квартиру, гдѣ она могла привести себя въ порядокъ послѣ продолжительной дороги и отдохнуть немного.

Ровно въ 10 часовъ утра прискакалъ графскій ординарецъ съ приказомъ немедленно явиться въ штабъ къ главнокомандующему, графу Буксгевдену.

Подъѣзжая къ квартирѣ Буксгевдена, Надя ощущала чувство страха, дѣтскаго, безпомощнаго страха, чуть-ли не впервые за всю свою жизнь.

И все-же, несмотря на это, она нашла въ себѣ достаточно силы побороть это постыдное, по ея мнѣнію, чувство и смѣло вошла вслѣдъ за Нейгардтомъ въ кабинетъ главнокомандующаго.

Тамъ ихъ встрѣтили двое. Одного изъ нихъ Надя уже видѣла въ свитѣ цесаревича во время кавалерій-

скаго смотра на Прусской границѣ. Это былъ самъ командующій войсками, графъ Бугсгевденъ. Другой былъ высокій блестящій офицеръ въ флигель-адъютантской формѣ.

— А ваше оружіе, юноша?—встрѣтилъ ее Бугсгевденъ.—Солдатъ ни на минуту не долженъ быть безъ оружія, помните это!

— Но, ваше высокопревосходительство, мое оружіе отобрали отъ меня!—произнесла Надя и твердо встрѣтила острый, пытливый взглядъ главнокомандующаго.

— Приказать вернуть!—чуть обернувшись въ сторону вошедшаго вслѣдъ за Надей и Нейгардтомъ ординарца, приказалъ графъ.

Послѣдній исчезъ въ одно мгновеніе ока и снова появился, держа на-готовѣ саблю въ рукахъ.

Яркая краска радости залила щеки дѣвушки. Не отдавая себѣ отчета, она быстро поднесла саблю къ губамъ и запечатлѣла горячій поцѣлуй на ея блестящей стали.

А графъ, ласково взглянувъ на юнаго уланчика, заговорилъ снова:

— Я много слышалъ о вашей храбрости. Всѣ ваши начальники дали самый лестный отзывъ о васъ. Слухъ о ней дошелъ до государя... Не пугайтесь, но... я долженъ отослать васъ къ императору въ Петербургъ...

Сабля выпала изъ рукъ Нади... Глаза ея расширились, лицо покрылось смертельной блѣдностью... Еще немного и, казалось, вотъ-вотъ она рухнетъ сейчасъ къ ногамъ графа.

— Что съ вами? Вамъ дурно, молодой человѣкъ?—послышался за нею мягкій, пріятный голосъ, и блестящій офицеръ въ флигель-адъютантскомъ мундирѣ поддержалъ за плечи пошатнувшуюся-было дѣвушку.

— О... Господи! Господи!—лепетала она, вся трепещущая и испуганная на-смерть.—Я погибъ... Госу-

дарь непремѣнно отошлетъ меня домой и тогда все пропало!..

Этотъ взволнованный голосъ, эти вырвавшіяся прямо изъ нѣдръ души бѣдной дѣвочки слова выражали столько неподдѣльнаго отчаянія, мольбы, тоски и страха, что самъ Бугсгевденъ казался замѣтно растроганнымъ этимъ порывомъ.

— Не бойтесь ничего, дитя мое!—произнесъ онъ ласково. — Государю, повторяю, уже извѣстна ваша храбрость. Мнѣ было повелѣно высочайшимъ приказомъ навести о васъ справки. И всѣ свѣдѣнія, собранныя о васъ, могутъ только послужить въ вашу пользу. Вы бы не хотѣли разстаться съ вашимъ мундиромъ, юноша, не такъ-ли?

— О, скорѣе съ жизнью разстался бы я, графъ!— пылко вырвалось изъ груди Нади.

— Пріятно слышать это отъ солдата, а отъ этакаго юнаго солдата, почти ребенка, еще болѣе пріятно!— ласково усмѣхнулся въ сторону Нади Бугсгевденъ и, обернувшись къ блестящему флигель-офицеру, добавилъ:

— Не правда-ли, вамъ не приходилось встрѣчать ничего подобнаго, полковникъ?

Полковникъ Засъ, оказавшійся личнымъ адъютантомъ государя, только молча наклонилъ въ знакъ согласія свою красивую, тщательно расчесанную голову. Вслѣдъ затѣмъ главнокомандующій ласково кивнулъ головою мнимому улану, давъ этимъ понять, что онъ свободенъ и можетъ идти.

Надя, какъ помѣшанная, вышла изъ кабинета графа.

Теперь уже не собственное невыясненное положеніе, не неожиданный переворотъ въ ея судьбѣ и странные намеки графа, говорившіе за то, что тайна ея обнаружена, глубоко взволновали дѣвушку. Не страхъ за будущее, не боязнь быть водворенной подъ родительскій кровъ наполняли душу дѣвушки. Нѣчто иное,

властное, широкое, могучее, роковое заставляло сильнѣе забиться ея сердце и забыть обо всемъ остальномъ. Это было уже знакомое ея душѣ чувство, однажды испытанное ею на берегахъ Нѣмана подъ Тильзитскимъ небомъ, въ день свиданія двухъ императоровъ. Но теперь оно проснулось съ новой неудержимой силой.

«Въ столицу! Въ Петербургъ! На глаза государя!»— выстукивало ея сердце, и какой-то розовый туманъ, не то греза, не то сонъ, охватили и заполонили все ея существо.

Въ томъ же чарующемъ снѣ садилась она на слѣдующее утро въ дорожную кибитку подлѣ блестящаго флигель-адъютанта, увозившаго ее по Высочайшему повелѣнію въ далекую невѣдомую столицу, къ близкому, но неизвѣстному будущему... Зачѣмъ и для чего—она не знала.

ГЛАВА XII.

Царская милость.

Въ томъ же розовомъ туманѣ подъѣзжала Надя послѣ безостановочной безумной скачки на перекладныхъ къ Петербургской заставѣ и сквозь этотъ туманъ видѣла широкія мощеныя улицы столицы, высокіе каменные и деревянные дома и смущенное лицо чиновника, спросившаго-было у нихъ подорожную и потомъ отпрянувшаго назадъ при видѣ блестящаго флигель-адъютантскаго мундира Заса. Сонъ продолжался и въ то время, когда она, трепещущими отъ волненія руками, застегивала на себѣ колетъ и натягивала ботфорты въ квартирѣ Заса, куда онъ привезъ ее приготовить къ высочайшей аудіенціи. Сонъ продолжался и во весь путь отъ флигель-адъютантской квартиры до императорскаго дворца. И только въ громадномъ дворцовомъ вестибюлѣ, гдѣ стояли гиганты-гренадеры и неслышно двигалась толпа свиты и цвѣтъ гвардейской молодежи, Надя какъ-будто немного пришла въ себя... Блестящіе, увѣшанные орденами генералы и сановники подходили къ нимъ, съ явнымъ любопытствомъ и недоумѣніемъ поглядывая на скромный солдатскій мундиръ молоденькаго улана. Они спрашивали что-то у Заса, чего Надя не могла ни понять, ни разслышать, на что Засъ отвѣчалъ тихо, чуть слышно. Потомъ дежурный флигель-адъютантъ приблизился къ нимъ, безшумно ступая по мягкому ковру и попросивъ ихъ слѣдовать за собою повелъ обоихъ, и

Заса и Надю, по широкой лѣстницѣ, по которой тутъ и тамъ стояли на вытяжку чины царской охраны. Потомъ Надя, все еще смутно сознавая дѣйствительность, перешагнула порогъ большой свѣтлой комнаты и разомъ увидѣла на противоположной сторонѣ ея массивную дверь краснаго дерева, оберегаемую двумя черными арапами въ неподвижныхъ, застывшихъ позахъ, съ окаменѣлыми и черными, какъ уголь, лицами.

И въ тотъ же мигъ она была окружена веселой толпой мальчиковъ-пажей въ залитыхъ золотымъ шитьемъ парадныхъ кафтанахъ. Ихъ свѣжія, упитанныя розовыя лица рѣзко не согласовались своимъ веселымъ задоромъ съ благоговѣйною тишиной дворцовыхъ палатъ.

— Были у Аракчеева?—спрашивалъ одинъ изъ нихъ, высокій и статный юноша съ голубыми глазами, оглядывая искрящимся юморомъ взглядомъ Надю.

И, узнавъ, что та еще не была у этого вліятельнѣйшаго тогда генерала, любимца государя, предсѣдателя «военныхъ дѣлъ», сдѣлалъ уморительную гримасу, сморщилъ свой смѣшной, неправильный носъ и, вдавивъ голову въ плечи, вдругъ заговорилъ рѣзкимъ, чужимъ, гнусавымъ голосомъ, обрубая каждое слово:

— Не дѣло-съ, не дѣло-съ, государь мой... не порядокъ... не дисциплина... На двадцать четыре часа на гауптвахту... нехорошо... да-съ, не по-солдатски, государь мой! Не знакомы-съ съ порядкомъ, вовсе не зна-ко-мы-съ!

Остальные пажи такъ и залились неслышнымъ, задавленнымъ смѣхомъ. Очевидно, ихъ товарищу удалось мастерски изобразить манеру и голосъ царскаго любимца, и правой руки государя—графа Аракчеева.

— А правда, что вы спасли Панина подъ Гутштадтомъ?—подскочилъ къ Надѣ другой юный пажикъ, такой же упитанный и веселый, какъ и его пріятели.

— Такъ это вы отличились подъ Гутштадтомъ?—вторилъ ему третій.

— А почему не произведены въ офицеры?—сыпался на опѣшившую среди этого веселаго юнаго общества Надю вопросъ за вопросомъ, на которые она едва успѣвала отвѣчать.

— Говорятъ, Бенигсенъ проспалъ Фридландское сраженіе?—послышался новый голосъ за ея спиною и, обернувшись, она увидѣла красавца-мальчика съ холоднымъ, дерзкимъ взглядомъ изсиня-сѣрыхъ глазъ.

Остальные пажи было зашикали на сѣроглазаго пріятеля, значительно поглядывая на Заса, стоявшаго невдалекѣ и занятаго разговоромъ съ дежурнымъ флигель-адъютантомъ. Но сѣроглазый мальчикъ слегка прищурился, гордо пожалъ плечами и усмѣхнулся иронической улыбкой, какъ бы желая этимъ сказать: «Чего вы трусите? не понимаю! развѣ нельзя называть вещи ихъ именами! Вѣдь я-же не боюсь!»

И дѣйствительно, красивому мальчику нечего было бояться. Онъ доводился ближайшимъ родственникомъ знаменитому Сперанскому, всесильному въ то время министру императора Александра.

— А правда, что...—началъ-было снова сѣроглазый мальчикъ и разомъ замолкъ.

Дверь краснаго дерева, ведущая въ кабинетъ государя, отворилась и изъ нея вышелъ сѣдой генералъ въ Владимірской лентѣ.

— Это князь Петръ Михайловичъ Волконскій, начальникъ штаба,—успѣлъ шепнуть Надѣ кто-то изъ пажей.

Князь скорыми шагами приблизился къ Засу, перебросился съ нимъ нѣсколькими фразами, послѣ чего Засъ знакомъ подозвалъ къ себѣ Надю.

— Вы Дуровъ?—спросилъ ее Волконскій, хотя Надя не сомнѣвалась въ томъ, что князь зналъ, кто былъ этотъ юный, взволнованный уланчикъ.—Ступайте къ государю! Его Величество ожидаетъ васъ.

Золотые пажи, черные арапы, блестящій Засъ и сѣдой, представительный Волконскій, все это разомъ завертѣлось и закружилось въ глазахъ Нади.

«Его Величество ожидаетъ васъ!»—пѣло, звенѣло, стучало и рокотало на тысячу ладовъ въ ея мысляхъ, душѣ и сердцѣ.

Она разомъ поблѣднѣла, потомъ покраснѣла и, пошатываясь, двинулась къ двумъ чернымъ истуканамъ, оберегающимъ массивную, краснаго дерева, дверь.

Мысли ея путались, голова кружилась, ноги подкашивались, почти отказываясь служить.

— Не волнуйтесь! Государь добръ, какъ ангелъ!— раздался надъ нею голосъ Волконскаго, и въ ту же минуту красная дверь безшумно растворилась передъ нею и трепещущая Надя переступила заповѣдный порогъ царскаго кабинета.

Мигомъ и страхъ, и волненіе, и трепетъ ея куда-то исчезли, и Надя разомъ ощутила то-же безумно-восторженное чувство, которое испытывала уже однажды въ Тильзитѣ. Глаза ея какъ-то разомъ увидѣли государя. Онъ стоялъ у письменнаго стола въ сюртукѣ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка и точно какъ бы ждалъ ея появленія. Лишь только скромная фигура юнаго солдатика-улана вступила въ комнату, государь пошелъ къ ней быстрыми шагами, приблизился къ Надѣ, взялъ ее за руку и подвелъ къ столу. Тутъ послѣдній слѣдъ робости и волненія безслѣдно исчезъ изъ груди дѣвушки. Ея рука все еще покоилась въ державной рукѣ царя и отъ царской руки словно исходила какая-то могучая сила, дающая новый приливъ бодрости и счастья смугленькой дѣвочкѣ.

Съ минуту государь молчалъ, какъ бы давая оправиться мнимому улану. Потомъ взоръ его прекрасныхъ кроткихъ глазъ ласково остановился на вспыхнувшемъ

яркимъ румянцемъ смугломъ лицѣ Нади и онъ спросилъ негромко:

— Я слышалъ, что вы не мужчина. Правда-ли это?

Въ одну секунду румянецъ сбѣжалъ съ ея лица... Его замѣнила смертельная блѣдность... Губы ея дрогнули... Лицо помертвѣло...

То, чего она такъ безумно боялась во все время своей службы, за что она трепетала тамъ въ Полоцкѣ и въ Витебскѣ предъ лицомъ Бугсгевдена и Каховскаго—свершилось. Ея тайна открыта...

Трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ ея членамъ и она, сдѣлавъ необычайное усиліе надъ собою, чуть слышно отвѣчала, потупивъ глаза:

— Такъ точно, ваше императорское величество, я дѣвушка—это правда.

Въ первую минуту, казалось, государь былъ пораженъ необычайнымъ признаніемъ. Потомъ, помолчавъ немного, онъ произнесъ глубокимъ сочувственнымъ голосомъ:

— Это еще первый примѣръ въ Россіи... Ничего подобнаго не было у насъ... Ваша храбрость далеко не заурядное явленіе... Къ тому же всѣ ваши начальники отозвались о васъ съ великими похвалами... Мнѣ очень пріятно убѣдиться въ этомъ... Я желаю щедро наградить васъ и вернуть въ домъ отца...

— Въ домъ отца!—вырвалось со стономъ изъ груди Нади и, прежде чѣмъ государь могъ произнести хоть одно слово, трепещущая, блѣдная, какъ смерть, дѣвушка упала на колѣни къ его ногамъ.—Въ домъ отца!—рыдала она въ изступленіи,—не отсылайте меня туда, о! молю васъ объ этомъ, ваше величество!.. Я умру тамъ, государь... Не отнимайте у меня жизни, которую я хотѣла добровольно пожертвовать вамъ съ честью на полѣ битвы!

И она съ плачемъ обнимала колѣни царя и слезы лились у нея изъ глазъ неудержимымъ потокомъ.

Государь былъ глубоко растроганъ этимъ порывомъ искренняго отчаянія. Державная рука его, все еще удерживающая руку Нади, замѣтно дрогнула. Онъ ласково обнялъ ее за плечи и поднялъ съ полу.

— Чего же вы хотите, дитя мое?—спросилъ онъ ее.

— Быть воиномъ!—пылко вырвалось изъ груди дѣвушки-улана.—Носить оружіе! Это единственное мое желаніе, государь!.. Я родилась въ походѣ. Трубный звукъ былъ моей колыбельной пѣснью... Съ юныхъ лѣтъ я лелѣяла мечту быть солдатомъ. 16-ти лѣтъ я исполнила мой замыселъ... Всѣ нашли меня достойной солдатскаго мундира... О, не лишайте меня его, государь!.. Умоляю васъ, ваше величество, не заставляйте меня жалѣть о томъ, что на мою долю не нашлось ни одной непріятельской пули, которая бы повергла меня за мою родину и моего царя...

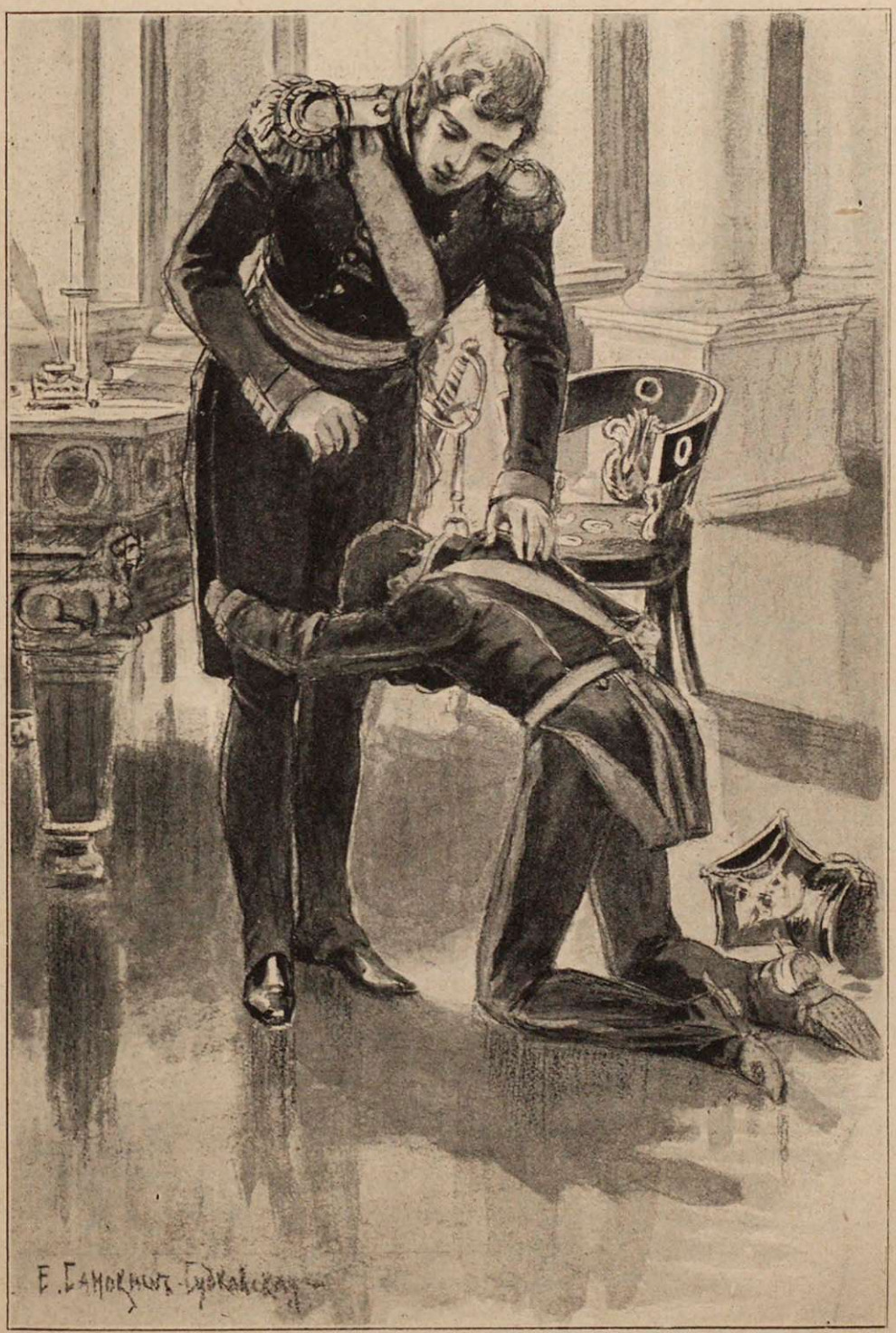
Государь, казалось, въ глубокомъ волненіи выслушалъ эту горячую рѣчь, полную искренняго порыва. Легкое колебаніе отразилось съ минуту на его лицѣ. Потомъ онъ произнесъ замѣтно дрогнувшимъ голосомъ:

— Если вы думаете, что носить мундиръ и оружіе будетъ для васъ достаточной наградой за ваши подвиги, то я охотно исполню ваше желаніе, отважное дитя.

Новый трепетъ, уже не испуга и отчаянія, а безумнаго, неизъяснимаго восторга при этихъ словахъ наполнилъ сильно бьющееся сердце Нади.

— Отнынѣ вы получаете мое имя,—продолжалъ государь,—вы будете называться въ честь меня Александровымъ. Надѣюсь, это имя будетъ съ честью носиться вами. Не правда-ли, дитя?

И, прежде чѣмъ охваченная восторгомъ Надя мо-



— Чего же вы хотите отъ меня?—спросилъ государь...

гла что-либо отвѣтить, государь продолжалъ своимъ мягкимъ пріятнымъ голосомъ:

— И произвожу васъ офицеромъ маріупольскаго гусарскаго полка... Довольны-ли вы вашей участью, корнетъ Александровъ?

— О!—могла лишь произнести, захлебываясь отъ счастья, Надя.—О, ваше величество! вы слишкомъ милостивы ко мнѣ!

— Я слышалъ, что вы спасли жизнь Панину,—произнесъ черезъ минуту Александръ, и чудные глаза его мягко затеплились сочувствіемъ и лаской,—а за спасеніе жизни офицера дается георгіевскій крестъ.

И, взявъ со стола маленькій, бѣлый, хорошо знакомый Надѣ крестикъ на полосатой лентѣ, государь прикололъ его къ груди дѣвушки.

Безумный, почти неземной восторгъ охватилъ все существо Нади. Съ трудомъ сдерживая клокотавшія въ груди ея рыданія, она схватила обѣ руки государя и поднесла ихъ къ губамъ. Но Александръ не допустилъ ее до этого. Державныя руки мягко освободились изъ рукъ новаго георгіевскаго кавалера и онъ обнялъ сердечно и крѣпко еле живую отъ сознанія своего счастья Надю.

Потомъ онъ слегка поклонился ей, въ знакъ того, что аудіенція кончена.

Надя сдѣлала оборотъ по-военному, щелкнувъ шпорами, и въ какомъ-то сладкомъ полуснѣ двинулась къ двери.

Отъ волненія-ли, или отъ слезъ, застилавшихъ ей глаза, но дѣвушка долго не могла повернуть хитро устроенную задвижку двери. Она вертѣла ручку, ничего не видя и не понимая, до тѣхъ поръ, пока за ея спиной не зазвенѣли шпоры. Это государь, самъ государь спѣшилъ на помощь вновь произведенному корнету. И еще разъ на мгновеніе мелькнуло передъ На-

дей дорогое, обожаемое лицо и свѣтлые глаза, обращенные на нее съ выраженіемъ сочувствія и ласки.

«Боже! дай мнѣ умереть за него! Дай мнѣ только умереть за него!»—успѣла подумать дѣвушка.

Задвижка поддалась подъ державной рукой, дверь распахнулась и Надя снова очутилась въ пріемной, гдѣ ее ждали Засъ, Волконскій и юные пажи въ золотыхъ мундирахъ.

Но и юные пажи, и Засъ, и Волконскій, и ихъ поздравленія при видѣ бѣленькаго крестика, приколотаго къ ея груди, и самыя стѣны царскихъ палатъ—все это, какъ несуществующее, отодвинулось и отошло куда-то далеко, далеко отъ смугленькой Нади.

Вся окутанная какой-то розовой дымкой, мѣшавшей ей слышать и видѣть, что происходило вокругъ, вышла Надя изъ дворцовой пріемной объ руку съ Засомъ. На каждомъ шагу и у каждой двери ее встрѣчали сановники и офицеры ласковыми улыбками, сочувственными взорами, участіемъ и похвалой.

Она только улыбалась въ отвѣтъ, ошеломленная, почти испуганная и потерянная въ этомъ морѣ своего огромнаго счастья.

— Не забудьте представиться Аракчееву!—разомъ вывелъ ее изъ забытья голосъ Заса, садившагося въ экипажъ у подъѣзда дворца.

— Представиться?—словно просыпаясь отъ своей счастливой грезы, спросила Надя, такъ что Засъ не могъ не расхохотаться при видѣ ея счастливаго, ошеломленнаго лица.

— Да вы совсѣмъ въ небеса залетѣли, юный корнетъ!—шутливо обратился онъ къ Надѣ.

«Корнетъ?—изумленно пронеслось въ ея мысляхъ.—Кто это»?

Ахъ, да вѣдь это она! Она—смугленькая Надя, еще за часъ до этого—уланскій товарищъ, солдатъ! Госу-

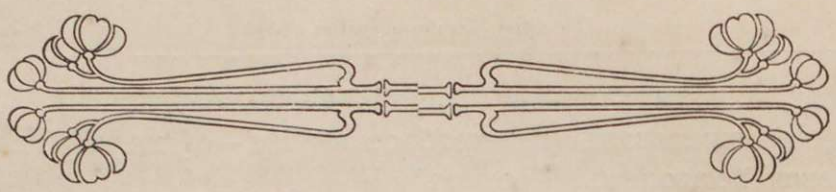
дарь произвелъ ее въ офицеры! Самъ государь! И Георгія пожаловалъ за храбрость! Она—офицеръ! Георгіевскій кавалеръ! Корнетъ!

Ея мечта исполнилась—чудесная, завѣтная мечта!

Но, главное, она отнынѣ носитъ «его» имя, имя царя, монарха, государя, пожалованное ей въ награду. Мечтала-ли она когда-нибудь объ этомъ! Это лучше всего, лучше чина, лучше бѣлаго крестика, лучше всего міра!..

И Надя обвела вокругъ себя торжествующимъ взоромъ. Ей казалось, что весь міръ ликуетъ заодно съ нею.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.



ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

Старые знакомые.

ПРОШЛО пять лѣтъ. Послѣ знаменитаго Тильзитскаго свиданія, когда два императора братски обнялись на Нѣманскомъ плоту въ виду двухъ великихъ армій, снова надвинулась черная туча надъ Россіей.

Ровно черезъ пять лѣтъ забушевала новая военная гроза и французскія войска опять откликнулись на боевой призывъ своего императора. Тильзитское, а за нимъ и Эрфуртское братское свиданіе съ Александромъ — все было забыто тщеславнымъ Наполеономъ, жаждавшимъ все новыхъ и новыхъ побѣдъ.

Въ 1812 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, великая армія Наполеона приблизилась къ Нѣману и стала по ту сторону пограничной рѣки.

А по эту сторону ея русскія войска почти и не готовились къ встрѣчѣ съ незваным гостемъ или готовились вяло, не энергично, надѣясь на медленность непріятеля, а еще болѣе на свою силу, увѣренныя въ полной побѣдѣ русскаго оружія.

Въ Вильнѣ находился въ это время уже бо-

лѣе мѣсяца императоръ Александръ, прибывшій сюда для смотра войскъ и маневровъ, производимыхъ запоздалыми войсками. Въ честь державнаго гостя устраивались балы, вечера. Празднество смѣнялось празднествомъ, торжество слѣдовало за торжествомъ. Дѣятельное участіе въ этихъ празднествахъ принимала жившая въ Вильнѣ и ея окрестностяхъ польская и польско-литовская знать.

Стоялъ чудесный іюньскій вечеръ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, когда природа, точно застывшая въ чудесной живой картинѣ, благоухаетъ цвѣтами, дышитъ свѣжестью и ослѣпляетъ взоры богатствомъ и прелестью красокъ.

Въ роскошномъ имѣніи графа Бенигсена, Закретѣ, расположенномъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Вильны, среди сосновыхъ лѣсовъ, собралось громадное блестящее общество. Это флигель- и генералъ-адъютанты давали балъ императору Александру. Роль хозяйки этого великолѣпнаго бала выпала на долю графини Бенигсенъ, предложившей для этой цѣли свой загородный домъ въ Закретѣ.

Этотъ домъ казался теперь настоящимъ сказочнымъ замкомъ. Милліарды огней сверкали и переливались въ его безчисленныхъ окнахъ. Въ накуренныхъ благовонными травами залахъ все сверкало и переливалось въ искрометныхъ лучахъ—и золото, и серебро, и бронза. Усиленные оркестры музыки помѣщались на хорахъ. Гирлянды цвѣтовъ обвивали потолокъ и стѣны комнатъ, превращая ихъ въ сплошной цвѣтникъ.

Ровно къ 10 часамъ вечера стали съѣзжаться приглашенные, весь цвѣтъ мѣстной аристократіи, съ женами и дочерьми.

Разодѣтыя молоденькія «пани» птичками выпархивали изъ экипажей и въ сопровожденіи своихъ мужей, отцовъ и братьевъ входили въ большой залъ, убранный съ небывалой роскошью.

Всѣ лучшія красавицы Вильны и его окрестностей находились здѣсь.

И панна Тизенгаузенъ, впослѣдствіи графиня Шуазель-Гуфье, очаровательная дѣвушка, оставившая потомству записки о войнѣ 12-го года, и красавица Радзивиллъ, сестра знаменитаго князя Радзивилла, собравшаго при вступленіи Наполеона цѣлый полкъ изъ польской аристократической молодежи, и графиня Коссаковская, и красавицы золовки ея, обѣ сестры Потоцкія и много-много другихъ. Словомъ, цѣлый великолѣпный букетъ, составленный изъ первыхъ виленскихъ красавицъ.

Императоръ прибылъ къ 11 часамъ и вошелъ въ бальный залъ въ сопровожденіи свиты блестящихъ флигель-адъютантовъ и цѣлаго сонма первыхъ польскихъ магнатовъ.

Оркестръ грянулъ польскій. Александръ, взявъ за руку хозяйку дома и почтительно склонившись въ ея сторону, съ истинно царскимъ достоинствомъ, смѣшаннымъ съ неподражаемой простотою, повелъ свою даму, приковывая къ себѣ общее вниманіе толпы.

— Ахъ, баронъ, какая прелесть вашъ императоръ! — неожиданно сорвалось съ устъ черноглазой молоденькой дамы, сидѣвшей неподалеку отъ двери и не принимавшей участія въ танцѣ.

— О, да! — произнесъ ея кавалеръ, высокій, длинноногій генералъ въ уланскомъ колетѣ Литовскаго полка и тотчасъ-же любезно улыбаясь своей собесѣдницѣ, добавилъ, съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ въ произношеніи:

— Императоръ — это сама красота и притомъ онъ добръ, какъ ангелъ.

— Ахъ, правда!—искреннимъ, почти дѣтскимъ звукомъ сорвалось съ устъ молоденькой пани и глаза ея восторженно приковались къ лицу императора.

Она вся была скорѣе похожа на милаго, оживлен-

наго и безпечнаго ребенка, нежели на взрослую женщину, такъ юно, свѣжо и наивно было ея бѣлое личико, такимъ неподдѣльнымъ чувствомъ сіяли черные глазки.

Длинный баронъ, послѣ минутнаго молчанія, обратился къ ней снова:

— Но почему вы, пани, не желаете принять участія въ общемъ весельѣ? Или вы не любите танцовать?

— О, нѣтъ, напротивъ, — поспѣшила она отвѣтить. — Но я такъ еще недавно въ Вильнѣ и знаю очень немногихъ среди здѣшняго общества... И потомъ, здѣсь все такія важныя дамы, а я вѣдь только жена ротмистра, — добавила она.

— О, за этимъ дѣло не станетъ! — любезно произнесъ ея кавалеръ и, предупредительно вскочивъ со стула, бросился въ ту сторону залы, гдѣ стоялъ цвѣтъ гвардейской польской и русской молодежи.

Красавица пани осталась одна.

На ея лицѣ мелькнула тревога.

«Ахъ, зачѣмъ убѣжалъ этотъ длинный баронъ?» — думала она съ тоскою. — Это почти единственный, кого она знаетъ здѣсь на балѣ! И куда запропастился ея милый Казя, которому пришло въ голову тащить на этотъ балъ ее — скромную маленькую провинціалочку!

И она тревожно оглядывалась во всѣ стороны, отыскивая среди блестящихъ мундировъ синій колетъ мужа.

«Вотъ онъ, наконецъ-то!»

И разомъ тревога покинула прелестное личико, а глаза засвѣтились радостнымъ блескомъ навстрѣчу высокому, уже не очень молодому, но красивому ротмистру.

— Ты одна, крошка? — изумленно произнесъ онъ, приблизившись и улыбаясь женѣ. — А я думалъ, что баронъ Штакельбергъ займетъ тебя и развлечетъ немного, пока я поговорю съ кѣмъ мнѣ слѣдовало.

— Ахъ, милый Казиміръ, — чистосердечно вырвалось изъ устъ молодой женщины, — мнѣ такъ скучно здѣсь на балѣ! Я никого не знаю и никто не знаетъ меня... И этотъ этикетъ и это степенное веселье! О! какъ все это не похоже на наши домашніе вечера! Право, гораздо лучше было бы мнѣ остаться въ замкѣ...

— Ну, не ребенокъ-ли ты, Зося? — произнесъ съ нѣжнымъ укоромъ ротмистръ. — Твоему мужу необходимо было попасть на этотъ балъ, поговорить съ начальствомъ, отблагодарить его какъ слѣдуетъ за полученное назначеніе... Имѣть эскадронъ въ славномъ Литовскомъ полку — вѣдь это большая честь, Зося... И вообще, носить мундиръ этого полка не то, что служить въ гродненскихъ уланахъ, моя малютка!... Увы! ты врядъ-ли поймешь это, дитя!

— О нѣтъ! Я понимаю! Я все понимаю, Казиміръ! Но отъ этого мнѣ не лучше, право... Я такъ боюсь за тебя... — съ невольной грустью произнесла молодая женщина и глаза ея затуманились слезами. — Литовскій полкъ стоитъ первымъ по сосѣдству съ непріятелемъ и я боюсь, ахъ, я боюсь за тебя, мой другъ!

— Не будь ребенкомъ, Зося! — произнесъ съ укоромъ ротмистръ. — Успокойся, дитя! Богъ милостивъ, со мной не случится ничего дурного... Взгляни однако, вонъ идетъ сюда баронъ Штакельбергъ съ молодымъ генераломъ! Онъ ведетъ къ тебѣ танцора, крошка! О-о! и какого еще танцора. Ты удостоилась большой чести, дитя!

Взглянувъ на приближающагося свитскаго генерала, еще очень молодого и красиваго, юная пани такъ и вспыхнула румянцемъ удовольствія и удовлетвореннаго тщеславія.

Дѣйствительно, Зося Линдорская — такъ какъ это была она, маленькая паненка изъ стараго замка Канутовъ — удостоилась большой чести: ей предстояло танцовать съ Ермоловымъ, однимъ изъ корпусныхъ коман-

дировъ, входившимъ тогда въ большую славу, любимцемъ императора Александра.

Среди перекрестнаго шопота зависти, зазвучавшаго теперь вокругъ Зоси, молодая женщина подала руку Ермолову и, подъ плавные, удивительно-мелодичные звуки экосеза, вступила съ нимъ въ ряды танцующихъ паръ.

Полная нѣги мелодія, казалось, наполняла собою всѣ уголки залы. Она поднималась волною и уносилась чарующими звуками черезъ открытыя окна ярко освѣщенной Бенигсеновской виллы куда-то вдаль, словно поддразнивая безмолвіе и тишину благоуханной іюньской ночи...

Все плавно кружилось, двигалось и скользило подъ эти чарующіе звуки: и ордена, и ленты, и золотомъ шитые мундиры придворныхъ, и легкія, какъ облако, наряды красавицъ...

Подъ эти звуки хотѣлось подняться надъ толпою и нестись куда-нибудь высоко, быстрѣе птицы, скорѣе вѣтра, и слушать ихъ, эти звуки, безъ конца слушать...

Высокій красивый человѣкъ въ генеральской формѣ, стоявшій впереди нарядной толпы, отступившей отъ него на почтительное разстояніе, невольно глубоко задумался подъ эту чудную мелодію, подъ эти чудесные звуки... Высокій человѣкъ думалъ: «они танцуютъ... они веселятся—эти взрослыя большія дѣти... И пусть танцуютъ... и пусть веселятся... Черезъ нѣсколько дней многіе изъ нихъ будутъ находиться подъ градомъ картечи... иные звуки наполнятъ ихъ слухъ... А эти нарядныя женщины въ роскошныхъ туалетахъ, онѣ улыбаются, щебечутъ... Но эти бальныя платья, подумать только, замѣнятся траурными плерезами, и все это—по одной безумной прихоти ненасытнаго корсиканца, мечтающаго побѣдить въ своихъ дерзкихъ мысляхъ Европу...»

Высокій человѣкъ думалъ, а балъ вокругъ него кипѣлъ и билъ ключомъ веселья... Свита почтительнымъ полукругомъ стояла за нимъ, глядя ему въ глаза, стараясь предупредить малѣйшее его желаніе.

Вдругъ что-то необычайное произошло въ залѣ... Какое-то движеніе... словно шелестъ вѣтра пробѣжалъ по этой веселой, смѣющейся, нарядной толпѣ.

— Посланный съ передовыхъ позицій!..—пронеслось по залѣ и взоры всѣхъ присутствующихъ обратились къ двери.

Въ лицѣ высокаго человѣка, окруженнаго свитой, дрогнуло что-то... Музыка разомъ смолкла... Танцы остановились... Толпа подалась назадъ, раздвинулась, очищая дорогу...

Прямо къ государю шло двое. Въ одной, небольшой, но плотно сколоченной фигурѣ всѣ сразу узнали генералъ-адъютанта Балашова. Рядомъ съ этимъ, извѣстнымъ всему Вильну, свитскимъ генераломъ, пользовавшимся любовью и довѣріемъ императора Александра, подвигался, съ усталымъ, измученнымъ лицомъ, въ покрытомъ пылью литовскомъ мундирѣ, совсѣмъ еще молодой офицерикъ.

Вотъ онъ быстро приблизился, вотъ вытянулся въ струнку передъ государемъ... Вотъ съ устъ его срываются слова рапорта... Рука, подавшая донесеніе отъ начальства, дрожитъ.

— Французы подошли къ Нѣману, ваше императорское величество... Наши аванпосты замѣтили ихъ на зарѣ около мѣстечка.... Они готовятся къ переправѣ,—рапортуетъ не громко, но ясно и четко юный офицерикъ и глаза его, впившіеся въ глаза государя, такъ и сыпятъ искры, такъ и горятъ...

Что-то знакомое чудится Александру въ этомъ юномъ лицѣ, въ дѣтски-чистомъ, открытомъ взорѣ, въ

добродушной складкѣ крупнаго рта, во всемъ полу-дѣтскомъ лицѣ, смугломъ и усталомъ.

— Наши развѣдчики, — продолжаетъ рапортовать офицерикъ, — открыли аванпосты непріятельскаго передового разъѣзда...

Молодой, чуть глуховатый голосъ офицерика такъ и звенитъ... вотъ-вотъ надломится... оборвется... а самъ онъ стоитъ, не шелохнется, вытянувшись въ струнку, съ окаменѣлымъ, какъ у статуи, лицомъ, и только глаза, одни глаза горятъ неизъяснимымъ чувствомъ восторга и обожанія...

Императоръ выслушиваетъ рапортъ молча, спокойно, но въ лицѣ его, въ морщинахъ лба замѣтно волненіе... Прежде чѣмъ отдать приказанія окружавшей его свитѣ, Александръ, движимый непреодолимымъ желаніемъ осчастливить смуглаго офицерика, положилъ ему руку на плечо и спросилъ кратко:

— Ваше имя, поручикъ?

— Александровъ, ваше величество!

Александровъ?! Такъ вотъ кто это! Его наречененецъ-герой!

И все лицо императора затеплилось лаской...

Въ одинъ мигъ мелькнулъ передъ нимъ его дворцовый кабинетъ... массивная дверь... и юный солдатикъ-улан[illegible], рыдающій у ногъ его, монарха... Но видѣніе при[illegible]шло и такъ-же быстро умчалось куда-то... Привезенная важная новость поглотила цѣликомъ все [illegible]имание императора...

Вокругъ государя уже толпились, въ ожиданіи приказаній, всѣ его первые слуги, всѣ его главнѣйшіе полководцы: и Барклай-де-Толли, съ длиннымъ, нѣмецкаго типа лицомъ, и Багратіонъ, съ добродушіемъ и отвагой въ восточныхъ глазахъ, и молодой Ермоловъ, только-что покинувшій свою даму, и цѣлый сонмъ молодыхъ и старыхъ генераловъ, ожидавшихъ царскаго слова.

И слово было произнесено. Въ двадцать четыре часа по этому слову русскія войска очистили Вильно, сожгли мосты и отступили внутрь Россіи... По этому же слову довѣренный Александра помчался къ стану непріятеля съ письмомъ отъ императора къ его могучему противнику—императору Наполеону.

Молоденькій офицерикъ, привезшій докладъ государю, видѣлъ, какою тѣнью подернулось обожаемое лицо монарха, какая мучительная борьба отразилась во всѣхъ его благородныхъ чертахъ. Молоденькій офицерикъ зналъ лучше всякаго другого, что Александръ жалѣетъ каждую пролитую каплю крови своихъ солдатъ и что нарушеніе мира Наполеономъ тяжелымъ камнемъ пало ему на душу.

Но молоденькому офицерику некогда было предаваться тяжелымъ мыслямъ. Въ одинъ мигъ его оттѣснили отъ свиты, и цѣлая толпа нарядныхъ дамъ и блестящихъ мундировъ окружила его непроницаемой стѣной.

— Вы сами видѣли непріятеля?—слышалось сквозь перекрестную трескотню вопросовъ.

— Много ихъ? Готовятся къ переправѣ?

— Ахъ, Боже мой! какъ вы устали!.. Принесите-же ему прохладительнаго!

— Лимонаду! мороженаго! Чего хотите?

И сотня прелестныхъ ручекъ протянулась къ смущенному офицеру со всевозможнымъ питьемъ.

Юноша окончательно растерялся при видѣ такого любезнаго пріема. Глаза первыхъ русскихъ и польскихъ красавицъ, ласково устремленные на него, сіяли ему одному ободреніемъ и привѣтомъ. Вся нарядная, блестящая толпа гвардейской молодежи, такъ рѣзко подчеркивающая своей пышностью его скромный мундиръ и офицерскія эполеты, съ нетерпѣніемъ ждала его разсказа. Смущенно оглянулъ онъ окружавшее его общество и вдругъ его темный взоръ встрѣтился съ дру-

гимъ взоромъ, такимъ же растерянным и смущеннымъ, но близкимъ, милымъ и почти роднымъ. Мгновенно глаза его остановились на черныхъ глазкахъ юной красавицы съ дѣтски-наивнымъ, прелестнымъ личикомъ.

— Зося! Панна Вышмирская!—вырвалось счастливымъ звукомъ изъ груди молоденькаго улана.—Зося Вышмирская! Какими судьбами?

— Панъ Дуровъ!.. Над...—отвѣтилъ взволнованный голосокъ и разомъ осѣкся; черные глазки потупились.

— Вотъ гдѣ и когда встрѣтились!—лепетала красавица задыхаясь, вся взволнованная и счастливая неожиданной встрѣчей.

Затѣмъ, смущенно окинувъ всю окружающую толпу, добавила быстро, чуть слышно:

— Пойдемте отсюда, пойдемте!.. Мнѣ такъ много надо разсказать вамъ...

И разомъ отбросивъ смущеніе, она гордо подняла свою головку и, бросивъ въ толпу: «Это — лучшій другъ моего дѣтства»,—вывела изъ нарядной толпы юнаго офицера.

— Ну, что вы? Какъ ты? Господи, вѣдь пять лѣтъ не видались! Цѣлыхъ пять лѣтъ, Надя, милая! сестричка моя ненаглядная!—лепетала Зося, очутившись со своимъ спутникомъ въ одномъ изъ уголковъ зимняго сада, гдѣ не было ни души и гдѣ она могла поболтать на свободѣ съ такъ неожиданно встрѣтившимся ей на пути другомъ.

— Да, да!—отвѣчала такъ-же радостно и возбужденно Надя (такъ-какъ литовскій уланъ, привезшій вѣсти государю, была Надя Дурова, теперь корнетъ Александровъ).—Да, да, цѣлыхъ пять лѣтъ! А вы такъ мало измѣнились за это время, Зося!

— Да и вы... и ты то-есть...—путалась та.—А я замужемъ!—добавила она и глаза ея мягко засвѣти-

лись.—Я замужемъ за Линдорскимъ... Помнишь, тогда, въ саду Канутовъ, я говорила тебѣ?.. Помнишь?.. Я еще такая глупая была въ ту пору,—застѣнчиво краснѣя, добавила молодая женщина,—а потомъ панъ Линдорскій снова сдѣлалъ мнѣ предложеніе... Дядя Канутъ совѣтовалъ принять его и я вышла замужъ... Иначе, впрочемъ, и не могло быть,—прибавила она съ задумчивой нѣжностью,—и я ни чуточки не раскаиваюсь въ этомъ. Я такъ люблю Казиміра!.. А вы? а ты, Надя?.. Я слышала, ты была отозвана къ государю въ столицу... Юзефъ говорилъ... Мы совсѣмъ потеряли тебя изъ вида... Потомъ узнали, что ты служила въ маріупольскихъ гусарахъ подъ именемъ Александрова... Правда?

— Правда! — отвѣчала Надя. — Но недостатокъ средствъ заставилъ меня выйти оттуда и поступить въ литовскій полкъ, гдѣ живутъ болѣе скромно...

— Ахъ, и мой мужъ недавно получилъ назначеніе въ этотъ же полкъ,—весело подхватила Зося,—и вы будете однополчане... Вотъ-то хорошо будетъ!..

И вмигъ передъ Надей очутилась прежняя шалунья-паненка, кружившаяся съ нею въ костюмѣ эльфы пять лѣтъ тому назадъ въ старомъ замкѣ Канутовъ, и вмигъ все далекое прошлое приблизилось разомъ къ дѣвушкѣ-улану.

— А гдѣ-же Юзекъ?—спохватилась она, и передъ ея мысленнымъ взоромъ предсталъ образъ розоваго юноши, съ которымъ она дѣлила солдатскую лямку прежнихъ годовъ.

— О, Юзефъ не то, что ты! Онъ вышелъ въ отставку, нашъ Юзефъ,—оживленно разсказывала Зося.—Женился на Ядѣ, помнишь, насмѣшницѣ-Ядѣ, старшей дочкѣ дяди Канута?... Теперь онъ зажилъ настоящимъ помѣщикомъ въ старомъ замкѣ. Вѣдь Юзя никогда не чувствовалъ особеннаго влеченія къ военной службѣ...

Какъ только умеръ дядя Канутъ, онъ замѣнилъ его въ домѣ, и лучшаго хозяина и помѣщика трудно сыскать въ окрестностяхъ Гродно. Это не то, что ты или мой мужъ... Да вотъ и онъ, кстати!—съ гордостью добавила Зося и вдругъ по лицу ея пробѣжала счастливая улыбка.

— Казиміръ! Казя!—крикнула она оживленно навстрѣчу приближающемуся къ нимъ Линдорскому.—Узнаешь стараго знакомаго?

— Еще бы!—весело откликнулся тотъ и горячо пожалъ протянутую ему Надей руку.—Да и къ тому-же вы нимало не измѣнились за это время, панъ поручикъ! Тотъ же молодой мальчикъ, какимъ были въ дни вербунка—помните?—когда я впервые встрѣтилъ васъ въ корчмѣ въ вашемъ синемъ казачьемъ чекменѣ. И потомъ мы такъ часто говорили о васъ съ женой... Она васъ никогда не забудетъ... Вы спасли ея брата подъ Фридландомъ и этого довольно, чтобы помнить васъ во всю жизнь...

— О, милая Зося!—хотѣлось воскликнуть растроганной Надѣ и она съ трудомъ удержалась, чтобы не поцѣловать улыбающееся ей задушевной улыбкой личико...

Балу у Бенигсеновъ не суждено было продолжаться въ эту ночь. Государь, сопровождаемый свитой, уѣхалъ; за нимъ разъѣхалась и высшая знать. Остался кое-кто изъ польскаго дворянства, но и тѣмъ какъ-то не танцовалось. Съ отъѣздомъ высочайшаго гостя балъ потерялъ всю свою прелесть.

Залъ уже опустѣлъ наполовину, когда шефъ литовцевъ, генералъ Штакельбергъ, подозвалъ къ себѣ Надю и, давъ ей инструкціи, приказалъ немедленно скакать къ русскимъ аванпостамъ.

— Скоро увидимся,—пожимая ея руку, произнесъ Линдорскій, прощаясь съ мнимымъ уланомъ.—Завтра я

долженъ ѣхать принимать эскадронъ отъ прежняго начальника.

— Прощайте, Саша!—произнесла ласково Зося и глаза ея съ нѣжнымъ участіемъ обратились къ лицу дѣвушки-улана.—Дай Богъ, чтобы эта война сошла вамъ такъ-же благополучно, какъ и Прусская кампанія. А я буду, такъ-же, какъ и тогда, молиться за васъ... за васъ и за Казиміра... Можетъ быть, моя молитва будетъ угодна Богу...—произнесла она съ невольной грустью, и глаза ея наполнились слезами.

И эти грустные глаза, и не менѣе ихъ грустный голосъ всю обратную дорогу преслѣдовали Надю. Ей чудилось въ нихъ какое-то страшное предчувствіе, какая-то горечь печали... Что-то смутное надвигалось впереди, что-то роковое и неизбѣжное, какъ судьба...

Дѣвушка уже не ощущала въ себѣ той горячности и жажды «дѣла», какія испытывала въ первый Прусскій походъ... И молодой задоръ, и юношеская пылкость отступили куда-то... Кровавые ужасы войны не казались такими плѣнительными, какъ прежде... Въ ея душѣ рѣзкими, яркими, точно огненными буквами стояли три слова—единственное, что посылало ее въ бой—и эти три слова были: честь, родина, императоръ...

ГЛАВА II.

У костра.—Едва не открывшаяся тайна.—На развѣдкахъ.

ТЕПЛАЯ, лунная, свѣтлая ночь окутала природу, а заодно съ нею и небольшую деревушку, около которой остановились литовцы эскадрона Подъямпольскаго.

На опушкѣ сосѣдняго съ нею лѣса, у догорающаго костра сидѣло четверо офицеровъ. Они тихо разговаривали между собою вполголоса, по привычкѣ, несмотря на то, что непріятельскіе аванпосты были далеко.

Одинъ изъ офицеровъ, высокій, черноглазый, съ очень смуглымъ не русскимъ лицомъ и маленькими усиками надъ чуть выпяченными губами, лежалъ на спинѣ и, закинувъ руки за спину, смотрѣлъ, не отрываясь, на серебряный мѣсяцъ, выплывшій изъ-за облаковъ. Онъ улыбался чему-то безпечной дѣтской улыбкой, какой умѣютъ улыбаться одни только южане.

— О чемъ задумался, Торнези?—окликнулъ его маленькій, кругленькій офицерикъ, сидѣвшій на корточкахъ у самаго костра и ворошившій уголья концомъ своей сабли,—пари держу, что унесся снова въ свою благословенную Макаронію?! Скверная, братецъ ты мой, страна! Ужь отъ одного того скверная, что позволила себя подчинить корсиканской пантерѣ... Правду ли я говорю, Сашутка?—обратился маленькій офицерикъ въ сторону набросанныхъ въ кучу шинелей, изъ-подъ ко-

торой высовывались ноги въ запачканныхъ ботфортахъ съ исполинскими шпорами.

Груда шинелей зашевелилась и изъ-подъ нея выглянуло смуглое лицо поручика Александрова или, вѣрнѣе, Нади Дуровой, въ ея уланскомъ одѣяніи.

— Я не могу судить объ Италіи, не зная ея,—отвѣтила она недовольнымъ, усталымъ голосомъ.—И, вообще, зачѣмъ ты разбудилъ меня, Шварцъ? Сегодня мнѣ не грѣшно было бы выспаться какъ слѣдуетъ. Вѣдь моя очередь идти въ секретъ *).

— О, Италія чудесная страна!—продолжалъ между тѣмъ черноглазый офицеръ, все еще не отрывая взора отъ неба.—И я вѣрю—придетъ часъ и она жестоко отомститъ зазнавшемуся врагу. Наша армія не велика, но она дышитъ воодушевленіемъ и любовью къ родинѣ. Маленькія дѣти въ самомъ раннемъ возрастѣ и тѣ готовы сопровождать своихъ отцовъ для освобожденія родины. Если перебьютъ мужчинъ—женщины встанутъ подъ знамена націи и возьмутъ оружіе въ руки, и лавры Наполеона будутъ посрамлены!—заключилъ онъ убѣжденнымъ тономъ.

— Не увлекайся, Торнези!—послышался сильный голосъ и рослая фигура офицера словно вынырнула изъ мрака и приблизилась къ костру.—Что можете сдѣлать вы, когда мы—русскіе, сильные побѣдами русскіе—отступаемъ передъ «нимъ»!..

— Ахъ, не то! это не то!—неожиданно прервала вновь пришедшаго Надя.—Это вовсе не отступленіе, не бѣгство. Вѣрь мнѣ, Чернявскій! Вчера и слышалъ разговоръ Линдорскаго съ Подъямпольскимъ. Подъямпольскій говоритъ, что планъ Барклая уже выполненъ наполовину: заманить какъ можно дальше вглубь страны непріятеля, чтобы потомъ сдавить его

*) На развѣдки—узнать тайкомъ о расположеніи и силѣ непріятеля.

какъ бы желѣзными тисками. Вотъ онъ въ чемъ заключается пока. И потомъ, самъ государь желаетъ какъ можно дольше избѣгнуть кровопролитія, сохранить въ цѣлости войско. Потому-то мы отступили.

— Жаль!—произнесъ, поднимаясь съ земли, черноглазый итальянецъ.—Очень жаль! Я горю желаніемъ какъ можно скорѣе затупить мою шашку о проклятыя кости этихъ французовъ... И мой братъ тоже... Не правда-ли, Джіованини? Ты одного мнѣнія со мной?

Тотъ, къ кому были обращены эти слова, поднялъ съ земли (онъ лежалъ у самаго огня) лохматую голову и заговорилъ съ замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ, искажая слова:

— О! чѣмъ больше искрошить этихъ синихъ дьяволовъ, тѣмъ больше надежды получить отпущеніе грѣховъ. Когда они поймали нашего отца и повѣсили его, какъ дезертира, за то только, что онъ не хотѣлъ указать имъ расположеніе нашихъ силъ, и когда я увидѣлъ нашу рыдающую мать у его трупа,—я поклялся отомстить, отомстить жестоко, во что бы то ни стало, отомстить всѣмъ, то носитъ французскій мундиръ... И вотъ, часъ этотъ близокъ! Когда заговорили о войнѣ съ Россіей, мы съ братомъ пришли подъ ваши русскія знамена и не только изъ чувства мести за гибель нашего несчастнаго отца, а за побѣжденную нашу страну, за милую родину, которая, рано или поздно, а должна воспрянуть... Пришли побѣждать или умереть въ вашихъ рядахъ... Но, вѣрю, вы побѣдите... вы побѣдите, я чувствую это всѣми фибрами моего существа!..

Уголья въ кострѣ вспыхнули въ это мгновеніе въ послѣдній разъ и ярко освѣтили поблѣднѣвшее отъ возбужденія молодое лицо Торнези. Это лицо дышало такой неподдѣльной восторженностью, такой рѣшимостью и мощью, что смуглый, некрасивый Торнези казался почти красавцемъ въ эту минуту своего вели-

колѣпнаго порыва. Надя быстро высвободилась изъ-подъ шинелей, вскочила на ноги и, подойдя къ нему, произнесла дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Побольше бы такого воодушевленія въ нашемъ войскѣ и, клянусь, побѣда была-бы уже за нами! Ты, Торнези, говоришь, какъ истинный сынъ своей родины или какъ русскій! Позволь мнѣ пожать твою руку!

— Русскіе, итальянцы, или испанцы, — горячо перебивая ее вскричалъ маленькій Шварцъ, — тутъ нація не имѣетъ по-моему никакого значенія. У каждаго истиннаго сына своей родины должна закипать кровь при словѣ «война». И не только у мужчинъ: эта любовь къ родинѣ должна быть и у дѣтей, и у женщинъ! Что Торнези съ его воодушевленіемъ патріотизма! Торнези — мужчина, воинъ, пусть иностранецъ, но дѣло русской побѣды слишкомъ близко ему и такое воодушевленіе не удивительно у него. А вотъ Чернявскій разсказывалъ вчера, что у насъ, въ нашей арміи, служитъ женщина! Вотъ это, я понимаю!

— Что? — вырвалось у обоихъ братьевъ разомъ, въ то время какъ Надя замѣтно дрогнула и поблѣднѣла при послѣднихъ словахъ маленькаго Шварца.

— Женщина служитъ въ войскѣ, — невозмутимо продолжалъ тотъ, — она продѣлала всю Прусскую кампанію подъ видомъ солдата. Но я врядъ-ли сумѣю разсказать вамъ объ этомъ какъ слѣдуетъ. Пусть разскажетъ Чернявскій!

Тотъ, кого звали Чернявскимъ, выдвинулся изъ темноты и приблизился къ группѣ. Высокій, бѣлокурый, не первой молодости офицеръ, онъ казался чѣмъ-то озабоченнымъ и серьезнымъ.

— Нѣтъ ничего удивительнаго въ этомъ, — произнесъ онъ съ едва уловимой грустью въ голосѣ, — если не хватаетъ силъ у мужчинъ покончить съ зазнавшимся непрошеннымъ гостемъ, женщины идутъ къ намъ на

подмогу и становятся въ наши ряды. Стыдъ и позоръ нашему оружію... Можно думать, что Барклай умышленно играетъ въ руку Наполеона... Вѣчное отступленіе безъ передышки!.. Ей-Богу, похоже на бѣгство!

– Не злись, Чернявскій! – засмѣялся Шварцъ. – Злость не способствуетъ пищеваренію, а ты и такъ худъ, какъ палка! Лучше разскажи намъ про эту амазонку; мы всѣ сгораемъ отъ любопытства узнать про нее. Не правда-ли, Александровъ? – неожиданно обратился онъ къ Надѣ.

Послѣдняя молча кивнула головою. Она боялась произнести хотя слово, боялась, что голосъ ея дрогнетъ и измѣнитъ ей. Она отошла немного отъ костра, чтобы тлѣющіе уголья, все еще озарявшіе своимъ красивымъ отблескомъ лица сидящихъ, не дали возможности замѣтить собесѣдникамъ ея взволнованнаго, глубоко потрясеннаго лица. Ей казалось теперь, что весь этотъ разговоръ затѣянъ Шварцемъ съ цѣлью выдать ее – Надю – передъ лицомъ товарищей.

«Но какимъ образомъ могъ онъ проникнуть въ ея тайну, какъ могъ узнать то, о чемъ не подозрѣвала до сихъ поръ ни одна душа въ полку?» – томительно выстукивало на-смерть перепуганное сердечко дѣвушки.

И она тревожно прислушивалась къ тому, что говорилъ Чернявскій, нимало не подозрѣвавшій, какую бурю производили его слова въ душѣ одного изъ присутствовавшихъ офицеровъ.

– Да, господа, это удивительная дѣвушка! – своимъ грустнымъ голосомъ говорилъ онъ. – Она, несмотря на юный возрастъ, раздѣляла всѣ трудности прусскаго похода заодно съ полкомъ, въ качествѣ простого солдата; была два раза въ бою, а за Гутштадтъ имѣетъ солдатскаго Георгія въ петлицѣ. И теперь, говорятъ, она снова въ войскѣ, и никто не знаетъ ни ея самой,

ни даже той части, гдѣ она находится. Это ли не геройство?

— Хороша она?—спросилъ Торнези первый своимъ иностраннымъ говоромъ типичнаго итальянца.

— Не думаю!—расхохотался Шварцъ, — навѣрное какой-нибудь уродъ, потерявшій надежду на замужество и вслѣдствіе этого облекшійся въ солдатскій мундиръ!

Вся кровь вспыхнула пожаромъ въ жилахъ Нади... «Какъ они смѣютъ думать такъ о ней, о ней, получившей Георгія за храбрость, лично извѣстной государю, о ней—Александровѣ, о кавалеристѣ-дѣвицѣ, готовой положить голову за честь и славу родины! Какъ они смѣютъ думать, что она пошла въ армію только изъ боязни одинокой старости, изъ боязни скуки безъ семьи и мужа!? Она!? О!!!»

И, не отдавая себѣ отчета, молодая дѣвушка крикнула въ запальчивости, блеснувъ въ сторону Шварца разгорѣвшимися, негодующими глазами:

— Ложь! Неправда! Сущая ложь! Клянусь честью, это не уродъ и не потерявшая надежду на замужество старая дѣва, а человѣкъ, всей душой привязанный къ походной военной жизни! Человѣкъ, для котораго родина, служеніе ей—цѣль и смыслъ всего существованія, всей жизни!

— Браво, Сашутка! Браво! Вонъ оно, гдѣ сибирскую кровь прорвало!—вскричалъ окончательно развеселившійся Шварцъ.—Настоящій ты рыцарь, защитникъ угнетенныхъ, Саша! Только чтожъ это ты не сказалъ намъ раньше о твоемъ знакомствѣ съ амазонкой, какъ бишь ея имя?

— Имени ея я не знаю,—разомъ опомнившись и приходя въ себя, смущенно произнесла взволнованная Надя.—Я случайно только встрѣтился съ нею въ Пруссіи... разговорились и...

— И она, плѣнившись тобою, открыла тебѣ свою

тайну?—вмѣшался черноглазый Яковъ, младшій изъ братьевъ Торнези.—Не скромничай, Сашутка, и выкладывай все какъ было...

— Можетъ быть и такъ,—уклончиво отвѣчала Надя, проклиная въ душѣ и свою излишнюю заносчивость и неосторожность, чуть-было не погубившія ея тайну.

Но отъ маленькаго Шварца было не такъ-то легко отдѣлаться. Исторія съ загадочной амазонкой и невольное участіе въ этой исторіи ихъ «Сашутки» затронуло любопытство офицера. Въ его мозгу блеснуло нѣчто, похожее на догадку. Не отрывая пристальнаго взгляда отъ лица Нади, Шварцъ произнесъ веселымъ голосомъ, съ чуть замѣтно прозвучавшими въ немъ нотками подозрительности и ироніи:

— Слушайте-ка, что мнѣ сейчасъ пришло въ голову, мои друзья! Ужь не ты ли самъ, другъ Саша, и есть та амазонка-дѣвица, о которой говоритъ вся армія? Что вы скажете на это, господа?—обратился онъ къ остальнымъ тремъ офицерамъ.

Дружный хохотъ его друзей былъ ему отвѣтомъ. Хорошо, что серебряный мѣсяцъ скрылся за облако въ эту минуту и наступившая внезапно темнота скрыла мертвенную блѣдность, покрывшую смуглыя черты Нади. Сердце ея забилось такъ, что, казалось, вотъ-вотъ оно вырвется изъ груди.

— Что за глупыя шутки приходятъ тебѣ въ голову,—собравъ все свое спокойствіе и насколько возможно небрежнѣе бросила она Шварцу.—Ужели ты ничего не могъ выдумать поумнѣе?

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, господа,—не унимался тотъ,—не странное-ли дѣло: у амазонки, говоритъ Чернявскій, есть солдатскій Георгій за храбрость, и у нашего Сашука онъ есть; амазонка совершила прусскую кампанію—и Сашка тоже; наконецъ, Сашкѣ, самъ онъ говоритъ, 22 года, а ни усовъ, ни бороды на лицѣ, и

водку онъ не пьетъ, и талія у него тонкая, какъ у дѣвицы!

- Ну, усовъ у него нѣтъ потому, что онъ лапландецъ, — засмѣялся Чернявскій. — Правда-ли, ты лапландецъ, Сашукъ? — обратился онъ къ Надѣ, — не даромъ откуда-то съ сѣвера родомъ!

— Нѣтъ, что ни говори, а сознайся, Александровъ, — подхватилъ Шварцъ, — что амазонка и ты, это...

Но ему, на счастье Нади, застывшей въ одномъ сплошномъ порывѣ страха и отчаянія, не суждено было договорить своей фразы.

Къ костру приблизилась новая фигура и грубый солдатскій голосъ отрапортовалъ:

— Развѣдчики готовы, ваше высокородіе. Господинъ ротмистръ изволили приказать заѣзжать...

— Идемъ, Торнези, люди ждутъ! — облегченно вздохнувъ всею грудью произнесла Дурова. — Или ты забылъ, что сегодня наша очередь быть въ секретѣ?

— Не забылъ, конечно! — въ одинъ мигъ вскакивая на ноги, веселымъ голосомъ отозвался Иванъ Торнези. — Развѣ это можно забыть! Что ты, Александровъ?! Желалъ-бы я не упустить случая и задать какъ можно больше перцу этимъ негодяямъ!

И оба, и Торнези и Надя, сопровождаемые солдатомъ, отошли отъ костра и ихъ фигуры скоро утонули во мракѣ.

— Желаемъ вамъ полнаго успѣха, друзья! — крикнули имъ вслѣдъ оставшіеся у костра офицеры.

— Особенно вамъ, m-lle Сашенька, — донесся до Нади насмѣшливо-веселый голосъ Шварца.

— Несносный этотъ Шварцъ, — вскричала она сердито, въ то время какъ Торнези расхохотался своимъ искреннимъ безобиднымъ смѣхомъ.

Нѣсколько человѣкъ конныхъ уланъ ждали ихъ у опушки. Надя, какъ старшій офицеръ и начальникъ от-

ряда, приказала имъ спѣшиться и, обвязавъ копыта лошадей травою, вести ихъ на поводу съ перекинутыми на сѣдло стременами.

Цѣль участниковъ секрета была какъ можно ближе подойти къ непріятельскимъ позиціямъ и, прикрываясь темнотою, узнать о расположеніи и силѣ врага. Это было важное и опасное порученіе. Секретъ могъ быть легко обнаруженъ французскими часовыми и тогда, въ лучшемъ случаѣ, отрядъ былъ бы перестрѣлянъ, а въ худшемъ... Но Надя даже боялась подумать объ этомъ худшемъ. Ихъ могли перехватать и перевѣшать всѣхъ до-единаго, какъ шпіоновъ. Не даромъ ротмистръ Подъямпольскій долго уклонялся послать туда молоденькаго Александрова, котораго ему было свыше приказано беречь и всячески охранять отъ случайностей войны. И только горячая, полная воодушевленія рѣчь Нади о томъ, что солдату позорно уклоняться отъ опасности, заставила добраго эскадроннаго согласиться на ея мольбу и командировать ее въ секретъ въ очередь, наравнѣ съ другими офицерами.

Весь маленькій отрядъ лазутчиковъ двигался безшумно по опушкѣ лѣса. Надя, ѣхавшая впереди его, о-бокъ съ Торнези, чувствовала и сознавала всю важность возложеннаго на нее порученія и сердце ея замирало и кровь бурно била въ виски. И Торнези переживалъ то-же сознаніе и напряженіе. Молодой итальянецъ уже заранѣе предвкушалъ то острое наслажденіе, которое постоянно ощущалъ при каждой новой стычкѣ съ врагомъ.

— О чемъ ты думаешь, Торнези?—шопотомъ обратилась Надя къ своему спутнику.

— О жизни...—произнесъ мечтательно итальянецъ,—о человѣческой жизни и о томъ, какъ все въ ней превратно. Сегодня веселье, смѣхъ, пирушка—завтра непріятельская пуля, угодившая въ сердце... Боюсь, что

моя мать не осушитъ глазъ отъ горя, если убьютъ меня или Якова въ эту войну... Она такъ любитъ насъ обоихъ!

И, помолчавъ съ минуту, онъ добавилъ дрогнувшимъ голосомъ:

— А у тебя жива мать, Александровъ?

Жива!—уклончиво отвѣчала Надя и добавила чуть слышно:—должно-быть, жива, я давно уже ея не видѣлъ!

Да, давно, очень давно! Шесть лѣтъ военной жизни пролетѣли одной сплошной чарующей сказкой. Все, о чемъ робко мечтала смуглая дѣвочка въ темнотѣ прикамскихъ ночей, все осуществилось наконецъ. Мечты превратились въ дѣйствительность. И боевая слава, и офицерскія эполеты, и успѣшная служба, и любовь товарищей, и, главное, участіе и ласка государя, которую вотъ уже сколько лѣтъ она не можетъ забыть! Все есть у нея, всего она достигла, а между тѣмъ неугомонное сердце все еще жаждетъ чего-то, все мало ему, все влечетъ его невѣдомо куда за новой славой, за новыми отличіями. Но не за одной славой влечетъ, не за одними отличіями. Нѣтъ. Высшая, неизъяснимая словами, великая любовь, любовь къ дорогой родинѣ и къ обожаемому монарху ведетъ ее по этому пути, такъ не отвѣчающему женской природѣ.

И вотъ уже шесть лѣтъ, какъ она смѣло шагаетъ по этому пути.

«А сколько за эти шесть лѣтъ могло случиться перемѣнъ тамъ, дома,—думается дѣвушкѣ.—Отецъ—дорогой, милый, живъ-ли онъ, здоровъ-ли? А мама? Простила-ли она свою негодную Надю, своего казака-дѣвчонку?..»

— «Папа! папа!—лепечутъ беззвучно губы Дуровой,—повидать бы тебя только на мгновеніе, папа, убѣдиться, что ты живъ и невредимъ и простилъ свою

Надю! Я вѣрю, я твердо вѣрю въ наше свиданіе! Я вѣрю, что увижу тебя когда-нибудь, папа! Вѣдь мое сердце не загрубѣло, и если я не была у тебя за эти шесть лѣтъ, то изъ боязни только, что твои мольбы остаться дома могли бы нарушить весь планъ моей жизни... Но я люблю тебя, ненаглядный, и тебя, и маму, и Васю съ Кленой, всѣхъ васъ люблю и помню, милые мои, дорогіе...»

Слезы затуманили глаза Нади. Вотъ одна выкатилась и потекла по блѣдной щекѣ... вотъ другая... третья...

— Ваше высокородіе! Французы здѣся, недалечко! — послышался у самаго уха погрузившейся въ забытье дѣвушки пониженный до шопота солдатскій голосъ.

Надя вздрогнула, опомнилась, смахнула непрошенныя слезы и также шопотомъ произнесла слова команды.

По этой командѣ ея, уланы свернули съ дороги и вмѣстѣ съ лошадьми укрылись въ небольшомъ кустарникѣ, въ чащѣ лѣса.

— Ждите меня здѣсь, — приказывала тѣмъ-же, чуть внятнымъ шопотомъ дѣвушка и, бросивъ поводъ на руки одного изъ солдатъ, сдѣлала знакъ Торнези слѣдовать за нею, легла на землю и, съ ловкостью кошки, поползла на животѣ, въ высокой травѣ.

«Лучше самимъ сдѣлать это, — мысленно соображала Надя, безшумно подвигаясь впередъ, — и не подвергать людей опасности, а если бы насъ открыли внезапно, мы всегда успѣемъ крикнуть на помощь оставшихся въ кустахъ уланъ».

Но на бѣду мѣсяцъ снова выглянулъ изъ-за тучъ и въ лѣсу стало замѣтно свѣтлѣе.

Ночь, очевидно, не благопріятствовала лазутчикамъ. Быстро и безшумно подвигались ползкомъ въ травѣ оба офицера. Торнези ни на шагъ не отставалъ отъ Нади. Встрѣчные кусты хлестали ихъ по лицу вѣт-

вями; порою камни и сухіе листья царапали руки, но они безстрашно подвигались все впередъ и впередъ. Вотъ уже частый кустарникъ сталъ замѣтно рѣдѣть и, проползши съ минуту, они увидѣли большую поляну, на которой былъ раскинутъ лагерь французовъ.

Совсѣмъ близко отъ нихъ замелькали огни. Послышалась характерная французская рѣчь. Непріятельскіе часовые были теперь въ какихъ-нибудь двадцати шагахъ отъ Нади и ея спутника.

— Вотъ бы кого хорошо достать въ наши руки и разузнать какъ слѣдуетъ о положеніи дѣлъ непріятеля,—произнесъ чуть слышно Торнези за ея спиною, и итальянецъ указалъ рукою на передняго часового, стоявшаго подъ деревомъ съ ружьемъ.

— Онъ ничего не скажетъ; ихъ плѣнные нѣмы, какъ рыбы, въ такихъ случаяхъ,—отвѣчала тѣмъ же шопотомъ Надя.

— О! что касается этого, то ихъ всегда можно заставить говорить,—произнесъ загадочно Торнези и его итальянскіе глаза блеснули при свѣтѣ мѣсяца.

Надя вздрогнула. Легкій холодокъ прошелъ по ея тѣлу. Она разомъ поняла, на что намекалъ итальянецъ, и сердце ея сжалось отъ невольнаго отвращенія.

— Нѣтъ, нѣтъ! никакого насилія и никакихъ кровавыхъ мѣръ! У насъ въ Россіи такъ не поступаютъ, Торнези!—убѣдительно и пылко прошептала она.

— О-о!..—не то простоналъ, не то вздохнулъ Торнези.—А они поступаютъ лучше, когда вѣшаютъ военноплѣнныхъ, какъ дезертировъ? О, мой отецъ! О, мой бѣдный отецъ! Я отомщу за тебя этимъ соба...

Онъ не договорилъ. Легкій шумъ послышался въ ближайшемъ кустарникѣ и Торнези съ быстротою и ловкостью тигра отпрянулъ въ сторону. Надя изумленно оглядѣлась кругомъ и вдругъ вся похолодѣла и замерла отъ неожиданности и испуга.

— А-а-а!..—закричалъ французъ и выхватилъ изъ кобуры револьверъ...

Прямо къ ней, такъже какъ и она, лежа на землѣ, ползъ непріятельскій солдатъ, очевидно французскій лазутчикъ или отбившійся отъ отряда развѣдчикъ. Онъ не видѣлъ еще Нади, укрытой кустарникомъ, и въ свою очередь пополз, осторожно озираясь во всѣ стороны.

Дѣвушкѣ оставалось только припасть къ землѣ и выжидать его приближенія. Сердце ея уже не стучало больше, а только болѣзненно сжималось въ груди въ томительномъ ожиданіи неизбѣжной стычки. Теперь, при яркомъ освѣщеніи мѣсяца, ей было хорошо видно лицо противника. Это былъ юноша не старше 18-ти лѣтъ. И лицо его, носившее на себѣ слѣдъ юношескаго добродушія и наивности, было очень миловидно и какъ-то трогательно простодушно. Сердце Нади сжалось больнѣе при видѣ этого наивно-простодушнаго юношескаго лица и всей фигуры молоденькаго солдата, идущаго на вѣрную смерть.

А онъ, ничего не подозрѣвая, продолжалъ ползти, поминутно поворачивая голову то вправо, то влѣво... Очевидно, въ лагерѣ почуяли близость русскаго отряда и выслали свой секретъ въ лицѣ этого юноши, а, можетъ быть, еще и другихъ, которые не попались еще на пути русскаго секрета. Теперь французъ былъ всего на двухаршинномъ разстояніи отъ дѣвушки. Только небольшая группа можевельника разъединяла ихъ въ эту минуту.

Вдругъ юноша испуганно приподнялся и, вставъ на колѣни, вытянулъ шею и взглянулъ въ сторону куста. И лицо его разомъ покрылось смертельною блѣдностью, судорога испуга пробѣжала по его губамъ, которыя раскрылись безпомощно, какъ у ребенка...

— А-а-а!..—закричалъ пронзительно французъ и, выхвативъ изъ кобуры револьверъ, ринулся съ нимъ на Надю.

Въ ту же минуту за его плечами поднялась вы-

сокая фигура Торнези. Шашка блеснула при свѣтѣ мѣсяца и юноша-французъ упалъ, какъ подкошенный, къ ногамъ обезумѣвшей Нади.

Онъ еще дышалъ... Изъ запекшихся губъ его слышались какіе-то звуки... Дѣвушка быстро наклонилась къ умирающему и до слуха ея явственно долетѣла фраза: «O, Margueritte, ma pauvre Margueritte!» *), произнесенная съ трогательной и мучительной улыбкой запекшимися губами. Потомъ онъ вздохнулъ короткимъ, какъ бы сорвавшимся вздохомъ, и умеръ съ тѣмъ-же недоумѣвающимъ взоромъ и тою же улыбкой на устахъ.

Что-то кольнуло въ сердце Надю...

Вѣдь и у каждаго изъ нихъ могла быть и сестра и невѣста, и каждаго изъ русскихъ могли убить, и эти сестра и невѣста осиротѣли бы съ его смертью...

И этотъ мертвый юноша, эти дѣтскія губы, шепчущія имя Маргариты—сестры или невѣсты—и весь этотъ ужасъ войны съ ея кровопролитіемъ и жертвами—все это впервые мучительнымъ кошмаромъ облегло ея душу.

— О, Торнези! къ чему ты сдѣлалъ это?—произнесла она съ укоромъ, указывая товарищу на распростертое передъ ними тѣло юноши-француза.

— Чтожъ, тебѣ хотѣлось бы лучше быть на его мѣстѣ?—грубо обрѣзалъ ее итальянецъ.—Время-ли теперь сентиментальничать, Александровъ?.. Этотъ горластый мальчишка обратилъ своимъ крикомъ вниманіе часовыхъ. Надо улепетывать, пока не поздно!

И Торнези быстро помчался по направленію къ кустарнику, гдѣ въ ожиданіи ихъ были укрыты лошади и уланы.

Надя послѣдовала его примѣру. Это было какъ разъ во-время, потому что французскіе часовые подняли тре-

*) О, Маргарита, моя бѣдная Маргарита!..

вогу и въ непріятельскомъ лагерѣ замелькали люди, защелкали выстрѣлы. Нѣсколько пуль прожужжало надъ самою головою Дуровой.

Въ нѣсколько минутъ бѣглецы уже были на своихъ позиціяхъ и докладывали Подъямпольскому о результатѣ развѣдки. Развѣдка удалась блестяще; силы и позиція непріятеля были обнаружены.

— Молодцы, ребята! — весело похвалилъ ихъ Подъямпольскій, — большаго мнѣ и не надо... Молодцы! Спасибо!

Но, несмотря на эту похвалу, лицо Нади было блѣдно и уныло. Передъ ея взоромъ неотступно стоялъ образъ молоденькаго французскаго лазутчика и въ ушахъ звучалъ, не умолкая ни на минуту, его предсмертный шопотъ: «O, Margueritte, ma pauvre Margueritte!»

ГЛАВА III.

На шагъ отъ гибели.

«ЕГО Императорское Величество Государь Императоръ Александръ I всея Россіи не удерживаетъ болѣе мужества русскаго воинства и даетъ свободу отомстить непріятелю за скуку противувольнаго отступленія, до сего времени необходимаго».

Таковъ былъ манифестъ, изданнный войскамъ по близости города Смоленска.

Три арміи русскаго воинства: одна подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, вторая подъ предводительствомъ Багратіона и третья Тормазова—все это стянулось въ одну общую массу, соединившись подъ стѣнами Смоленской крѣпости.

Уланы Литовскаго полка заняли позицію подъ самымъ городомъ и развернулись фронтомъ въ ожиданіи приказаній. Наконецъ, это давно ожидаемое приказаніе было привезено ординарцемъ главнокомандующаго и уланы получили разрѣшеніе идти «въ дѣло».

Въ стройномъ порядкѣ, съ музыкой и распущенными флюгерами и знаменами, двинулись они по главнымъ улицамъ города.

Смоленцы выбѣгали изъ домовъ и со слезами на глазахъ привѣтствовали проходившихъ солдатиковъ.

— Помоги вамъ Господь, родимые, пошли Онъ вамъ побѣду и одолѣніе надъ врагомъ!

Сбоку своего взвода, на своемъ сѣромъ Зелантѣ, замѣнившемъ погибшаго Алкида, ѣхала Надя.

Въ головѣ молодой дѣвушки воскресалъ теперь 1807 годъ, когда она впервые шла въ дѣло въ рядахъ бравыхъ коннопольцевъ. Прежде и теперь! Какая разница! Или она была моложе тогда, или... Съ той минуты, какъ погибъ у ея ногъ молоденькій французскій солдатъ, заколотый Торнези, она не можетъ выкинуть его изъ головы, не можетъ забыть ни на минуту его предсмертнаго крика и этого имени Маргариты, произнесеннаго омертвѣвшими уже устами. И мысль объ этомъ несчастномъ французикѣ, погибшемъ ни за что, ни про что въ угоду той-же безпощадной случайности войны, и мысль о войнѣ—все это ложилось тяжелымъ гнетомъ на чуткую, впечатлительную душу дѣвушки.

Новая команда разбудила Надю отъ ея невеселой думы. Уланамъ ея полка приказано было защищать позицію, удерживая собою непріятеля. Эскадронъ Подъямпольскаго, гдѣ находилась Надя, поставили на лѣвой сторонѣ Смоленской дороги, справа-же краснѣли кирпичные сараи, а впереди, по бокамъ и сзади было длинное и широкое поле, все изрытое буграми и кочками.

Впереди уланъ сталъ Бутырскій пѣхотный полкъ, готовый къ штыковой атакѣ.

Чтобы обратить на себя вниманіе непріятеля, Подъямпольскій рѣшилъ выдвинуть фланкеровъ *) и съ этою цѣлью выслалъ 20 лучшихъ наѣздниковъ изъ строя своего эскадрона.

— Кто желаетъ принять начальство надъ ними?— звучалъ мужественный голосъ эскадроннаго, когда молодцы-литовцы на своихъ сѣрыхъ въ яблокахъ коняхъ выѣхали изъ фронта.

И не успѣлъ еще послѣдній звукъ его голоса за-

*) Всадники, начинающіе сраженіе, съѣзжаясь, ристая одинъ на одинъ.

мереть въ воздухѣ, какъ всѣ эскадронные офицеры, и въ ихъ числѣ Надя, выступили впередъ и окружили своего командира.

— О! сколько желающихъ сложить свои буйныя головы!—съ грустной улыбкой произнесъ Подъямпольскій и взоръ его, скользнувъ по поблѣднѣвшему отъ ожиданія и желанія лицу Нади, остановился на смуглыхъ лицахъ братьевъ Торнези, заглядывающихъ ему въ глаза съ явнымъ выраженіемъ мольбы.

— Но вѣдь это не шутка, господа, «завязывать» дѣло въ качествѣ фланкеровъ,—съ тою же грустной полуулыбкой замѣтилъ Подъямпольскій, указывая глазами по направленію французскихъ позицій, гдѣ уже то поднимался, то пропадалъ дымокъ отъ единичныхъ ружейныхъ выстрѣловъ.—Я не скрою, что, можетъ быть, ни единому изъ фланкеровъ не придется вернуться назадъ къ полку.

— Можетъ быть!—горячо вырвалось изъ груди старшаго Торнези и его итальянское лицо вспыхнуло яркимъ румянцемъ,—пусть насъ убьютъ, но наша жизнь дорого обойдется проклятымъ французамъ!

— Въ такомъ случаѣ я не удерживаю васъ, господинъ поручикъ!—произнесъ Подъямпольскій серьезно и Надѣ почудилось, что его сильный голосъ дрогнулъ отъ волненія.

Глаза Торнези радостно сверкнули. Онъ приложилъ руку къ козырьку фуражки и, прокричавъ фланкерамъ: «Впередъ! съ мѣста маршъ, маршъ!»—понесся стрѣлой впереди своего маленькаго отряда, какъ-разъ въ ту сторону, гдѣ появлялось облачко за облачкомъ и синѣли мундиры французской конницы.

А Надя, разочарованная назначеніемъ Торнези въ то время, какъ душа ея закипала мучительнымъ желаніемъ быть на его мѣстѣ и сослужить службу родинѣ, осталась стоять во главѣ своего взвода, слѣдя напря-

женнымъ взоромъ за удаляющимся отрядомъ всадниковъ. Рядомъ съ ней стоялъ Торнези-младшій и также, не отрываясь, глядѣлъ вслѣдъ ускакавшему брату.

Непріятель, издали завидя несущихся на него фланкеровъ, сначала какъ бы недоумѣвая, ожидалъ ихъ приближенія. Потомъ съ французскихъ позицій разомъ отдѣлилась вдвое большая группа всадниковъ и понеслась, сабли на-голо, на встрѣчу русскому отряду.

Какъ-разъ въ эту минуту загремѣла канонада со стороны нашихъ редутовъ и поднявшееся облако закрыло несущіяся другъ на друга группы конныхъ.

Непріятель отвѣтилъ такимъ же залпомъ. За первымъ и вторымъ прогремѣлъ третій и четвертый—и бой начался, знаменитый бой, названный исторіей «Смоленскимъ».

Надя уже не отрывала взоровъ отъ происходившаго передъ нею зрѣлища... Величественная и страшная картина развернулась передъ ея глазами... Канонада усиливалась съ каждой минутой... Многія части уже неслись въ атаку... Кругомъ свистѣли и жужжали пули и поминутно съ трескомъ лопались адскія гранаты...

Теперь ея память живо воспроизвела другой такой-же бой подъ Фридландомъ, но только развѣ менѣе жестокій по силѣ и грохоту ревущихъ орудій.

Но тогда было другое дѣло. Тогда русскіе шли на помощь сосѣдямъ-пруссакамъ, защищая ихъ интересы; теперь дѣло касалось не одной только славы русскаго оружія, но и чести родины, дорогой родины, за которую съ готовностью шелъ умереть каждый русскій солдатъ.

— О-о! Dio mio! *)—послышался отчаянный вопль подлѣ Нади и она увидѣла Якова Торнези, съ трясущеюся челюстью и мертвенно-блѣднымъ лицомъ,

*) О-о! Боже мой!

упавшаго на колѣни и простиравшаго руки въ пространство.

— Джіованни, Джіованни! — лепетали его помертвѣвшія губы, а дрожащая рука указывала въ ту сторону, куда умчались фланкеры.

Надя глянула по направленію этой дрожащей протянутой руки и вдругъ вся затрепетала съ головы до ногъ.

Фланкеры вскачь подлетѣли къ французскимъ всадникамъ, сшиблись съ ними грудь съ грудью... И началась рубка не на животъ, а на смерть, отчаянная, жестокая, ужасная...

Во главѣ русскаго взвода носился на своемъ высокомъ конѣ Иванъ Торнези съ дымящейся окровавленной шпагой въ рукѣ, ободряя солдатъ и врѣзываясь въ самую гущу непріятельскаго отряда. Вотъ русскіе взяли перевѣсъ... Это не простые люди... Это какіе-то львы по храбрости и отвагѣ... Это смѣлые богатыри и орлы русскаго войска...

Съ дружнымъ «ура» врѣзались они въ непріятельскую группу, кроша направо и налѣво. Побѣда уже ихъ... Они чуютъ это... Какъ вдругъ на выручку французамъ несется новый отрядъ.

Съ проклятіемъ на губахъ ворвался Торнези, не замѣчая этой подмоги, въ ея первые ряды и взмахнулъ шпагой... Фланкеры не поспѣли на выручку своему начальнику. Десятки сабель засверкали надъ головой несчастнаго и въ одну секунду отъ черноглазаго Торнези осталась сплошная груда окровавленныхъ кусковъ.

— О! — простонала Надя, и вмигъ передъ ея мысленнымъ взоромъ снова вырисовалась поверженная фигура молоденькаго французскаго лазутчика и его недоумѣвающая, дѣтски-трогательная предсмертная улыбка.

— О-о, Dio, Dio! *)—рыдалъ подлѣ нея осиротѣвшій въ одинъ мигъ Яковъ Торнези.

Но Надѣ некогда было утѣшать несчастнаго, некогда задумываться передъ всѣми этими ужасами смерти.

Къ ней подлетѣлъ полковой адъютантъ Ширбуневичъ съ головой, обвязанной окровавленнымъ платкомъ, и прокричалъ приказаніе Подъямпольскаго ударить ея взводу на непріятеля сейчасъ-же, сію минуту.

— Взводъ! Лѣвое плечо впередъ! съ мѣста маршъ, маршъ!—раздался низкій грудной дѣвичій голосъ, старавшійся быть услышаннымъ въ общемъ аду рева и шума.

И Надя понеслась, увлекая за собою свой взводъ туда, гдѣ молодецки дрались уже пѣшіе бутырцы, гдѣ сверкали клинки сабель и штыки, гдѣ лилась цѣлая рѣка свѣжей, дымящейся человѣческой крови. А подлѣ нея скакалъ младшій взводный ихъ эскадрона, блѣдный, ожесточенный, съ лицомъ мстителя, Яковъ Торнези.

Въ то самое время, когда горсть храбрецовъ-литовцевъ почти вплотную приблизилась къ непріятельскимъ рядамъ, неожиданно послышались отчаянные крики со стороны рядовъ пѣхоты:

— Васъ обошли... Назадъ!.. Проклятіе!.. Отступать!..

Надя быстро оглянулась и выронила поводья изъ рукъ. Прямо въ тылъ имъ, отрѣзая отступленіе Литовскому взводу, несся непріятельскій отрядъ желтыхъ драгунъ. Молодая дѣвушка растерялась чуть ли не впервые за всю свою жизнь. Не своимъ, а какимъ-то сорвавшимся голосомъ скомандовала она отступленіе и, пропустивъ весь взводъ впередъ себя, твердо помня, что жизнь каждаго солдата ляжетъ пятномъ на ея совѣсти, понеслась послѣднею съ поля битвы.

*) О, Боже! Боже!

Французскіе драгуны не теряли времени даромъ. Съ быстротою вѣтра мчались они за маленькимъ отрядомъ, размахивая палашами, выкрикивая что-то осипшими голосами, не то понукая коней, не то предлагая сдаться. Надя мчалась чуть живая, трепещущая, растерянная, какъ никогда. Мысль о смерти казалась ей теперь, именно теперь, такой немыслимой и ужасной. А между тѣмъ смерть стояла къ ней ближе, чѣмъ когда-либо, въ эту минуту. Она была буквально за плечами дѣвушки въ лицѣ не отстающихъ ни на шагъ французскихъ драгунъ. Почему-то ей вдругъ представился ихъ большой сарапульскій домъ на Камѣ, ихъ старый, съ тѣнистою аллеей садъ, нянька Наталья съ маленькимъ Васей на рукахъ, и она, Надя, крошечная дѣвочка въ бѣломъ платьицѣ, съ смѣло раскрытымъ пытливымъ взоромъ...

«Это смерть! это смерть! Они изрубятъ меня, какъ изрубили только-что несчастнаго Торнези!»—выстукивало сердце смуглой дѣвушки.

Взволнованное воображеніе напоминало ей такую же бѣшеную скачку въ далекомъ лѣсу Фридланда на драгоцѣнномъ Алкидѣ. Но Зелантъ не Алкидъ, и Алкидъ не Зелантъ. Тотъ бы вынесъ на своемъ крупѣ свою госпожу, а этотъ...

«Это смерть! Это смерть!»—выстукиваетъ все сильнѣе и сильнѣе неугомонное сердце, и Надя, не отдавая себѣ отчета, забрасываетъ саблю за плечо на спину, какъ-бы отражая невидимый ударъ.

— Скорѣе! Скорѣе, ради Бога!—несется призывный крикъ ей на встрѣчу и она видитъ Линдорскаго, скачущаго ей на выручку со своимъ эскадрономъ.

Вотъ они близко... вотъ промчались мимо ея взвода... Что-то роковое, страшное случилось за ея спиною. Французы сшиблись съ эскадрономъ Линдорскаго... Въ воздухѣ загрохотало, застонало и зазвенѣло по-

зади Нади... Не то лязгъ сабель, не то человѣческій вопль...

Она закрыла глаза и врѣзалась въ ряды своего эскадрона, ощущая холодныя капли пота, выступившія на помертвѣломъ лицѣ.

— Ты спасся чудомъ! — встрѣтилъ Надю не менѣе ее самое взволнованный Подъямпольскій. — Ахъ, Александровъ! Это была ужасная минута!.. Я не знаю, почему мнѣ кажется, если тебя убьютъ, это будетъ величайшимъ преступленіемъ въ мірѣ, какъ если-бы убили невиннаго ребенка! И смерть твоя падетъ тяжелымъ камнемъ на наши головы. Когда ты мчался, преслѣдуемый врагами, мнѣ ты казался овечкой, за которой гонится голодная стая волковъ!

И Подъямпольскій взглянулъ въ блѣдное лицо Нади взоромъ, полнымъ сочувствія и ласки.

А бой гремѣлъ и стоналъ по-прежнему. Русскіе и французы рубили и кололи съ одинаковымъ рвеніемъ подъ неутомимый грохотъ канонады и умирали безропотно и безстрашно, одни, защищая священное право любимой родины, другіе въ угоду ненасытнаго и кровожаднаго императора-полководца.

ГЛАВА IV.

Опять Зося. — Бородино. — Контузія. — Грезы и дѣйствительность.

СМОЛЕНСКЪ пылалъ. Жители поджигали свои дома и торопливо покидали городъ.

По одной изъ главныхъ улицъ скакалъ молоденькій ординарецъ съ закоптѣлымъ отъ порохового дыма лицомъ. Онъ подлетѣлъ на своемъ взмыленномъ конѣ къ зданію штабъ-квартиры, бросилъ поводья подоспѣвшему вѣстовому и, наскоро спросивъ у него, гдѣ находится баронъ Штакельбергъ, командиръ литовцевъ, прошелъ въ горницу.

Баронъ почти одновременно съ нимъ вышелъ изъ внутренней комнаты.

— Я присланъ отъ ротмистра Подъямпольскаго, — отрапортовалъ молоденькій ординарецъ. — Имѣю честь доложить, что эскадронъ занимаетъ крайне невыгодную позицію... Пули перехватываютъ черезъ прикрытіе Бутырскаго полка и вырываютъ людей изъ строя...

— Ходили въ атаку? — не выслушавъ до конца, спросилъ генералъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство, и неоднократно! Но теперь бездѣйствуемъ и стоимъ въ ожиданіи повелѣній. Что изволите приказать, ваше превосходительство?

Штакельбергъ поморщился, потрогалъ себя за щеку, какъ-будто у него болѣли зубы, и кратко бросилъ:

— Поручикъ Александровъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство!

Баронъ взглянулъ въ самые глаза Нади, потомъ сердито сморщился и почти въ голосъ прикрикнулъ, внезапно раздражаясь:

— Стоять! стоять на мѣстѣ! Стоять во что бы то ни стало! Такъ и передайте ротмистру!

Надя наклонила голову, щелкнула шпорами и, сдѣлавъ налѣво кругомъ, вышла изъ горницы.

Въ ту минуту, какъ она садилась на лошадь у крыльца штабъ-квартиры, на дворъ въѣхала коляска и дама въ черномъ платьѣ легко выпрыгнула изъ нея.

Что-то знакомое показалось Надѣ въ тонкой, миніатюрной фигуркѣ дамы, въ лицѣ, скрытомъ густой вуалью.

Вновь прибывшая тоже замѣтила уланскаго офицера и быстро приблизилась къ Дуровой.

— Скажите, г. поручикъ...—начала она.

И вдругъ лицо ея вспыхнуло подъ вуалью, а глаза радостно заблистали.

— Надя!—вырвалось изъ груди вновь прибывшей.

— Зося! Здѣсь? Какимъ образомъ?

И Надя схватила и крѣпко пожала обѣ руки Линдорской.

— Ахъ, Надя!—со слезами на глазахъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ, произнесла Зося.—Я не могла больше выносить неизвѣстности!... Это ужасъ что такое! Не знать, что происходитъ съ Казиміромъ... и съ тобою... О! какой ужасъ! Я не выдержала и пріѣхала сюда. Буду просить командира позволить мнѣ слѣдовать за полкомъ. Я познакомилась съ нимъ на балу въ Закретѣ и думаю, онъ мнѣ не откажетъ въ такой ничтожной просьбѣ, а тѣмъ болѣе, когда узнастъ, какой утомительный путь совершила я изъ Вильны, по дорогѣ, занятой французскими войсками... Одна, какъ перстъ, и... О, Надя! Надя!

И молодая женщина всплеснула руками и горько заплакала.

Надѣ было безконечно жаль Зоси, но помочь ей она была не въ силахъ.

— Дитя! Дитя! — произнесла она съ грустью. — Зачѣмъ ты сдѣлала это! Оставаться въ полку тебѣ немыслимо... Мы постоянно въ дѣлѣ и ты не можешь подвергать свою жизнь опасности...

— Въ дѣлѣ? — произнесла блѣднѣя Линдорская. — Какъ? вы уже были въ дѣлѣ? Вы дрались? И Казиміръ участвовалъ? И ты? И онъ не раненъ? О! да говори-же, не мучь меня! Сестра моя! Другъ мой!

— Успокойся, Зося! Я видѣлъ, какъ ротмистръ вернулся изъ атаки живымъ и невредимымъ. Увѣряю тебя!

— Слава Тебѣ Господи! — горячо воскликнула Зося и черные глаза ея поднялись къ небу. — Но что мнѣ дѣлать? Что дѣлать? — внезапно произнесла она съ новымъ порывомъ отчаянія. — Я должна видѣть Казиміра во что-бы то ни стало! Научи меня! Помоги мнѣ!

— Увы, это невозможно, моя Зося! При теперешнемъ положеніи дѣлъ онъ не въ состояніи ни на минуту отлучиться отъ своего эскадрона!

Подумавъ немного, Надя прибавила:

— Мой совѣтъ тебѣ — ѣхать въ Москву, единственное безопасное мѣсто въ данное время. По войску уже изданъ приказъ двигаться по Смоленской дорогѣ по направленію къ Бѣлокаменной. Поѣзжай туда и тамъ ты уже навѣрное увидишься съ мужемъ, а я передамъ ему о нашей встрѣчѣ и твоемъ планѣ. Одно пугаетъ меня, — съ тревогой, раздумчиво произнесла Надя, — какъ ты доберешься туда, дитя, одна, безъ провожатыхъ, въ такое время.

— О, что касается этого, — воскликнула горячо Линдорская, — не бойся за меня! Вѣдь добралась же я сюда изъ Вильны по вдвое опаснѣйшему пути! Доберусь и до Москвы съ помощью Бога!

— Ну, такъ съ Богомъ! да сохранитъ Онъ тебя! А мнѣ некогда медлить, прости!

И Надя, крѣпко пожавъ миніатюрную ручку молодой женщины, быстро вскочила въ сѣдло и помчалась изъ города къ своимъ позиціямъ.

— Ну, что?—издали крикнулъ ей Подъямпольскій, не покидавшій съ своимъ эскадрономъ опасной позиціи.—Что приказалъ баронъ?

— Стоять!—отвѣчала Надя уныло.

— Ну, стоять, такъ стоять, — весело отозвался храбрый ротмистръ и ласково оглянулся на усталыя лица солдатъ.

И отъ одной этой улыбки всѣ эти усталыя лица словно просіяли. Мѣстами послышались шутки, смѣхъ.

— Ротмистръ Линдорскій!—отыскавъ офицера, произнесла Надя.—Я несу вамъ хорошія вѣсти изъ Смоленска!

— Какія ужъ могутъ быть хорошія вѣсти въ этомъ аду?—произнесъ тотъ сурово, кивнувъ головою по направленію поля сраженія, устилавшагося съ каждой минутой все новыми и новыми трупами.

— И въ адъ проникаетъ иногда вѣсть изъ рая,—произнесла Надя.—Я видѣлъ вашу жену, ротмистръ. Она будетъ ждать васъ въ Москвѣ.

— Вы видѣли Зосю! О, Господи!—могъ только произнести Линдорскій и все его лицо озарилось счастливой улыбкой.—Будьте благословенны за эту благую вѣсть, поручикъ.

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но не успѣлъ.

Слѣдомъ за Надей прискакалъ новый ординарецъ изъ Смоленска съ приказаніемъ Штакельберга выйти изъ засады и ударить новой атакой на врага.

. . . . . .

— Ну, не грѣхъ-ли отступать съ такими молодцами?

Эту фразу произнесъ толстый, высокій, обрюзглый старикъ съ совершенно сѣдою головою и единственнымъ глазомъ на морщинистомъ лицѣ—Кутузовъ.

И лишь только услышана была войсками эта фраза, ставшая впослѣдствіи исторической, армія словно преобразилась.

— Веди насъ, отецъ нашъ!—слышались тутъ и тамъ умиленные возгласы солдатъ и глаза всѣхъ устремлялись на толстаго одноглазаго старика, объѣзжающаго ряды войска.

И грянуло отчаянное, полное силы и мощи русское «ура», такое «ура», которое еще рѣдко слышалось въ русскомъ войскѣ.

Отъ этого могучаго «ура» увлажился слезою единственный глазъ стараго главнокомандующаго. Не даромъ дѣдушка Кутузовъ такъ стремился къ своимъ внукамъ изъ далекаго Букарешта, гдѣ проживалъ на отдыхѣ послѣ турецкаго похода. Онъ зналъ, что войска жаждутъ его появленія, онъ зналъ и вѣрилъ въ силу своихъ богатырей. И «богатыри» вѣрили въ «отца родного»—Кутузова. Не даромъ самъ Суворовъ сказалъ про дѣдушку: «Кутузовъ знаетъ Суворова, а Суворовъ знаетъ Кутузова».

И «богатыри», извѣрившіеся уже въ счастливую звѣзду Барклая и чуть-ли не усумнившіеся въ неподкупности его, вслѣдствіе постоянныхъ отступленій, ждали теперь какого-то чуда отъ одного появленія «дѣдушки».

Но вотъ онъ явился, наконецъ, этотъ прославленный дѣдушка русской арміи, знаменитый соучастникъ безсмертнаго Суворова, явился и дѣлаетъ смотръ своимъ войскамъ, объѣзжая ихъ съ блестящею свитой своихъ адъютантовъ, останавливаясь то здѣсь, то тамъ по фронту, роняя ласковыя фразы, награждая своими неизъяснимо-обаятельными улыбками и похвалами геро-

евъ и всячески стараясь вселить бодрость и спокойствіе въ пріунывшихъ уже было душахъ солдатъ.

Надѣ, слѣдовавшей въ качествѣ дежурнаго ординарца за своимъ командиромъ Штакельбергомъ въ свитѣ главнокомандующаго, была ясно видна тучная, тяжело опустившаяся въ сѣдлѣ фигура Кутузова, на которую обращались съ надеждой и вѣрой взоры каждаго солдата. И сердце Нади билось тою же безсознательной радостной надеждой и въ душѣ ея расцвѣтала твердая увѣренность въ скорую и вѣрную побѣду.

«Не грѣхъ ли отступать съ такими молодцами?» неотступно стояла въ ея ушахъ фраза Кутузова.

И она была твердо убѣждена, что съ этой фразой оканчивалась темная эпоха войны и начиналась новая, свѣтлая, торжественная—во славу русскаго знамени.

26-го августа 1812 года тучный одноглазый человѣкъ съ душой военнаго генія доказалъ въ дѣйствительности, что съ русскими героями отступать нельзя.

Въ этотъ день произошло сраженіе, знаменитое Бородинское сраженіе, данное русскимъ геніемъ другому генію, не уступавшему ему по силѣ своей геніальности.

Армія Кутузова сошлась съ арміей Наполеона подъ Бородинымъ.

На зарѣ прогрохотала первая пушка. Ей отвѣтили разомъ нѣсколько изъ ея желѣзныхъ сестеръ—и съ этой минуты день какъ бы затмился въ облакѣ порохового дыма и наступила ночь, адская ночь, безконечная ночь битвы, смерти, всеобщаго уничтоженія.

Эскадронъ Подъяпольскаго былъ выстроенъ неподалеку отъ флешей *) Багратіона, на которыхъ сосредоточилось исключительное вниманіе французовъ. И эти флеши нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки. То французы, налетая вихремъ и обсыпая градомъ пуль и кар-

*) Стрѣльчатыя укрѣпленія.

течи доблестныхъ защитниковъ ихъ, вырывали флеши изъ рукъ русскихъ; то русскіе со штыками на перевѣсъ возвращали флеши назадъ, подставляя мужественныя груди ударамъ непріятеля. То русскія, то французскія знамена, порванныя, истерзанныя чуть не въ клочья, возвышались, чередуясь, надъ укрѣпленіемъ.

И на Семеновскомъ редутѣ, и на редутѣ Раевскаго, всюду шла та-же штыковая кровавая игра, и груда окровавленныхъ тѣлъ страшнымъ кольцомъ окружала редуты...

Въ разгарѣ боя, когда Багратіоновскія флеши въ который уже разъ переходили обратно въ руки русскихъ, отчаянный крикъ пронесся по фронту:

— Багратіонъ раненъ!

Надя вздрогнула и перекрестилась. Передъ ней мелькнуло восточное лицо командующаго второй арміей, милое лицо, столь любимое и понятное каждому солдату.

Ей припомнилось, какъ пять лѣтъ тому назадъ въ такой же бой, только развѣ менѣе ожесточенный и кровопролитный, онъ, этотъ самый Багратіонъ, герой и любимецъ арміи, шелъ на вѣрную смерть, ведя атаку на поляхъ Фридланда. Но тогда пули какъ бы щадили героя, а теперь... Теперь время его пришло...

Надя видѣла, какъ на флешахъ Багратіона произошло легкое смятеніе, какъ по направленію сельца Таратина, гдѣ находился наблюдавшій за битвой Кутузовъ, поскакалъ адъютантъ и какъ солдаты, поднявъ съ земли чье-то окровавленное и безсильно разметавшееся тѣло, понесли это тѣло за флангъ.

Большаго она не могла различить и увидѣть, такъ какъ въ тотъ же мигъ чей-то охрипшій голосъ, въ которомъ Надя съ трудомъ узнала голосъ Подъямпольскаго, скомандовалъ атаку и они понеслись куда-то. Куда—Надя сама не могла понять, такъ какъ черный, густой дымъ надвинулся на встрѣчу сплошной стѣною

и нестерпимо ѣлъ ей глаза. Потомъ что-то грохнуло, что-то ухнуло неподалеку, что-то круглое, страшное и странное подлетѣло съ шипѣніемъ и цѣлый дождь сверкающихъ осколковъ осыпалъ ряды атакующихъ уланъ.

«Граната!»—вихремъ пронеслось въ напряженномъ мозгу дѣвушки и передъ ея глазами четко вырисовалось лицо и фигура Линдорскаго, склоняющагося въ ея сторону съ сѣдла.

— Вы ранены, ротмистръ?—вскричала она въ испугѣ, удивленная и тому, что Линдорскій очутился въ ихъ эскадронѣ, и тому, что, разсыпаясь, груда осколковъ не долетѣла до нея.

А позади уже несся второй эскадронъ и вахмистръ на-лету подхватилъ склонившагося въ стременахъ Линдорскаго. Надя сжала ногами бока Зеланта и безъ сознанія, безъ мысли, понеслась впередъ, увлеченная общимъ потокомъ атакующихъ.

Странная мысль охватила дѣвушку. Ей хотѣлось теперь только одного: увидѣть то, на что устремлялось ихъ теченіе,—видѣть врага и лицомъ къ лицу встрѣтиться съ нимъ. Но черный дымъ попрежнему слѣпилъ и ѣлъ глаза, отдѣляя ихъ отъ непріятеля своей непроницаемой волнующейся стѣною.

И бѣшенство, непонятное, злобное бѣшенство овладѣло Надей.

«Увидѣть! Схватиться и отомстить! Отомстить за смерть Торнези, Линдорскаго, за рану Багратіона!—выстукивало ея сердце, разжигая и безъ того душившую ее злобу.—Зося! Бѣдная Зося! Рано-же ты останешься вдовою!»—добавляло это неугомонное, озвѣрѣвшее въ бою сердце и Надя неслась впередъ въ самую гущу чернаго облака, гдѣ уже слышался звонъ и лязгъ сабель и стоны умирающихъ.

Какъ разъ въ это время съ редута Раевскаго по-

слышалось громовое «ура!» Это нашимъ удалось отбить новый натискъ французовъ.

«Слава Богу!—промелькнуло въ мысляхъ Нади.—Слава Те...»

Она не договорила. Какой-то тяжелый шаръ зашуршалъ по землѣ уже совсѣмъ близко отъ нея... Зелантъ метнулся въ сторону и въ тотъ-же мигъ что-то острое, мучительное и горячее, какъ огонь, врѣзалось въ ногу Нади пониже колѣна.

Дѣвушка зашаталась въ сѣдлѣ и потеряла сознаніе.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Это былъ чудесный сонъ, похожій на сказку... Надя, но не Надя уланъ-литовецъ, а совсѣмъ юная дѣвочка Надя плыветъ по Удаю...

Удай такъ и сверкаетъ свѣжей весенней синевою. Такой-же синевой блещутъ и небо, и преображенные волшебникомъ маемъ зелень и кусты...

Этотъ свѣжій весенній блескъ, эта роскошь и обиліе красокъ такъ радуетъ и ласкаетъ взоры...

А на берегу сидятъ свои: отецъ, Клена, Василій... Только мамы нѣту. Гдѣ-же мама? Почему она не пришла встрѣтить ее, Надю, такъ долго не возвращавшуюся домой? И почему они здѣсь, на Удаѣ, въ Кобелякскомъ повѣтѣ бабушки Александровичъ, а не дома, на Камѣ, въ ихъ миломъ Сарапульскомъ захолустьѣ?... Надя теперь уже будто не прежняя дикарка Надя. Быстрый взоръ ея сталъ задумчивѣе и глубже, а на дѣтской груди сверксетъ бѣленькій крестикъ, крестикъ отличія героевъ. И папа смотритъ съ берега на нее, Надю, и на этотъ крестикъ, смотритъ и улыбается, а по лицу его текутъ слезы... А Удай дѣлается все шире и шире и превращается въ Каму, широкую, синеглазую Каму, плавно текущую въ крутыхъ берегахъ. По одному бе-

регу идутъ бурлаки и поютъ. Что поютъ—не разобрать. Одинъ изъ нихъ поетъ громче другихъ и самъ онъ мало похожъ на остальныхъ. Это не простой бурлакъ. Его лицо, его черные глаза и смоляные кудри Надя узнаетъ изъ тысячи другихъ. Это Саша... Саша Киріакъ, милый черноглазый Саша... И онъ поетъ или говоритъ... Нѣтъ, говоритъ... Какъ онъ очутился здѣсь, на Камѣ? Зачѣмъ идетъ онъ съ другими бурлаками, когда его мѣсто не здѣсь, а въ далекихъ Мотовилахъ, подъ солнцемъ залитой Полтавой? И она кричитъ Сашѣ, кричитъ въ ту сторону, откуда надвигаются со своею пѣснею бурлаки...

Вдругъ берегъ и бурлаки, все это разомъ приближается къ Надѣ. Нѣтъ, не бурлаки, а Саша, одинъ только Саша...

— Такъ вотъ гдѣ вы, русская Іоанна! — смѣются его глаза и губы и весь онъ смѣется своимъ милымъ, дѣтскимъ, хорошо знакомымъ ей, Надѣ, смѣхомъ.

Надя открываетъ глаза.

Саша смѣется попрежнему, но какимъ-то новымъ, уже задушевнымъ смѣхомъ и въ черныхъ глазахъ его стоятъ слезы.

«Что это? Сонъ?» — спрашиваетъ себя мысленно Надя.

Острая и мучительная боль въ ногѣ заставляетъ ее разомъ придти въ себя.., Нѣтъ, это уже не сонъ, а дѣйствительность.

И Саша теперь какъ-будто не Саша больше... Его лицо, обросшее усами и бородкой, какъ-будто не лицо Саши, прежняго мотовиловскаго барчонка: это совсѣмъ, совсѣмъ новое, возмужалое, но все-же странно знакомое лицо. И этотъ военный сюртукъ съ блестящими пуговицами, завѣшанный окровавленнымъ лѣкарскимъ фартухомъ, такъ мало походитъ на прежній парусиновый костюмъ милаго Киріака.

Надя мучительно вдумывается, стараясь понять и припомнить, гдѣ она и что случилось съ нею. А черные глаза знакомаго незнакомца все приближаются къ ней... Глаза эти не то смѣются, не то плачутъ...

— Такъ вотъ гдѣ пришлось встрѣтиться намъ, русская Іоанна!—произносятъ его румяныя губы.

— Саша!—радостнымъ крикомъ срывается съ устъ Нади.

Теперь уже нѣтъ сомнѣнія... Это онъ, Саша!

— Это вы, Саша?—говоритъ она, задыхаясь.

И точно кусочекъ голубого украинскаго неба повисъ надъ обезсиленной головой Нади, точно заплескалъ золотистыми брызгами въ лучахъ майскаго солнца голубой Удай, точно старая бабуся неслышно подошла къ ней и зашептала ей на ухо ласковыя, добрыя рѣчи... Саша принесъ это все съ собою—и весну, и солнце, и ласку бабуси!

Напряженные нервы Нади не выдержали... Она зарыдала...

— Ну, вотъ, ну, вотъ!—радостно и тревожно говорилъ Саша.—Ну, вотъ! Этого еще недоставало! Георгіевскій кавалеръ, офицеръ, поручикъ и плачетъ, какъ баба! Да полно же, полно, пріятель! Не для того васъ доставили сюда, на перевязочный пунктъ, чтобы вы кисли здѣсь, какъ какая-нибудь слабонервная барышня!—притворно-сердитымъ голосомъ урезонивалъ онъ своего стараго друга.

А между тѣмъ на его собственные черные глаза навертывались слезы. Встрѣча была слишкомъ радостна для молодого лѣкаря... Когда, часъ тому назадъ, на пунктъ доставили новаго раненаго и онъ съ привычнымъ вниманіемъ врача наклонился надъ нимъ для осмотра, взоръ его упалъ на блѣдное, безусое лицо этого раненаго и онъ съ трудомъ удержался отъ крика испуга и радости, узнавъ въ немъ Надю.

— Я серьезно раненъ?—шопотомъ освѣдомляется...

И сама Надя мокрыми отъ слезъ глазами оглядывалась вокругъ, чтобы убѣдиться, что это не сонъ, не грезы, не болѣзнь взволнованнаго воображенія, а правда и дѣйствительность... Нѣтъ, это не сонъ, не грезы...

Она на перевязочномъ пунктѣ въ летучемъ лазаретѣ... Кругомъ на койкахъ и на полу лежатъ раненые... Слышатся стоны и какой-то странный лязгающій звукъ, доносящійся съ середины комнаты, гдѣ нѣсколько человѣкъ склонились надъ чѣмъ-то, безпомощно распростертымъ на столѣ. Надѣ становится страшно отъ этого лязгающаго звука и отъ этихъ стоновъ, не прерывающихся ни на минуту.

И вдругъ сознаніе собственной опасности поглощаетъ ее всю. Она съ ужасомъ смотритъ на свою вспухшую, потерявшую всякую форму и тяжелую, какъ бревно, ногу.

— Я серьезно раненъ?—шопотомъ освѣдомляется она у Кирiака.

— Ничуть! — съ безпечнымъ видомъ отвѣчаетъ тотъ.—Только придется вынуть осколки. Вы сильно контужены гранатой...

Странно: только при этомъ отвѣтѣ доктора Надя впервые понимаетъ вполнѣ сознательно, какимъ образомъ очутился здѣсь, на перевязочномъ пунктѣ, Саша и какую роль онъ играетъ здѣсь. Такъ вотъ оно что! Саша—лѣкарь! Настоялъ-таки на своемъ, ушелъ изъ дома, выбрался-таки изъ своего стоячаго болота и пробилъ себѣ дорогу! Недаромъ такой горячностью звучали его рѣчи о принесеніи пользы всему человѣчеству! Ушелъ, вырвался изъ болота!..

Теперь Надѣ неудержимо захотѣлось узнать, что осталось тамъ, въ этомъ стоячемъ болотѣ, откуда и она ушла, не вынося его застоя.

Но спрашивать было некогда. Къ ней приблизился старшій врачъ и, съ помощникомъ-фельдшеромъ тща-

тельно осмотрѣвъ контуженную ногу, сталъ погружать что-то острое и сверлящее въ больныя мѣста.

Отъ нестерпимой боли глаза Нади сомкнулись и она вторично потеряла сознаніе. Когда она снова пришла въ себя, все уже было кончено. Съ наложенной чистой перевязкой на ногѣ, лежала она на кучѣ сѣна въ углу горницы. Боль какъ-бы поутихла, но общая слабость была такъ велика, что Надя едва могла пошевелиться.

— Вамъ лучше?—пробѣгая мимо нея съ озабоченнымъ и хмурымъ лицомъ, спросилъ Саша и тотчасъ-же добавилъ вскользь:—куча дѣла, нѣтъ конца раненымъ; все новыхъ и новыхъ доставляютъ съ поля битвы! Какъ освобожусь немного—потолкуемъ...

— Господинъ Киріакъ, къ старшему врачу!—послышался около голосъ фельдшера, и Саша стрѣлой помчался куда-то съ тѣмъ же сосредоточеннымъ лицомъ и хмурыми глазами.

Въ эту минуту двое казаковъ внесли на носилкахъ новаго раненаго и положили его прямо на столъ. Что-то знакомое показалось Надѣ въ мертвенно-блѣдномъ лицѣ раненаго, въ складкѣ посинѣвшихъ губъ, въ широко раскрытомъ пристальномъ взорѣ.

Докторъ и его помощники тотчасъ окружили его и засуетились подлѣ. Старшій врачъ съ сосредоточеннымъ лицомъ склонился надъ нимъ. Прошла минута... и нечеловѣческій вопль потрясъ стѣны лазарета. Люди, окружающіе столъ, разступились и Надя увидѣла корчившееся въ судорогахъ тѣло, алую струю крови, медленно скатывающуюся по углу стола прямо въ подставленный тазъ, и окровавленныя руки старшаго врача, перебиравшаго что-то въ животѣ несчастнаго... Дрожь охватила все существо дѣвушки; ей стало какъ-то разомъ мучительно холодно тѣмъ колючимъ холодомъ, который наполняетъ и тѣло, и душу. Даже самая радость встрѣчи съ Сашей какъ-то померкла и поте-

ряла всю свою прелесть при видѣ этихъ новыхъ нечеловѣческихъ страданій.

Между тѣмъ раненый затихалъ понемногу и, наконецъ, вопли его смолкли совсѣмъ. Его перевязали, осторожно отнесли въ уголъ и положили на мягкую подстилку по сосѣдству съ Надей. Теперь дѣвушкѣ было ясно видно его лицо, показавшееся ей знакомымъ въ первую минуту.

Въ блѣдныхъ, искаженныхъ страданіемъ чертахъ раненаго въ животъ офицера она узнала Мишу Матвѣйко, своего давнишняго пріятеля. Теперь онъ снова стоналъ и метался и о чемъ-то молилъ кого-то и о чемъ-то плакалъ. Рана въ животѣ жгла ему внутренности. На измученное лицо ложились предсмертныя тѣни.

— Миша! Миша! Вамъ худо? Бѣдный! — произнесла Надя, наклоняясь въ сторону молодого офицера.

Но онъ не разслышалъ и не понялъ ея вопроса.

— Сестра... Даня... — лепетали чуть слышно его запекшіяся губы. — Иванъ Матвѣевичъ... возьми съ меня этотъ камень... Зачѣмъ его навалили на меня... Даня, голубка! сними мой образокъ съ шеи... тамъ земля родимая... донская... И камень сними съ меня, Даня!.. У-у! Наполеонъ! видите его, проклятаго? Онъ не человѣкъ, а демонъ... И рога у него, и копыта... Всю землю хочетъ затоптать своими копытами... проклятый... Но не удастся ему это! Россія встанетъ... вся Россія! Всѣ за царя родимаго!... Даня! Даня! приблизься ко мнѣ, родная... сюда... ближе!.. ближе!.. Чего-же ты стоишь вдалекѣ, Даня?.. Или ты боишься? моей раны боишься, Даня?..

Но не Даня, не любящая сестра подошла къ изголовью умирающаго, а кто-то иной приблизился неслышно и склонился надъ нимъ, готовый каждую минуту схватить его въ свои цѣпкія, ледяныя объятія: смерть

накрыла его наполовину своимъ холоднымъ вѣющимъ крыломъ...

Надя быстро, насколько позволяла раненая нога, сползла со своего мѣста и потянулась къ мечущемуся въ предсмертной агоніи Матвѣйко.

И вдругъ взоръ умирающаго широко раскрылся и какъ-бы прояснился разомъ.

— Дуровъ! Саша!—чуть слышно произнесъ онъ, узнавая ее.—Какъ я счастливъ, что ты со мною въ эту минуту! Вѣдь это смерть, Саша!.. Бродячая гадалка сказала правду... Я несчастливчикъ, Саша... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ахъ, тяжело мнѣ! Какой огонь! какая мука! И камень... этотъ камень на груди... Кто навалилъ его? Я знаю, кто это... Наполеонъ... Наполеонъ... камень... Напо...

Онъ не договорилъ. Все его тѣло дрогнуло, вытянулось, и его не стало...

Бродячая гадалка сказала правду. Черное крыло смерти накрыло его съ головою...

. . . . . .

— Саша! Саша!—горячо говорила въ ту же ночь Надя, когда на перевязочномъ пунктѣ послѣ усиленной дневной сутолоки наступила наконецъ ночная тишина, изрѣдка прерываемая стонами раненыхъ.—Саша,—обращалась она къ молодому Кириаку, присѣвшему у ея ложа,—я видѣла славную смерть столькихъ героевъ и ужели она не будетъ отомщена?

Саша молчалъ. Его глаза ужъ не смѣялись больше. Они глядѣли въ мертвое лицо Матвѣйко, распростертаго на соломѣ съ застеклѣвшимъ неподвижнымъ взоромъ, вперенным въ пространство, взоромъ мертвеца.

Вопли раненыхъ рвали ему сердце не меньше, чѣмъ Надѣ. Въ глубинѣ души поднималось проклятіе противъ того-же ненасытнаго кровожаднаго корсиканца, обагрившаго родныя поля потоками человѣческой крови,

котораго проклиналъ въ своей предсмертной агоніи несчастный Матвѣйко. Душа Саши была потрясена настолько, что даже внезапная встрѣча съ Надей какъ-то не радовала его. Онъ не стремился даже узнать, какъ всѣ эти шесть лѣтъ, что они не видались, провела эта странная дѣвушка, жаждавшая великой дѣятельности. Общее дѣло, родное дѣло отодвинуло на второй планъ всѣ прочіе интересы...

И Кириакъ всею душою переживалъ его...

— Саша!—послышался надъ его ухомъ давно знакомый, милый голосокъ.—Это ужасъ, Саша!

— Ужасъ!—эхомъ отозвался молодой лѣкарь и, поднявъ кулакъ, онъ погрозился имъ куда-то въ пространство, туда, гдѣ находился человѣкъ, желавшій раздавить подъ своей маленькой пятой—большую и сильную Россію...

ГЛАВА VI.

Снова въ полку.—Порученіе.—Мертвый домъ.—Мнимая тревога.

— АЛЕКСАНДРОВЪ! А-а! выздоровѣлъ, наконецъ-то! — произнесъ генералъ баронъ Штакельбергъ, когда блѣдная, чуть державшаяся на ногахъ Надя явилась передъ нимъ, выйдя изъ лазарета.

— Надо сознаться, какъ-разъ во-время, поручикъ, — продолжалъ баронъ, — такъ какъ полковыя лошади нуждаются въ кормѣ. Не угодно-ли вамъ будетъ взять взводъ уланъ и съѣздить за фуражомъ въ окрестности.

Сухой по обыкновенію тонъ генерала былъ сегодня еще суше и непріязненнѣе, чѣмъ когда-либо. Или онъ только показался таковымъ Надѣ, только-что вышедшей изъ-подъ братской опеки Киріака, ласково распростившагося съ нею? Въ этомъ она не отдавала себѣ отчета, когда, тяжело опираясь на саблю и чуть ступая на контуженную ногу, она вышла отъ барона.

Литовцы находились теперь въ трехъ верстахъ подъ Москвою, вблизи небольшой, наполовину разоренной жителями деревушки.

Прямо отъ генерала Надя прошла въ палатку маркитанта, гдѣ находились обыкновенно офицеры въ часы мирнаго досуга. Они съ искреннимъ восторгомъ встрѣтили общаго любимца, увидѣть котораго потеряли уже всякую надежду.

— Александровъ! Сашутка! Живъ-таки! Вернулся! И блѣденъ-же! Сущая смерть въ мундирѣ! Ну, да ладно, отходимъ! — посыпался на нее градъ восклицаній и десятокъ рукъ потянулся къ ней навстрѣчу.

Они всѣ были здѣсь на-лицо: и грустный Черняв-скій, и адъютантъ Шибуневичъ, и младшій Торнези, и маленькій Шварцъ, и десятокъ другихъ, вернувшихся здравыми и невредимыми изъ адскаго Бородинскаго пекла. Они тѣснымъ кругомъ обступили Надю и, горячо пожимая руки, заботливо, съ ласковыми и тревожными лицами разспрашивали о ея здоровьѣ.

У Нади выступили слезы на глазахъ отъ этихъ искреннихъ доказательствъ общаго расположенія. Она только теперь наглядно убѣдилась, какъ ее любятъ въ полку и какъ дорожатъ ею. Даже бѣдный Торнези, осунувшійся и исхудавшій со дня гибели брата, нашелъ въ себѣ достаточно мужества улыбнуться ей привѣтливой, ободряющей улыбкой.

— О тебѣ здѣсь освѣдомлялись уже! — лукаво усмѣхаясь, произнесъ маленькій Шварцъ, всегда насмѣшливый и веселый по своему обыкновенію, — и кто освѣдомлялся-то, кабы ты зналъ только, другъ Саша! Такая красавица, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать! Ей-Богу!

— Кто такая? — спросила удивленная Надя.

— Пани Линдорская! Она здѣсь въ деревнѣ съ раненымъ мужемъ. Говорятъ, увозитъ его къ себѣ на родину. Ждетъ только благопріятнаго случая, чтобы двинуться съ какимъ-нибудь отрядомъ.

— Какъ? Зося здѣсь? Мой другъ юности здѣсь! — вскричала Надя. — И вы мнѣ не дали знать въ ваген-бургъ объ этомъ?

— Ну, не чучело-ли онъ послѣ этого? — обращаясь къ товарищамъ, расхохотался маленькій Шварцъ. — Куда же мы могли дать тебѣ знать, когда мы сами не

знали, гдѣ ты, на какомъ пунктѣ и живъ ли ты, наконецъ!

— И то правда!—разсмѣялась Надя.—А знаете, меня баронъ на фуражировку посылаетъ!—добавила она съ внезапнымъ оживленіемъ.

— Тебя? Больного? Да что съ нимъ случилось въ самомъ дѣлѣ?—возмутились офицеры.—Нѣтъ, мы не допустимъ этого! Лучше жребій бросимъ, кому изъ насъ ѣхать за тебя, Александровъ!

— Ахъ, нѣтъ, не надо, господа! Спасибо!—поторопилась отказаться она.—Я охотно поѣду съ моимъ взводомъ, тѣмъ болѣе, что это заодно можетъ сослужить службу и пани Линдорской съ ея больнымъ мужемъ. Вы говорите, что она ждетъ только случая выбраться отсюда? Ну вотъ, случай и не замедлилъ явиться!

— Рыцарь вездѣ и во всемъ!—разсмѣялся маленькій Шварцъ.—Ну, будь по твоему. Дай только я провожу тебя до избы, гдѣ остановились Линдорскіе.

И, говоря это, Шварцъ вышелъ слѣдомъ за Надей изъ палатки маркитанта.

«Какіе они славные! И этотъ Шварцъ, и Торнези, и всѣ, всѣ!»—размышляла Надя по дорогѣ къ Линдорскимъ, опираясь на руку шагавшаго о-бокъ съ нею Шварца.

У небольшой, полуразвалившейся избушки Шварцъ оставилъ ее и пошелъ обратно. А Надя вошла на шаткія ступеньки крыльца.

Едва она переступила порогъ избы, какъ глазамъ ея представилось невеселое зрѣлище.

На лавкѣ, обложенный подушками, съ перевязанной головой, лежалъ ротмистръ Линдорскій. Около него на колѣняхъ стояла Зося и тихо, жалобно всхлипывала.

Она была такъ поглощена своимъ горемъ, что даже не слышала скрипа отворившейся двери и только когда

Надя вплотную приблизилась къ ней, молодая женщина увидѣла своего друга и съ судорожнымъ рыданіемъ упала къ ней на грудь.

— Надя... голубка... милая...—лепетала несчастная Зося,—какой ужасъ, Надя! Мой Казиміръ боленъ, опасно боленъ отъ раны. Докторъ сказалъ, что его необходимо увезти подальше отъ всѣхъ этихъ ужасовъ, иначе...

Она не договорила и зарыдала еще громче и отчаяннѣе на Надиной груди.

Потомъ, утихнувъ немного, продолжала:

— Я говорила барону, я просила его дать мнѣ людей для охраны... но онъ не согласился... Онъ сказалъ, что каждый солдатъ необходимъ теперь въ строю и чтобы я подождала болѣе удобныхъ и лучшихъ обстоятельствъ. Но вѣдь это жестокость, Надя! Казиміръ умретъ до этихъ «лучшихъ обстоятельствъ»... О, этотъ безсердечный баронъ! Ахъ, Надя! Надя!

— Успокойся, дитя!—произнесла серьезно Дурова.—Штакельбергъ забылъ, очевидно, что жизнь раненаго въ бою героя вдвойнѣ дорога государю... Но не въ томъ дѣло... Не намъ съ тобою переупрямить барона. Мы безсильны въ этомъ, но я могу тебѣ помочь инымъ способомъ; и не я даже, а судьба и Богъ тебѣ помогутъ, Зося. Собери какъ можно скорѣе ротмистра въ дорогу и выѣзжай изъ деревни, какъ только будешь готова. Мой отрядъ фуражировъ доведетъ тебя до безопаснаго мѣста. Только помни, время дорого и намъ мѣшкать нельзя.

— О, Надя!—вскричала разомъ просіявшая Линдорская.—Самъ Богъ посылаетъ мнѣ одного изъ своихъ ангеловъ въ твоемъ лицѣ! Я всю мою жизнь буду помнить, что ты сдѣлала для меня, Надя! . . . . . .

. . . . . .

На зарѣ взводъ литовцевъ подъ командою Нади

выѣхалъ изъ деревни и, скрывшись за опушкой лѣса, подъ покровомъ деревьевъ сталъ въ ожиданіи появленія экипажа Линдорскихъ.

Зося не заставила себя долго ждать. Скоро со стороны селенія показалась коляска, нанятая ею за баснословныя деньги подъ Москвою, и въѣхала въ лѣсочекъ.

— Ну, вотъ вы и дождались «болѣе благопріятнаго случая», сударыня, — любезно улыбаясь въ виду присутствующихъ уланъ и вѣжливо раскланиваясь съ красавицей-ротмистршей, произнесла Надя.

— О! я не знаю, какъ и благодарить васъ, господинъ поручикъ! — отвѣчалъ растроганный голосокъ Линдорской въ то время, какъ прелестное, хотя и сильно осунувшееся отъ тревоги за послѣднее время личико Зоси выглянуло изъ коляски и черные глазки, полные слезами благодарности, договорили то, чего не могли сказать уста молодой женщины.

— Я только исполняю мою обязанность повиновенія начальству! — съ дѣланной оффиціальной любезностью произнесла Надя, съ полупоклономъ приподнимаясь на стременахъ и, скомандовавъ: «Впередъ!», помчалась по гладкой лѣсной дорогѣ, осыпанной опавшей листвою.

Взводъ уланъ, окружившій коляску, послѣдовалъ за нею.

Солнце встало. Багровая полоса осенней зари словно заревомъ охватила полнеба на горизонтѣ... Въ этомъ причудливомъ освѣщеніи гигантскіе дубы и клены, и серебристыя березы въ ихъ роскошномъ осеннемъ нарядѣ казались совсѣмъ алыми, чудно зарумяненными на фонѣ пылающаго зарею неба. Съ запада потянулъ вѣтерокъ, легкій и студеный.

Раненый застоналъ и заметался въ колескѣ. Усиленная скачка подѣйствовала на него и растрясла измученное тѣло.

Изъ коляски выглянуло поблѣднѣвшее личико Зоси.

— Я прошу васъ остановиться хоть ненадолго, г. поручикъ! Моему мужу необходимъ покой и отдыхъ, — произнесла она въ волненіи, обращаясь къ скачущей около самой коляски Дуровой.

Послѣдняя съ безпокойствомъ оглянулась кругомъ и вдругъ глаза ея радостно блеснули. Въ сторонѣ отъ большой дороги лѣсъ замѣтно рѣдѣлъ и сквозь стволы деревьевъ можно было различить чью-то барскую усадьбу, одиноко пріютившуюся на полянѣ неподалеку отъ какого-то выжженнаго до-тла крестьянскаго селенія.

Чрезъ какія-нибудь пять минутъ коляска, окруженная уланами, въѣзжала на дворъ усадьбы.

Безпрепятственно проникнувъ туда сквозь чуть притворенныя ворота, они очутились среди просторнаго двора съ роскошнымъ цвѣтникомъ, разбитымъ у крыльца дома. И цвѣтникъ, и дворъ, и самый домъ казались необитаемыми. Мертвая тишина царила кругомъ. А между тѣмъ здѣсь еще вчера, казалось, ходили, дышали и двигались люди.

На окнахъ дома висѣли занавѣски. Въ цвѣтникѣ вѣяли ароматомъ пестрые цвѣты на куртинахъ. На дворѣ, между двухъ столбовъ, мѣрно покачивались подъ напоромъ усилившагося вѣтра качели. На одной изъ дорожекъ сада алѣлъ какой-то клочокъ не то пояса, не то ленты.

Этотъ странный домъ казался заколдованнымъ замкомъ спящей красавицы. Въ его мертвой тишинѣ чудилось что-то волшебное. Казалось, стоило только прозвучать чародѣйному рожку, и вмигъ по цвѣтнику и саду забѣгаютъ рѣзвыя ножки красавицъ, жалюзи приподнимутся на окнахъ и обитатели мертваго дома оживятъ веселыми голосами его гробовую тишину.

Уланы спѣшились по приказанію Нади, бережно вынули изъ коляски раненаго и на рукахъ внесли его въ домъ.

И здѣсь, какъ и снаружи, не было видно признаковъ запустѣнія, но стояла та-же ничѣмъ ненарушаемая могильная тишина. Мебель, въ порядкѣ разставленная, находилась на своихъ мѣстахъ. Цвѣты въ вазѣ тихо засыхали, доживая свой короткій вѣкъ.

На столѣ, накрытомъ для ужина, лежали остатки его въ видѣ куска курицы и сладкаго пирога, разложенныхъ на тарелкахъ.

— Ступайте на сосѣдній лугъ!—приказала своимъ уланамъ Надя.—Навьючьте лошадей сѣномъ и возвращайтесь какъ можно скорѣе сюда! Мѣшкать нельзя! Очевидно, непріятель находится неподалеку. Недаромъ же обитатели дома покинули свое гнѣздо и разбѣжались отсюда!—произнесла она вслухъ мелькнувшую въ головѣ догадку.

Солдаты не заставили повторять приказанія своего начальника и, уложивъ раненаго Линдорскаго на диванѣ, удобно пріютившемся въ углу комнаты, одинъ за другимъ поспѣшно вышли на дворъ, гдѣ ихъ ждали лошади.

Когда послѣдній изъ солдатъ скрылся изъ воротъ усадьбы и въ домѣ воцарилась прежняя мертвая тишина, больной ротмистръ, убаюканный ею, смежилъ глаза и впалъ въ дремотное забытье. Зося и Надя сѣли неподалеку отъ него, оберегая его покой.

— Когда я вернусь домой въ замокъ Канутовъ,—начала восторженнымъ шопотомъ молодая женщина,—я не замедлю разсказать всѣмъ—и Юзефу, и Рузѣ, и Ядѣ—о твоемъ великодушномъ поступкѣ. Ты—героиня, Надя! настоящая героиня! Какъ много я обязана тебѣ!

— Полно, Зося!—съ усмѣшкой остановила ее Дурова.—Что ты видишь геройскаго въ моемъ поступкѣ? Ужъ будто такъ трудно было проводить васъ черезъ лѣсъ, когда намъ все равно было откуда достать сѣно для фуража.

— Но если баронъ узнаетъ...—начала-было Линдорская.

— Какая бѣда, подумаешь!—прервала ее дѣвушка-уланъ со смѣхомъ.—Ну, отсижу сутки-другія за промедленіе на гауптвахтѣ, и все тутъ! Это даже будетъ отчасти полезно отдохнуть день-другой съ моею раненой ногой!—расхохоталась она безпечно и вдругъ разомъ осѣклась. Ея чуткое ухо уловило какой-то непривычный шумъ на дворѣ, звуки приближающихся шаговъ и шумъ нѣсколькихъ десятковъ голосовъ сразу.

— Что такое?—съ испугомъ хватая ее за руку, вскричала Линдорская.—Это французы!—произнесла она, помертвѣвъ отъ ужаса.—Мы пропали!

Надя напрягла всѣ усилія, чтобы услышать что-нибудь опредѣленное въ надвигающемся шумѣ, и не могла. Въ ушахъ ея звенѣло и отъ болѣзненной слабости, и отъ продолжительной скачки на конѣ впервые послѣ болѣзни.

— О, Господи!—простонала на-смерть перепуганная Зося.—Если это французы, что будетъ съ нами и съ нимъ?—указала она на покоившагося мирнымъ сномъ мужа.—Вѣдь они не пощадятъ его, Надя! Они—звѣри!

— Молчи, Зося!—судорожно сжимая ея руку, произнесла блѣдная какъ мертвецъ Надя.—Вѣрь, я буду защищать васъ обоихъ до послѣдней капли крови!

И, прежде чѣмъ Зося могла опомниться, Надя закрыла входную дверь, спустила темные жалюзи на окнахъ и, обнаживъ шпагу, встала у порога, готовая поразить каждаго, кто заглянетъ сюда.

Надя и Зося уже не говорили больше. Слышно было только тяжелое дыханіе больного и угрожающіе крики, доносившіеся сюда со стороны двора.

Вотъ они все слышнѣе и слышнѣе... Словъ нельзя разобрать въ общемъ гулѣ, но сомнѣнія быть уже не можетъ: это французы... Вотъ они уже на дворѣ. Вотъ

проникли въ цвѣтникъ и бѣгутъ къ дому... Сердце въ груди Нади дрогнуло и остановилось. Она нервно сжала правой рукой рукоятку сабли и, выхвативъ лѣвой револьверъ изъ кобуры, приготовилась встрѣтить выстрѣломъ еще невидимыхъ враговъ.

Вдругъ что-то большое и тяжелое ударилось объ окно. Стекло со звономъ посыпалось на полъ и чье-то лицо съ всклокоченной рыжей головой показалось въ немъ.

Грянулъ выстрѣлъ и голова исчезла такъ-же быстро, какъ и появилась.

За окномъ послышалось ругательство, произнесенное на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ.

— Что такое?—вскричала недоумѣвающая Надя и въ три прыжка очутилась у окна.

По двору отъ воротъ неслась цѣлая ватага крестьянъ, вооруженныхъ кольями, граблями и даже серпами. Они бѣжали прямо къ дому, размахивая своимъ случайнымъ оружіемъ, неистово горланя что-то, чего за общимъ воемъ нельзя было разобрать. А подъ окномъ, скорчившись и охая, сидѣлъ какой-то невзрачный мужичонко и теръ лѣвую руку, по которой медленно скатывалась алая струйка крови.

— Нашъ! Русскій!—вскричала ошеломленная Надя.—Я ранила русскаго!—вырвалось со стономъ изъ ея груди.

— Русскій и впрямь!—ноющимъ голосомъ произнесъ мужичонко, въ добродушномъ лицѣ котораго не было рѣшительно никакого сходства съ французомъ,—и то, оплошали мы,—тянулъ онъ, морщась и ежась отъ боли,—приняли за хранцузовъ вашу милость! Не извольте гнѣваться!—глупо улыбаясь и растирая окровавленную руку, присовокупилъ онъ.—И то оплошали... Сенька гритъ: «полѣзай, Яшка, на развѣдки»... Я и полѣзъ живымъ духомъ, а ты тутъ какъ тутъ и садани изъ окна...

— Но ты раненъ, несчастный?—въ волненіи спрашивала Надя, склоняясь надъ все еще сидѣвшимъ на землѣ мнимымъ французомъ.

— Не то чтобъ гораздъ!—весело отозвался тотъ.— Бабка-знахарка до свадьбы залѣчитъ... А эвось и наши прискакали!—мотнулъ онъ головою въ сторону бѣгущей толпы.

Крестьяне вмигъ окружили Надю.

Впереди толпы выступилъ высокій малый и, почесывая затылокъ, пояснилъ дѣвушкѣ, что они «промахнулись маненечко», принявши пріютившееся въ пустой усадьбѣ общество за французовъ.

Крестьяне, очевидно, были немало смущены событіемъ. Они переминались съ ноги на ногу и косились на раненаго Яшку, который успѣлъ уже унять кровь и завязать оторваннымъ клочкомъ рубахи окровавленную руку.

Это былъ одинъ изъ партизанскихъ отрядовъ, которыхъ было немало во время отечественной войны. Помѣщики вооружали чѣмъ попало свою дворню, и цѣлыя села сосѣднихъ крестьянъ изъ засады нападали такими импровизированными «отрядами» на французовъ, всегда неожиданно и врасплохъ.

Узнавъ отъ Нади о томъ, что въ домѣ находится тяжело-раненый, котораго необходимо доставить до безопаснаго мѣста, предводитель отряда, высокій Сенька, предложилъ сопровождать путешественниковъ.

Вышедшая на крыльцо и совершенно успокоившаяся отъ своего испуга Зося съ радостью ухватилась за это предложеніе. Больной ротмистръ, отдохнувшій и выспавшійся, могъ снова продолжать путь.

Надѣ и ея уланамъ нельзя было мѣшкать болѣе, ни удаляться дальше отъ полка. Вернувшіеся съ фуражомъ солдаты бережно перенесли раненаго ротмистра въ коляску и положили его на груду сѣна. Зося укрыла

его шалью и, устроивъ очень комфортабельно больного мужа, подошла проститься къ Надѣ. Въ ея глазахъ блестѣли слезы. Молодой Линдорской казалось теперь, что она уже никогда болѣе не увидитъ своего отважнаго друга.

Кругомъ нихъ стояли уланы и партизаны, и обѣимъ женщинамъ нельзя было проститься на виду у нихъ такъ, какъ бы имъ хотѣлось.

— Будьте счастливы, Александръ Андреевичъ!— произнесла, сжимая руку Дуровой, Зося голосомъ, полнымъ участія и ласки, въ то время, какъ глаза ея говорили иное: «Надя, другъ мой, сестра моя, прощай!»

Потомъ она заняла мѣсто подлѣ мужа, и тройка, окруженная вооруженнымъ крестьянскимъ отрядомъ, медленно скрылась изъ виду.

— Слава Богу! удалось помочь имъ выбраться отсюда!—произнесла со вздохомъ облегченія Надя и хотѣла уже сѣсть на лошадь, но вдругъ внезапная слабость охватила ея тѣло. Голова закружилась. Холодный потъ выступилъ на лбу. И, не подоспѣй одинъ изъ уланъ ея взвода,—она-бы безъ чувствъ грохнулась на траву.

Контуженная нога дѣвушки давала себя теперь сильно знать.

— Мнѣ не доѣхать съ вами, ребята! Поѣзжайте одни!—приказала она слабымъ голосомъ унтеръ-офицеру, старшему изъ отряда.—А я отдохну немного и догоню васъ въ пути.

И отпустивъ уланъ, она, тяжело опираясь на саблю, съ трудомъ добрела до крыльца дома и въ изнеможеніи опустилась на тотъ самый диванъ, гдѣ за полчаса до этого отдыхалъ раненый Линдорскій.

Лишь только голова дѣвушки прикоснулась къ мягкимъ подушкамъ дивана, какъ отяжелѣвшія вѣки ея сомкнулись, и Надя забылась тѣмъ глубокимъ сномъ,

безъ всякихъ грезъ и видѣній, который овладѣваетъ обыкновенно выздоравливающими людьми.

Надѣ не суждено было догнать своего отряда. Она проспала весь вечеръ и всю ночь, какъ мертвая, и только, когда скупое осеннее солнце слабо заиграло на полу и окнахъ горницы, Надя съ трудомъ открыла заспанные глаза и съ удивленіемъ стала оглядываться на чужую, незнакомую обстановку.

Этотъ пустынный домъ, эта, словно заколдованная тишина покинутыхъ горницъ казались дѣвушкѣ продолженіемъ сна. Но мало-по-малу мысли ея прояснились.

«Линдорскій... Зося... фуражировка...»

Все это вихремъ пронеслось въ ея мозгу и сердце ея сжалось.

Педантичный, сухой и строгій Штакельбергъ не проститъ ей ея отлучки, не проститъ за вернувшійся безъ ея начальства отрядъ.

Надо мчаться какъ можно скорѣе въ полкъ и по возможности оправдать себя передъ лицомъ начальства.

И, отвязавъ мирно пощипывавшаго траву въ цвѣтникѣ Зеланта, Надя проворно замундштучила его и вихремъ понеслась къ полковой стоянкѣ.

. . . . . .

. . . . . .

— Гдѣ вашъ отрядъ, г. поручикъ?

— Я полагаю, ваше превосходительство...

— Тутъ нечего полагать, г. поручикъ! Или вы не знаете, что мѣсто начальника взвода впереди своего отряда? Я послалъ васъ за фуражемъ. Прошли сутки и вотъ вы являетесь одинъ безъ ввѣренныхъ вамъ людей отряда. Гдѣ они? Потрудитесь мнѣ отвѣчать!

Лицо Штакельберга, позеленѣвшее отъ злости, такъ и дергало судорогой. Глаза чуть не вылѣзали изъ орбитъ. Онъ теръ себѣ щеку по привычкѣ и смотрѣлъ на Надю взоромъ, не предвѣщающимъ ничего хорошаго.

А Надя, блѣдная, взволнованная не менѣе самого командира, была полна неясной тяжелой тревоги за свой отрядъ.

Въ самомъ дѣлѣ, куда онъ могъ дѣваться? Почему ея уланы не вернулись въ полкъ, когда она приказала унтеръ-офицеру скакать прямо къ русскимъ позиціямъ? Неужели?..

И холодный потъ ужаса выступилъ на лицо дѣвушки.

«Имъ могли встрѣтиться французы и весь взводъ перебитъ, какъ одинъ человѣкъ», — подсказывала ей услужливая мысль, наполняя адскимъ холодомъ все ея существо.

«Перебиты французами!» — мысленно въ ужасѣ говорила дѣвушка.

О! какая это будетъ жестокая кара за минуту, только одну минуту безсилія, болѣзненнаго безсилія и слабости, которую была не въ состояніи побороть ея женская природа. Да и виновата-ли она въ ней, когда ей измѣнили силы, и контуженная нога не позволяла двинуться съ мѣста? О! теперь она сто разъ проклинаетъ свою опрометчивость! Зачѣмъ она не послушалась увѣщаній Киріака, не пускавшаго ее съ перевязочнаго пункта, и вернулась въ полкъ съ едва залѣченной, но далеко не вылѣченной ногой!

— Вы повѣса! — приходя все въ большее и большее бѣшенство, уже неистово кричалъ Штакельбергъ. — Вы никуда негодный офицеръ и служака! Вамъ нельзя довѣрять ни одного солдата! Вы недостойны носить этого знака! — указывая на бѣлый георгіевскій крестикъ, висѣвшій на груди Нади, заключилъ онъ чуть ли не съ пѣной у рта.

О! Это было уже слишкомъ! Вся кровь бросилась въ лицо дѣвушки. Обида была слишкомъ чувствительна и незаслуженна притомъ.

— Вы не можете меня такъ оскорблять, г. баронъ! — внѣ себя вскричала Надя. — Этотъ знакъ отличія мнѣ пожалованъ самимъ государемъ, и не каждый можетъ получить его! — произнесла она дрожащимъ отъ негодованія голосомъ, и взоръ ея, помимо ея воли, скользнулъ по груди генерала, на которой среди всевозможныхъ орденовъ не бѣлѣлъ, однако, скромный георгіевскій крестикъ.

Съ минуту Штакельбергъ молчалъ. Это было ужасное молчаніе. Онъ задыхался. Лицо его побагровѣло, глаза почти выкатывались изъ орбитъ. Спустя минуту онъ разразился неистовымъ крикомъ.

— Вы смѣете отвѣчать?!.. Разстрѣлять! Немедленно разстрѣлять! Подъ судъ! Повѣса! Бездѣльникъ! Разстрѣлять! — гремѣлъ его голосъ.

Синяя, толстая, какъ веревка, жила вспухла у него на лбу. Лицо исказилось бѣшенствомъ. Кулаки сжались. Онъ стоялъ передъ Надей съ такимъ видомъ, точно готовился растерзать ее на мѣстѣ.

— Извольте успокоиться, ваше превосходительство! — съ неуловимой улыбкой презрѣнія произнесла Надя и, прежде чѣмъ Штакельбергъ могъ придти въ себя, съ легкимъ поклономъ щелкнула шпорами, сдѣлала условный оборотъ налѣво и скрылась за дверью.

У крыльца командирской квартиры уже толпились ея товарищи и друзья.

— Что такое? Что такое? — такъ и накинулись они съ вопросами, лишь только взволнованная и блѣдная, какъ смерть, Надя появилась на порогѣ.

Но она, словно не видя ихъ и не произнося ни слова, вскочила на Зеланта, котораго держалъ на поводу у крыльца ординарецъ-солдатъ и быстрымъ аллюромъ поѣхала по улицѣ селенія.

— Отыскать отрядъ, отыскать во что-бы то ни

стало! — безсознательно для нея самой шептали губы дѣвушки. — Во что-бы то ни стало отыскать, а потомъ...

Но что будетъ потомъ, Надя рѣшительно не знала. Оставаться въ полку послѣ всего, что произошло, послѣ незаслуженнаго оскорбленія, а еще болѣе послѣ угрозы разстрѣлять ее — ее, Надю, уже успѣвшую снискать себѣ репутацію храбраго офицера! О! это было-бы непростительной женской слабостью! А что, если это не угроза только, а она, Надя, на самомъ дѣлѣ достойна такой участи и подлежитъ военному суду?

Военный судъ! Казнь! Разстрѣлъ! О, ужасъ! Ужасъ!

И внутренній холодъ пронизалъ все ея существо.

Положимъ, она виновата, что допустила себя уснуть и позволила отряду вернуться одному... Но вчера она была чуть жива отъ слабости, и эта проклятая контузія давала себя знать. Не такъ ужъ велика ея вина, чтобы за нее взыскивать такимъ наказаніемъ!

И, вся содрогаясь отъ негодованія, она безсознательно дала шпоры Зеланту и понеслась впередъ.

— Александровъ! Саша! Да остановись-же ты, ради Бога! — послышалось за нею, и фигурка маленькаго Шварца, верхомъ на конѣ, неожиданно выросла по сосѣдству съ Надей.

— Что еще? — произнесла та, сморщивъ свои черныя брови и угрюмо взглянувъ на него.

— Твои люди вернулись! Взводъ вернулся! Всѣ до единаго! Они пришли другой дорогой, такъ какъ прежняя уже занята непріятелемъ, — захлебываясь и волнуясь, передавалъ Шварцъ. — Да куда-же ты, Саша? — съ удивленіемъ спросилъ онъ, видя, что его другъ продолжаетъ ѣхать впередъ, не убавляя шагу. — Ѣдемъ въ селеніе! Тебѣ необходимо принять взводъ и сдать его командиру!

И добрый, маленькій Шварцъ съ молящимъ выраженіемъ въ глазахъ заглянулъ въ глаза Дуровой.

Надя разомъ осадила Зеланта.

— Взводъ вернулся, ты говоришь?—спросила она какимъ-то страннымъ, почти незнакомымъ Шварцу голосомъ, глухимъ и безучастнымъ, какимъ говорятъ обыкновенно трудно-больные.

— Да, да! вернулся! вернулся!—радостно закивалъ тотъ головою.

— Слава Богу!—съ облегченнымъ вздохомъ произнесла Надя и, снявъ съ головы фуражку, осѣнила себя крестомъ.—Слава Богу, Шварцъ,—повторила она еще разъ,—потому что гибель этихъ людей легла-бы тяжелымъ камнемъ на мою душу. А теперь прощай!—заключила неожиданно она и, прежде чѣмъ маленькій Шварцъ могъ опомниться и произнести слово, пришпорила Зеланта и вихремъ помчалась впередъ.

— Куда ты? Куда ты?—несся вдогонку за нею изступленный голосъ маленькаго офицера.

«Куда»—отдалось вопрошающимъ звукомъ въ сердцѣ Нади.

Куда?.. Она и сама не знала этого покамѣстъ. Ее преслѣдовало пока одно стремленіе, одно желаніе: уйти! ускакать! во-что бы то ни стало, дальше, какъ можно дальше отъ того мѣста, гдѣ обожгла ее впервые незаслуженная обида, гдѣ она узнала всю горечь, весь ужасъ неизгладимаго оскорбленія!

И она неслась все быстрѣе и быстрѣе, безсознательно всаживая шпоры въ крутые бока Зеланта, съ помутившимися мыслями и съ помутившимися глазами отъ жгучихъ и безсильныхъ дѣвичьихъ слезъ...

ГЛАВА VII.

Дѣдушка Кутузовъ.

ДОМА свѣтлѣйшій?

Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ молоденькимъ безусымъ офицеромъ Литовскаго полка, соскочившимъ съ коня у крыльца штабъ-квартиры, гдѣ находился въ это время фельдмаршалъ, главнокомандующій свѣтлѣйшій князь Кутузовъ.

Высокій, бравый солдатъ-ординарецъ принялъ поводъ изъ рукъ офицера и почтительно доложилъ, отчеканивая каждое слово:

— Извольте пройти къ адъютанту ихъ свѣтлости, ваше высокородіе!

— А кто дежурный адъютантъ сегодня?—спросила Надя (такъ какъ молоденькій литовскій уланъ—была она).

— Капитанъ Дзшинканецъ!

Получивъ отвѣтъ, Надя, придерживая саблю и замѣтно хромая на контуженную ногу, съ трудомъ взобралась на крыльцо и прошла въ домъ, занятый штабомъ главнокомандующаго. Въ передней она увидѣла нѣсколько адъютантовъ.

— Я лично слышалъ отъ Кутайсова,—говорилъ одинъ изъ нихъ, необычайно высокій и тонкій, какъ жердь, офицеръ.—Растопчинъ напечаталъ афиши съ воззваніемъ къ москвитянамъ защищать бѣлокаменную до послѣдняго вздоха.

— А между тѣмъ ходитъ слухъ о приказѣ усту-

пить ее безъ боя, — вмѣшался нервный, подвижной капитанъ съ серебрянымъ аксельбантомъ черезъ плечо.

— Этого не будетъ! — вспыхнувъ до корней волосъ, произнесъ съ горячностью высокій. — Самъ свѣтлѣйшій передъ Бородинскимъ боемъ...

— Ахъ, батенька! то было до Бородинскаго боя, — прервалъ его черноглазый, смуглый, курчавый офицеръ съ нерусскимъ акцентомъ, — а то...

И вдругъ разомъ умолкъ, замѣтивъ литовскаго улана, скромно остановившагося у двери. Сдѣлавъ жестъ, приглашающій къ молчанію, онъ подошелъ къ вновь прибывшему.

А литовскій уланъ, успѣвшій кое-что уловить изъ разговора адъютантовъ, пришелъ въ необычайное волненіе.

Афиши Растопчина? Уступятъ безъ боя? Что это? Неужели слухъ не обманулъ ее, Надю, и Москву, первопрестольную русскую столицу, уступятъ безъ боя негоднымъ французамъ?!

Эта мысль такъ всецѣло овладѣла дѣвушкой, что подошедшему адъютанту надо было вторично повторить вопросъ, по какому дѣлу пожаловалъ сюда г. поручикъ.

— Мнѣ необходимо видѣть главнокомандующаго! — произнесла, вся вспыхнувъ отъ смущенія, Надя. — Мнѣ...

— Это невозможно! — пожавъ плечами, прервалъ ее адъютантъ. — Свѣтлѣйшій занятъ и врядъ-ли приметъ васъ въ данное время. Понавѣдайтесь дня черезъ три, можетъ быть тогда вы будете счастливѣе!

— Но это невозможно! — пылко вырвалось изъ груди Нади. — Ждать три дня! О, господинъ капитанъ! это цѣлая вѣчность...

Въ такомъ случаѣ, — началъ адъютантъ, — передайте вашу просьбу мнѣ. Я Дзшинканецъ, адъютантъ свѣтлѣйшаго. Не угодно-ли вамъ будетъ изложить ваше

дѣло, а я при первомъ-же удобномъ случаѣ передамъ его фельдмаршалу.

— Но мнѣ надо лично видѣть главнокомандующаго! — произнесла дрожащимъ голосомъ Надя. — Увѣряю васъ, мнѣ это необходимо! — добавила она съ такимъ выраженіемъ мольбы въ увлажнившемся взорѣ, что сердце кудряваго офицера разомъ смягчилось.

Этотъ тоненькій, молоденькій, казавшійся почти мальчикомъ, уланъ почему-то возбудилъ въ немъ непонятное сочувствіе къ своей особѣ.

— Потрудитесь обождать въ такомъ случаѣ! — умышленно-рѣзко произнесъ Дзшинканецъ, маскируя этой напускной рѣзкостью свое сочувствіе къ молоденькому улану и, открывъ дверь въ слѣдующую комнату, исчезъ за нею.

Черезъ минуту онъ вышелъ снова и, бросивъ Надѣ краткое: «свѣтлѣйшій проситъ», подошелъ къ группѣ офицеровъ, гдѣ снова закипѣлъ, прерванный было появленіемъ Нади, разговоръ.

Едва держась на ногахъ, частью отъ физической слабости, частью вслѣдствіе нервныхъ потрясеній послѣднихъ дней, переступила Дурова порогъ комнаты и очутилась въ кабинетѣ фельдмаршала.

Свѣтлѣйшій князь Голенищевъ-Кутузовъ стоялъ у стола, склонившись всей своей грузной фигурой надъ разложенными картами. Толстые пальцы главнокомандующаго вертѣли карандашъ, которымъ онъ поминутно дѣлалъ какія-то помѣтки на картахъ. Старое, толстое, обрюзглое лицо великаго полководца съ однимъ живымъ глазомъ, со шрамомъ вдоль щеки, было совсѣмъ близко отъ Нади. Очень высокій, блѣдный, съ челомъ, увѣнчаннымъ сѣдыми кудрями, онъ производилъ неизгладимое впечатлѣніе добрымъ, открытымъ лицомъ маститаго, убѣленнаго временемъ 70-лѣтняго героя.

На немъ былъ темнозеленый съ краснымъ ворот-

никомъ генеральскій сюртукъ, изъ-подъ котораго бѣлѣлъ пикейный жилетъ ослѣпительной чистоты. На лѣвой сторонѣ груди сіяла золотая георгіевская звѣзда 2-й степени.

— Что тебѣ, дружокъ мой?—мелькомъ, но ласково взглянувъ на вошедшую Надю, спросилъ свѣтлѣйшій.

Что-то родное, давно забытое, и теперь вспомнившееся разомъ, всколыхнулось въ сердцѣ дѣвушки при первомъ же звукѣ этого ласковаго голоса, при видѣ этого простого, милаго, старческаго лица, отъ котораго повѣяло на нее почему-то далекимъ невозвратнымъ временемъ дѣтства, чѣмъ-то близкимъ и хорошимъ, неизъяснимо хорошимъ безъ конца.

И нѣжное дѣвичье сердце, отвыкшее-было за эти долгіе годы отъ теплой, родственной ласки, разомъ закипѣло въ груди Нади. Этотъ голосъ словно всколыхнулъ всѣ лучшія струны ея души. Такъ, такимъ голосомъ, съ такимъ безконечнымъ выраженіемъ доброты могъ только спрашивать отецъ въ былое время, такъ могла говорить старая бабуся Александровичъ и милый, незабвенный ея дядька Асташъ!

А теперь такъ заговорилъ съ нею, смугленькой Надей, и великій «дѣдушка» русской арміи—Кутузовъ.

И разомъ, и незаслуженная обида, и оскорбленіе со стороны Штакельберга, и физическая слабость, и рядъ кровавыхъ ужасовъ войны послѣдняго времени—все смѣшалось въ одно цѣлое и встало передъ нею, придавливая ее тяжестью своихъ впечатлѣній... Она какъ бы снова обратилась въ маленькую, слабенькую дѣвчурку-Надю, жаждавшую всю свою жизнь заботы и родственной ласки. Слезы жгучимъ потокомъ заклокотали въ ея горлѣ. Силясь удержать ихъ, она закрыла лицо руками, и вдругъ изъ-подъ тонкихъ дѣвичьихъ пальцевъ вырвались какіе-то глухіе, странные, всхлипывающіе звуки.

Натянутые до-нельзя нервы не выдержали: она зарыдала.

— Что съ тобой, дружокъ мой? Что съ тобой, бѣдный мальчуганъ?—послышалось надъ самымъ ухомъ Нади, и пухлая бѣлая рука дѣдушки-Кутузова легла на ея эполетъ.

Съ усиліемъ оторвавъ руки отъ лица, сплошь залитаго слезами, Надя заговорила дрожащимъ, прерывающимся отъ рыданій, голосомъ:

— Ваша свѣтлость! не откажите мнѣ въ милости... Я прибѣгаю къ вашей защитѣ... Возьмите меня къ себѣ, ваша свѣтлость... Сдѣлайте вашимъ ординарцемъ... Я пришелъ умолять васъ объ этомъ! Не откажите мнѣ!..

— Но какая-же причина руководитъ тобою въ этой просьбѣ, дружокъ?—снова мягкимъ вопросомъ прозвучалъ старческій голосъ главнокомандующаго.

Вся кровь бросилась въ лицо Надѣ. Алая отъ возбужденія при одномъ воспоминаніи о незаслуженной обидѣ, она откровенно, какъ на духу, повѣдала свѣтлѣйшему про угрозы и гнѣвъ Штакельберга. Не скрывъ ни единаго слова, смѣло вперивъ глаза въ единственный глазъ великаго полководца, глядѣвшій на нее съ замѣтнымъ сочувствіемъ и лаской, дрожа отъ волненія, она говорила, задыхаясь, въ охватывающемъ ее порывѣ.

— Я не щадилъ своей жизни, защищая честь и славу родного отечества,—пылко срывалось слово за словомъ съ устъ дѣвушки,—и заслужилъ репутацію храбраго офицера среди начальства и однополчанъ. Я не заслуживаю, ваша свѣтлость, угрозы быть разстрѣляннымъ...

Тутъ она разомъ осѣклась.

По полному, обрюзгшему, доброму лицу Кутузова медленно проползла чуть примѣтная тонкая усмѣшка. При словахъ «храбраго офицера» губы фельдмаршала

чуть дрогнули и единственный его глазъ блеснулъ недовѣріемъ и насмѣшкой.

Надя поняла значеніе этой насмѣшки и покраснѣла отъ корней волосъ до самаго края воротника мундира.

Фельдмаршалъ не вѣритъ ей! Фельдмаршалъ сомнѣвается въ ея словахъ!

И фельдмаршалъ дѣйствительно сомнѣвался. Этотъ молоденькій мальчикъ-уланъ, возбудившій въ немъ—старомъ, опытномъ человѣкѣ, такое сочувствіе въ первую минуту своими слезами, разомъ разонравился ему этой опрометчивой фразой, сквозящею самохвальствомъ и тщеславіемъ.

Но онъ не поддался, однако, первому впечатлѣнію непріязни и, насколько могъ ласковѣе, спросилъ Надю:

— Почему же ты имѣешь основаніе считать себя храбрымъ, дружокъ?

Тогда потупленный было взоръ Нади сверкнулъ рѣшимостью. Лицо вспыхнуло ярче, точно какая-то тяжесть упала съ ея души.

— Въ прусскую кампанію, ваша свѣтлость, всѣ мои начальники остались довольны мною, и самъ государь удостоилъ меня знакомъ отличія!—произнесла со скромнымъ достоинствомъ дѣвушка.

— Въ прусскую кампанію?—и сѣдыя брови Кутузова изумленно поднялись на лбу.—Развѣ ты служилъ въ прусскую кампанію, дружокъ? Который-же годъ тебѣ, однако? Ты мнѣ кажешься 16-лѣтнимъ мальчикомъ, право!

— Никакъ нѣтъ, ваша свѣтлость! Мнѣ уже 23-й годъ отъ роду,—почтительно доложила Надя.

— Какъ твое имя, дружочекъ? Я плохо разслышалъ его при докладѣ дежурнаго,—снова спросилъ свѣтлѣйшій.

— Александровъ, ваша свѣтлость!

— Александровъ?—изумленно переспросилъ тотъ.—

Александровъ?..—повторилъ онъ раздумчиво.—Не родственникъ-ли ты, дружочекъ, герою Александрову, нареченцу нашего царя?

Надя вся вспыхнула при этихъ словахъ, потомъ поблѣднѣла и, снова вспыхнувъ заревомъ румянца, произнесла чуть слышно, вся малиновая отъ смущенія:

— Я и есть тотъ самый Александровъ, ваша свѣтлость, нареченецъ государя.

Что-то неуловимое промелькнуло въ добромъ старомъ лицѣ Кутузова, и его единственный глазъ блеснулъ слезою.

— Вотъ кто ты, дружокъ мой!—произнесъ онъ въ неизъяснимомъ порывѣ отеческой ласки и горячо обнялъ смущенную и трепещущую Надю.

Дѣвушка прильнула къ сильной, мужественной груди, и слезы новымъ потокомъ оросили ея лицо.

— Какъ я радъ, что вижу наконецъ героя, о которомъ пришлось такъ много слышать!—звучалъ надъ ея ухомъ милый старческій голосъ «дѣдушки» русскаго войска, голосъ, по одному звуку котораго двигались въ бой сотни тысячъ солдатъ.

— Съ сегодняшняго-же дня,—говорилъ этотъ голосъ задыхающейся отъ счастья Надѣ,—я назначаю тебя моимъ безсмѣннымъ ординарцемъ. А насчетъ барона ты не безпокойся, дружокъ! Это пустая угроза. Онъ погорячился зря и теперь навѣрное уже раскаивается въ своей вспышкѣ. А теперь ступай, дружокъ мой, и помни, что старый Кутузовъ отнынѣ будетъ твоимъ оплотомъ и защитой!—заключилъ старикъ и еще разъ обнялъ Надю.

Дѣвушка низко поклонилась маститому старцу и двинулась было къ двери.

— Что это? Ты хромаешь?—остановилъ ее новый вопросъ стараго фельдмаршала.

— Такъ точно, ваша свѣтлость.

— Ты раненъ?

— Контуженъ въ ногу гранатой при Бородинѣ...

— Контузія гранатой и ты на ногахъ, и при войскѣ?..—изумленно вскричалъ свѣтлѣйшій.— Вотъ что, голубчикъ!—добавилъ, замѣтно взволнованнымъ голосомъ, свѣтлѣйшій.—Жизнь такихъ храбрецовъ, какъ ты, особенно дорога отечеству, потому ты долженъ беречь ее во что бы то ни стало. Завтра-же ты зайдешь въ мою канцелярію... Я дамъ тебѣ подорожную и деньги изъ моихъ личныхъ суммъ и поѣзжай домой въ отпускъ, дружокъ, чтобы вылѣчиться и отдохнуть какъ слѣдуетъ у себя на родинѣ.

— Ваша свѣтлость!—горячо запротестовала Надя.— Уѣхать изъ арміи теперь, въ такое время, когда даже и не знающіе военнаго дѣла крестьяне идутъ сражаться! Уѣхать теперь! Нѣтъ, нѣтъ, ваша свѣтлость! не отсылайте меня теперь въ такое тяжелое для родины время!

— О!—не то съ грустью, не то съ легкой досадой проронилъ свѣтлѣйшій,—ты еще успѣешь попасть къ самому разгару событій... Настоящее дѣло еще и не начиналось, дружочекъ! Ты отдохнешь и вернешься сюда ко мнѣ моимъ личнымъ ординарцемъ, а теперь поѣзжай съ Богомъ и пуще всего береги себя... Повторяю, дружокъ: такіе солдаты, какъ ты, необходимы милой родинѣ.

При этой похвалѣ дыханіе сперлось отъ счастья въ груди Нади.

Самъ свѣтлѣйшій, самъ Кутузовъ отличилъ и сказалъ ей это!

И болѣзненная контузія, и обида, нанесенная Штакельбергомъ, и послѣднія тяжелыя событія,—все какъ-то разомъ отступило отъ нея.

Кутузовъ похвалилъ ее! Самъ Кутузовъ! Оплотъ и надежда всей великой русской арміи, всего великаго русскаго народа!

Словно въ туманѣ вышла она изъ комнаты главнокомандующаго и только на крыльцѣ штабъ-квартиры вспомнила о другомъ счастьѣ, дарованномъ ей судьбою. Вспомнила и затрепетала всѣмъ тѣломъ.

Домой!.. Она можетъ ѣхать домой! Домой на Каму! Къ отцу... Васѣ... къ дорогимъ, милымъ, ѣхать теперь, обласканная своимъ новымъ защитникомъ, отличенная самимъ царемъ, съ георгіевскимъ крестомъ на груди, съ офицерскими эполетами на плечахъ!.. Все, чего такъ смутно жаждала ея душа—свершилось. Ея мечты—сбылись... мечты смугленькой дѣвочки... И отецъ ея, милый, дорогой отецъ, можетъ гордиться ею!..

ГЛАВА VIII.

Французы въ Москвѣ.—Дома.

СВѢТЛЫЙ денекъ студеной ранней осени повисъ надъ златоглавою русской столицей. Всѣ ея сорокъ-сороковъ куполовъ церквей и соборовъ сіяли тысячами искръ въ лучахъ солнца.

Къ 4-мъ часамъ пополудни къ Дорогомиловской заставѣ подошли передовыя линіи французскаго войска.

Впереди него, на сильной молодой лошади, ѣхалъ плотный маленькій человѣчекъ въ треугольной шляпѣ, окруженный блестящею свитой изъ первыхъ французскихъ маршаловъ и генераловъ. Маленькій человѣчекъ пропустилъ передъ собою церемоніальнымъ маршемъ находившіеся подъ начальствомъ вице-короля Неаполитанскаго Мюрата полки въ городъ, а самъ остался у заставы, окруженный своими неизмѣнными любимцами: генералами Даву, Мартье, Неемъ и другими.

Легко спрыгнувъ съ коня, почтительно принятаго у него подъ уздцы однимъ изъ окружающихъ адъютантовъ, Наполеонъ сталъ быстро ходить передъ заставой, заложивъ руки за спину, нервной походкой человѣка, который уже давно ждетъ и которому ждать уже порядочно надоѣло. Еще сегодня съ утра, любуясь съ высоты своихъ позицій Москвою, раскинувшейся передъ нимъ во всей своей красотѣ, маленькій человѣчекъ съ наслажденіемъ мечталъ о той минутѣ, «московскіе бояре» поднесутъ ему ключи этой

Москвы, прославленной столицы русскаго царства, такіе-же ключи, какіе поднесли ему уже и гордая Вѣна, и Берлинъ, и Вильно, и итальянскіе города, приведенные въ зависимость имъ, непобѣдимымъ Наполеономъ.

Москва—это сердце Россіи, до которой ему было такъ трудно добраться, и которая обошлась такъ дорого, такъ возмутительно дорого его великой французской арміи!

И вотъ онъ у Москвы, маленькій Бонапарте, покорившій большую часть вселенной...

— Но что-же медлятъ они, почему не выходятъ депутаты съ ключами изъ города?—уже начиная раздражаться, нетерпѣливо обращается онъ къ почтительно окружающимъ его генераламъ.

Но генералы молчатъ... На ихъ лицахъ выражается недоумѣніе и усталость... О, эти русскіе! Какъ долго они заставляютъ томиться ожиданіемъ генія-императора, побѣдившаго полміра!..

Императоръ между тѣмъ словно оживился. По его полному лицу пробѣжала улыбка...

Вдали поднялось облако пыли и несется къ нимъ со стороны города... Это, несомнѣнно, московскіе бояре торопятся изъявить знаки покорности ему—счастливому побѣдителю безъ боя занятой русской столицы. О! Наконецъ-то!

Но это не бояре, нѣтъ! Адъютантъ вошедшаго уже въ городъ Мюрата съ быстротою вихря несется къ заставѣ и приноситъ роковую вѣсть: «Москва покинута жителями!.. Москва пуста!»

— Moskou déserte? *) — бросаетъ свою знаменитую фразу французскій императоръ, фразу, подхваченную впослѣдствіи исторіей, и въ бѣшенствѣ топаетъ ногою.

И съ этой исторической фразой, съ минуты безсиль-

*) Москва бѣжала?

наго гнѣва толстаго человѣчка въ треугольной шляпѣ, судьба чуть-ли не впервые поворачиваетъ спину своему любимцу.

Москва покинута жителями! Москва пустынна! А черезъ нѣсколько часовъ позднѣе она уже пылала, эта самая Москва, подожженная со всѣхъ концовъ самими москвитянами... И со дня пожара начались безконечныя бѣдствія Наполеона. Неудача за неудачей вихремъ посыпались по волѣ причудливой судьбы на его великую армію... За пожаромъ наступилъ голодъ, а за нимъ слѣдомъ появился и другой гость, еще болѣе нежеланный и лютый. Этотъ гость былъ любимый гость сѣверянъ, тотъ, чьего присутствія не выносили изнѣженные теплымъ климатомъ французы. Этотъ гость былъ—славный русскій дѣдушка-морозъ, немилосердно пощипывавшій непривычныхъ къ его студеной ласкѣ южанъ А въ это же время, по приказанію другого дѣдушки—Кутузова—русскими войсками, подъ начальствомъ славнаго Милорадовича, маршалъ Даву, любимецъ Наполеона, былъ отрѣзанъ и разбитъ подъ Вязьмой. Потомъ неумолимый и безстрашный Платовъ нагналъ вице-короля Евгенія и разбилъ его въ конецъ подъ Краснымъ. Теперь русскіе со всѣхъ сторонъ тѣснили и гнали враговъ, гнали и тѣснили вплоть до самой Березины, которую обезумѣвшіе подъ этимъ натискомъ враги едва перешли, оставивъ около 60,000 войска, частью убитыми, частью закоченѣвшими отъ стужи въ непроходимыхъ лѣсахъ Россіи, частью потонувшими во время переправы черезъ Березину, или попавшими въ плѣнъ...

А маленькій человѣчекъ, проигравъ большую игру, умчался въ Парижъ, потерявъ въ Россіи большую часть своего, закаленнаго въ бояхъ, славнаго войска...

. . . . . .

Въ ту ночь, когда Наполеонъ съ высоты крем-

левскихъ палатъ смотрѣлъ, полный недоумѣнія и тревоги, на пылавшія зданія Москвы, къ маленькому, захолустному вятскому городишкѣ, Сарапулю, подъѣзжала взмыленная тройка, запряженная въ легкій возокъ. На козлахъ сидѣлъ возница-татаринъ.

Изъ возка выглядывало усталое, блѣдное лицо молоденькаго безусаго офицера.

— Скоро-ли, Ахметъ?—произнесъ нетерпѣливымъ голосомъ офицерикъ какъ разъ въ ту минуту, когда возокъ въѣхалъ въ городъ и запрыгалъ по узкимъ, кривымъ городскимъ улицамъ.

Голосъ молоденькаго офицерика замѣтно дрожалъ при этомъ вопросѣ.

Татаринъ молча указалъ кнутомъ куда-то въ пространство. Офицеръ, выглянувшій изъ возка, сталъ напряженно вглядываться по указанному направленію.

Что-то смутное, радостное и тоскливое въ одно и то же время властно наполнило теперь сердце молоденькаго офицерика, или Нади Дуровой, ѣхавшей въ возкѣ. Ей разомъ припомнилась такая-же точно безпросвѣтная октябрьская ночь, повисшая надъ Камой, и громадный, ярко иллюминованный садъ городничаго, и она сама, смугленькая Надя, въ бѣломъ платьицѣ, съ толстою косою вдоль спины и широко-раскрытымъ, вѣчно вопрошающимъ что-то у судьбы взоромъ. Шесть долгихъ лѣтъ отдѣляютъ ее отъ того времени, отъ той роковой ночи, когда смуглая дѣвочка, пренебрегшая всѣми законами природы и общества, ушла тайкомъ изъ родительскаго дома, унося подъ грубымъ сукномъ казачьяго чекменя сердце, жаждущее иной, славной, не дѣвической доли. Какъ давно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ недавно все это было!

И, полная сладкой задумчивости, дѣвушка умышленно настойчивѣе вызывала въ своей памяти и тотъ послѣдній проведенный подъ родительской кровлей ве-

черъ, и вмѣстѣ съ нимъ и образы отца, матери, Василія, Кленыı..

Сейчасъ, скоро она снова увидитъ ихъ, дорогихъ, милыхъ... Вотъ и знакомая главная улица Сарапуля, гдѣ среди бѣла дня, не стѣсняясь, разгуливаютъ куры и бѣгаютъ поросята, копошась въ грязи. Теперь, ночью, все здѣсь тихо и пустынно... Чуть освѣщенные трепетнымъ сіяніемъ мѣсяца дома безмолвствуютъ, безмолвствуютъ и темные сады, уже потерявшіе значительную часть своего лѣтняго наряда... Только что-то шумитъ въ сторонѣ назойливо и монотонно, тѣмъ неутомимымъ однозвучнымъ шумомъ, который убаюкивающе дѣйствуетъ на болѣзненно воспріимчивую душу. Надя чутко прислушивается, недоумѣваетъ съ минуту и вдругъ вся замираетъ отъ остраго прилива радости—это Кама! Какъ могла она не узнать въ первую же минуту ея знакомый плескъ!

«Значитъ, сейчасъ... сію минуту, дома!»—соображаетъ она, и сердце ея стучитъ такъ сильно, что она внятно слышитъ его біеніе.

— Стой, Ахметъ!—неожиданно срывается съ ея устъ.—Выпусти меня здѣсь, у обрыва!

Ахметъ послушно осаживаетъ коней. Возокъ останавливается, Надя проворно вылѣзаетъ изъ него и направляется къ саду... Калитка оказывается закрытой изнутри... Начать стучать—значитъ, разбудить и напугать весь домъ. Нѣтъ, нѣтъ!.. Она не хочетъ этого! Смутно припоминая что-то, дѣвушка минуетъ калитку и идетъ къ той самой прогалинѣ подъ заборомъ, черезъ которую она столько разъ убѣгала изъ дома отъ рукодѣлій и нотацій матери въ дни ея печальнаго дѣтства.

И согнувшись въ три погибели, Надя пролѣзаетъ черезъ узкое отверстіе подъ заборомъ. Теперь она въ саду, въ томъ самомъ саду, гдѣ впервые родились ея смѣлыя дѣвичьи грезы, въ томъ самомъ саду, подъ тѣнью ко-

тораго назрѣвалъ и опредѣлялся ея дерзкій, отважный замыселъ. Передъ нею длинная и прямая, какъ стрѣла, аллея, по которой они съ Васей такъ часто бѣгали взапуски, аллея, ведущая къ садовому домику, милому домику, гдѣ она провела лучшіе часы своей юности. Какъ мало измѣнилось здѣсь за эти долгія шесть лѣтъ ея отсутствія! Только развѣ деревья словно стали развѣсистѣе на видъ, да домъ какъ будто постарѣлъ и осѣлъ къ землѣ, или она—сама Надя—выросла и потому онъ, этотъ родной ея сердцу домъ, не кажется ей такимъ громаднымъ, какъ въ дни дѣтства.

Съ тревожно бьющимся сердцемъ взошла она на ступени крыльца этого дома и тронула мѣдную скобку двери. Но дверь оказалась запертой изнутри, какъ и калитка.

Надя, придерживая одной рукою сердце, съ каждой минутой бившееся все сильнѣе и сильнѣе, робко стукнула о косякъ двери, стукнула и замерла, прислушиваясь, вся обратившись въ одно сплошное ожиданіе.

Нѣтъ! Ни звука! Все попрежнему тихо и спокойно въ сѣняхъ, за дверью. Тогда она сильнѣе ударила въ дверь рукою и снова замерла, прислушиваясь... Въ сѣняхъ послышались шаги, словно шлепанье босыхъ ногъ по полу. Кто-то быстро приближался голыми ногами.

— Кто тутъ?—раздался хорошо знакомый Надѣ голосъ за дверью, и горничная Наталья, бывшая нянька Клены и Васи, появилась на порогѣ со свѣчей въ рукахъ.

— Батюшки! Офицеръ!—испуганно всплеснувъ руками, произнесла она и тотчасъ же добавила, смущенная за этотъ свой ненужный испугъ.—По дѣлу, должнобыть, къ нашему барину пожаловали?

— Да, голубушка!—и голосъ Нади дрожалъ, когда она сказала это.—Мнѣ по дѣлу къ вашему барину. Вы вѣрно угадали! Не легли-ли они почивать уже? Въ

такомъ случаѣ я не буду тревожить ихъ сегодня, а приду завтра.

И сердце бѣдной дѣвушки замерло въ ожиданіи отвѣта.

— Никакъ нѣтъ! — отвѣчала окончательно оторопѣвшая Наталья. — Не легли еще баринъ! Газеты читаютъ у себя въ комнатѣ... Они завсегда газеты читаютъ передъ сномъ. Пожалуйте въ гостиную, ваше высокородіе! А я имъ доложу! — говорила между тѣмъ словоохотливая Наталья.

«Не надо! — чуть было не сорвалось съ губъ Нади. — Ради Бога, не надо! Я не могу, я не вынесу этого... теперь, сейчасъ!..»

Но языкъ не повиновался дѣвушкѣ, губы дрогнули безъ звука, безсильныя произнести хоть одно слово, и она только молча послѣдовала за Натальей въ гостиную по узкому коридору, мимо дѣтской, гдѣ все оказалось на прежнихъ мѣстахъ.

«Газеты читаетъ!» — выстукивало въ это время ея трепещущее сердечко. Можетъ быть, о ней, Надѣ, надѣется что-нибудь прочесть и узнать хотя бы изъ газетъ...

Вдругъ она разомъ вздрогнула всѣмъ тѣломъ и лихорадочно горящимъ взоромъ приковалась къ противоположной двери. Тамъ послышались знакомые шаги, нимало не измѣнившіеся за эти шесть лѣтъ, и милый, незабвенный голосъ, голосъ, который Надя узнала-бы среди тысячи другихъ голосовъ, спросилъ у Натальи:

— Офицеръ? По дѣлу, говоришь ты?

И, прежде чѣмъ Надя успѣла разслышать отвѣтъ женщины, дверь широко распахнулась, и высокая фигура Андрея Васильевича Дурова показалась на порогѣ.

Свѣча, оставленная на столѣ, очень скупо освѣщала гостиную. Но Надя успѣла однимъ взглядомъ охватить разительную перемѣну, происшедшую за эти шесть лѣтъ съ ея отцомъ.

Волосы городничаго, почти совсѣмъ еще черные тогда, теперь были бѣлы, какъ снѣгъ. Частыя морщины бороздили лицо, глаза утратили свой прежній юношескій блескъ и весь онъ согнулся какъ-то и уже не казался тѣмъ лихимъ молодцомъ-ротмистромъ, какимъ его оставила Надя.

«Полюбуйся! Это твоя вина! Дѣло рукъ твоихъ!» больно кольнуло ее въ сердце запоздалое раскаяніе, и оно, это бѣдное сердце, такъ и сжалось приливомъ невыносимой, мучительной тоски.

Не двигаясь, трепещущая и безмолвная, стояла Надя передъ отцомъ, не узнавшимъ въ этомъ высокомъ офицерѣ съ возмужалымъ, обвѣтреннымъ и огрубѣвшимъ лицомъ—своей прежней смугленькой, блѣднолицей любимицы.

— Чѣмъ могу служить, государь мой?—любезнымъ, но оффиціальнымъ тономъ, съ легкимъ поклономъ въ ея сторону спросилъ городничій и, не дождавшись отвѣта, снова спросилъ:—Изволили пріѣхать по дѣлу отъ губернатора?

— Нѣтъ, г. ротмистръ!—отвѣчалъ ему глуховатый, странно срывающійся голосъ, такъ мало напоминавшій голосъ прежней Нади.—Я къ вамъ изъ дѣйствующей арміи по частному дѣлу.

— Изъ арміи?—изумленно переспросилъ Дуровъ.

— Изъ арміи,—подтвердила Надя и, собравшись съ духомъ, добавила твердо:—Я привезъ вамъ вѣсти и привѣтъ отъ вашей дочери, Надежды Дуровой, съ которой мы служили въ одномъ полку.

— Въ одномъ полку? О Надеждѣ? О Надѣ?—внѣ себя вскричалъ городничій, и все лицо его преобразилось разомъ.—Убита? Ранена?.. Умоляю васъ, не мучьте!.. умоляю, скажите мнѣ, что съ нею, съ моей Надей?—воплемъ срывалось съ его устъ.—Что съ ней, г. офицеръ, съ Надей, съ голубкой моей милой? Какъ бы ни

тяжела была ваша новость, лучше узнать ее теперь-же, сейчасъ! Да говорите-же, наконецъ, не томите меня!

И старый городничій сталъ нервно барабанить пальцами.

— Вы молчите? Неужели это молчаніе должно означать, что моя дочь...

Городничій не договорилъ.

— Успокойтесь, г. ротмистръ!—произнесъ тотъ-же дрожащій, срывающійся голосъ мнимаго офицера.—Ваша дочь жива и здорова... и...

Но тутъ что-то сильное непреодолимо захлестнуло сердце Нади и вырвалось наружу въ неизъяснимомъ крикѣ отчаянія и счастья:

— Папа! Папа мой! Папа!—бросаясь на колѣни, повторяла она.—Дорогой, милый... папа!

Въ одну минуту городничій былъ подлѣ упавшаго къ его ногамъ страннаго офицера. Два старческіе глаза впились въ лицо улана и что-то радостное и мучительное въ одно и то же время промелькнуло въ глубинѣ этихъ изстрадавшихся, затуманенныхъ глазъ.

— Надя!—отчаяннымъ отвѣтнымъ крикомъ вырвалось изъ устъ Дурова, и отецъ заключилъ дочь въ свои старческія объятія.

Минуту они молчали оба, словно замерли въ объятіяхъ одинъ у другого. И эта сладкая, но томительная минута длилась цѣлой вѣчностью въ ихъ измученныхъ сердцахъ. Отецъ цѣловалъ руки и лицо дочери и бѣлый крестикъ, колеблющійся на ея груди, геройскій крестикъ, свидѣтельствующій о храбрости, цѣловалъ старую сѣрую шинель, пробитую вражескими пулями, изодранную штыками и потерявшую свой первоначальный цвѣтъ въ пороховомъ дыму... Цѣловалъ и обливалъ слезами.

— Надя! Надечка! Радость моя! Герой мой! Воинъ! Счастье мое! Надечка! — лепеталъ онъ между поцѣлуями, задыхаясь въ безумномъ приливѣ счастья.

И эти слезы смѣшивались со слезами его дочери-героя, рыдающей у него на груди.

Когда первый порывъ мучительной, острой радости прошелъ, Надя, робко оторвавъ отъ груди отца залитое слезами лицо, спросила его:

— Отецъ, а гдѣ-же наши? Мама? Клена? Вася?

Старый Дуровъ молча прижалъ стриженую по-солдатски голову дочери снова къ своей груди и произнесъ чуть слышно:

— Клена теперь уже замужемъ и очень счастлива. А мама...

Тутъ Андрей Васильевичъ замялся.

— Что? она больна? умерла, быть можетъ?.. — трепетнымъ вопросомъ вырвалось изъ груди той.

Вмѣсто отвѣта старый городничій грустно опустилъ голову.

Надя поняла его.

— Умерла! — прорыдала она. — Умерла, не простивъ меня, проклиная, быть можетъ! О, папа, папа! зачѣмъ мнѣ не довелось увидѣть ее?!

— Успокойся, дитя! Она простила тебѣ, простила потому, что поняла тебя, твою смѣлую, необычайную натуру, простила и полюбила... Послѣдніе дни жизни она много говорила и думала о тебѣ и, узнавъ, куда и на какое дѣло ушла ты отъ насъ, молилась за тебя... Быть можетъ, Надя, молитвы матери и сохранили тебя въ грозныя минуты...

— О, мама! мама! — прорыдала потрясенная до глубины души Надя. — А я то! я! Что я думала о ней?

— А Вася? Вася мой?.. неужели и онъ?.. О, Господи! Господи! — закрывъ лицо руками, беззвучно прошептала Надя послѣ долгаго молчанія.

Она боялась даже договорить то, что подсказывала ей неугомонная, жестокая мысль.

— Вася? — послышался тихій отвѣтъ отца надъ нею. — Вася живъ и здоровъ. Взгляни, дитя! Ты не видишь развѣ?

И Андрей Васильевичъ мягко отстранилъ дочь отъ своей груди.

Въ ту-же минуту что-то юное, блѣднолицое, сѣроглазое, съ легкимъ крикомъ радости, обвилось руками вокругъ шеи Нади.

Это былъ Вася, милый, четырнадцатилѣтній Вася, очень возмужавшій и похорошѣвшій за эти шесть лѣтъ.

— О, какъ я счастливъ увидѣть васъ снова, сестра! — произнесъ онъ, захлебываясь отъ восторга, не осмѣливаясь выражать такъ, какъ бы ему хотѣлось, свои чувства передъ героиней-сестрой, которой онъ поклонялся, на которую онъ молился, какъ на святыню. — О! какъ я счастливъ, что вижу васъ! — подхватилъ онъ съ жаромъ. — Вы великая, дивная, храбрая! И единственно, чего я теперь желаю всѣмъ моимъ существомъ, это — походить на васъ хоть немного, хоть отчасти!..

Горячій поцѣлуй былъ отвѣтомъ на пылкую, полную дѣтскаго искренняго восторга рѣчь юноши...

* * *

Въ эту ночь никто и не думалъ ложиться спать въ старомъ сарапульскомъ домѣ. Тѣсная маленькая семья пріютилась въ гостиной. Отецъ и сынъ не отводили восторженныхъ, блестящихъ слезами глазъ отъ потерянной было уже для нихъ и вновь обрѣтенной Нади, приведенной причудницей-судьбой снова подъ родительскій кровъ...

А сама Надя остро чувствовала всю прелесть потеряннаго и вновь обрѣтеннаго рая...

Шумъ военной жизни, блескъ, военныя почести, слава, полкъ, битвы—все это отходило куда-то въ этотъ мигъ отъ сердца странной дѣвушки... Въ эту ночь, надолго или нѣтъ, но она стала прежней Надей, маленькой, смуглой Надей, дочерью и сестрой, нѣжной, любящей и счастливой.

Заключеніе.

Ярко свѣтитъ ласковое солнце... Золотистыми лучами заливаетъ оно скромныя могилы Елабужскаго городского кладбища...

Среди безчисленныхъ могилъ выдѣляется одна... Красивый мраморный памятникъ, съ большимъ крестомъ на верхушкѣ, желѣзная рѣшетка кругомъ, нѣсколько истлѣвшихъ отъ времени вѣнковъ съ яркими лентами, и цвѣты, цвѣты, цвѣты...

Всякій, кто только пріѣзжаетъ въ Елабугу, непремѣнно посѣщаетъ эту могилу, съ любопытствомъ разсматриваетъ красивый памятникъ, прочитываетъ длинную надпись на металлической дощечкѣ, находящуюся подъ крестомъ.

Эта надпись гласитъ:

Надежда Андреевна Дурова,
по повелѣнію императора Александра I корнетъ Александровъ,
кавалеръ военнаго ордена.
Движимая любовь къ родинѣ,
поступила въ ряды Литовскаго уланскаго полка,
спасла офицера, награждена георгіевскимъ крестомъ.
Прослуживъ десять лѣтъ въ полку,
произведена въ корнеты и удостоена чина штабсъ-ротмистра.
Родилась въ 1783 г., скончалась въ 1866 г.
Миръ ея праху!
Вѣчная память въ назиданье потомству ея доблестной душѣ!

Надежда Дурова, или корнетъ Александровъ, это та самая смугленькая дѣвочка, которая такъ безутѣшно

рыдала въ садовомъ домикѣ въ ночь ея бѣгства изъ родительскаго дома, та самая дѣвушка, которая, влекомая жаждой иной славной, не дѣвической доли, рѣшила стать въ ряды воиновъ, защитниковъ блага и чести родины и, прославивъ свое имя цѣлымъ рядомъ военныхъ подвиговъ, мирно вернулась опять въ домъ отца...

Памятникъ въ Елабугѣ—на томъ мѣстѣ, гдѣ спитъ непробуднымъ, послѣднимъ сномъ Надежда Дурова,—соорудили бывшіе товарищи-однополчане «корнета Александрова», потомки тѣхъ уланъ начала XIX вѣка, съ которыми прошла большая часть смѣлой, доблестной походной жизни неустрашимой дѣвушки, скромно окончившей свои дни, въ глубокой старости, въ далекой Елабугѣ.

Елабужскіе старожилы, изъ которыхъ иные лично знали Дурову, часто вспоминаютъ высокую, крѣпкую, страннаго вида старушку, въ семидесятыхъ годахъ м. с. доживавшую свой вѣкъ въ этомъ маленькомъ городкѣ Вятской губ., съ увлеченіемъ разсказывавшую о своей юности, о Наполеонѣ, о войнѣ, о жаркихъ военныхъ схваткахъ, кровавыхъ битвахъ, великихъ сраженіяхъ и трудныхъ походахъ, въ которыхъ она, въ теченіе многихъ-многихъ лѣтъ, была участницею и всѣ подробности которыхъ удивительно запечатлѣлись въ ея памяти.

Странная, необычайная и дивная, почти сказочная, судьба выпала на долю Нади, этого отважнаго, юнаго существа съ мужественной душой.

Глубокая беззавѣтная любовь къ родинѣ, постоянное стремленіе служить на пользу Россіи и горячее желаніе принести пользу дорогому отечеству—даютъ право назвать истиннымъ героемъ эту молодую, скромную, благородную душу....

Дочь ротмистра гусарскаго полка, она все свое раннее дѣтство провела при отцѣ въ походѣ. Солдаты были ея

первыми друзьями и воспитателями, звуки походнаго марша — любимою музыкой, и не мудрено, если съ нѣжнаго дѣтскаго возраста Надя полюбила всей душою военную среду, походную, скитальческую жизнь и милыя, сѣрыя лица скромныхъ военныхъ тружениковъ-солдатъ.

— Сѣдло, — разсказываетъ она впослѣдствіи, — было моей первой колыбелью, лошадь, оружіе и полковая музыка — лучшими забавами и любимымъ развлеченіемъ.

Къ тому же первою нянькою этого страннаго, необычайнаго ребенка былъ гусаръ Астаховъ, бравый молодецъ-гусаръ, посѣдѣвшій за долгіе годы походной жизни и обожавшій свою маленькую питомицу...

Надежда Андреевна Дурова на 14 году жизни (съ современной литографіи).

Незамѣтно и быстро подъ звуки походныхъ маршей и солдатскихъ пѣсенъ пролетѣло раннее дѣтство Нади... И вотъ наступаетъ иная пора въ жизни дѣвочки. Ея отецъ получаетъ мѣсто городничаго въ Сарапулѣ, Вятской губерніи. Былые походы и марши замѣняются тихимъ прозябаніемъ въ большомъ Сарапульскомъ домѣ. Эта жизнь не нравится горячей натурѣ Нади...

Ея юная головка еще полна милыми воспоминаніями недавняго прошлаго. Ея бурное сердечко неудержимо рвется туда, назадъ, къ лихимъ солдатамъ, къ

лошадямъ, къ воинскому оружію, къ полковымъ ученьямъ, ко всему тому, что осталось далеко, позади, за нею... Борьба съ этими порывами, съ этими жгучими желаніями не подъ силу Надѣ. Прежнія радости походной жизни еще слишкомъ прочно живутъ въ ея воспоминаніяхъ... Она не можетъ существовать безъ нихъ, не можетъ прозябать въ новой пустой и мертвой, какъ ей самой кажется, жизни. И вотъ тайкомъ ночью уходитъ Надя изъ роднаго дома. За нѣсколько дней до бѣгства она сблизилась съ казачьей сотней, временно стоявшей въ Сарапулѣ и когда эта сотня въ 1806 г. получила приказаніе выступать на западную границу, Надя Дурова умчалась вслѣдъ за нею на своемъ Алкидѣ, переодѣтая въ одежду простого казака-воина.

«Корнетъ Александровъ» въ 1810 году
(съ современной литографіи).

Вскорѣ подъ именемъ солдата Александрова она поступаетъ въ Коннопольскій уланскій полкъ, участвуетъ съ нимъ въ Прусской кампаніи, въ сраженіяхъ при Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ, Фридландѣ и, всюду выдавая себя за мужчину-солдата, оказываетъ чудеса храбрости.

Слухъ объ удивительно-смѣлой и храброй дѣвушкѣ-воинѣ доходитъ до императора Александра I. Онъ вызы-

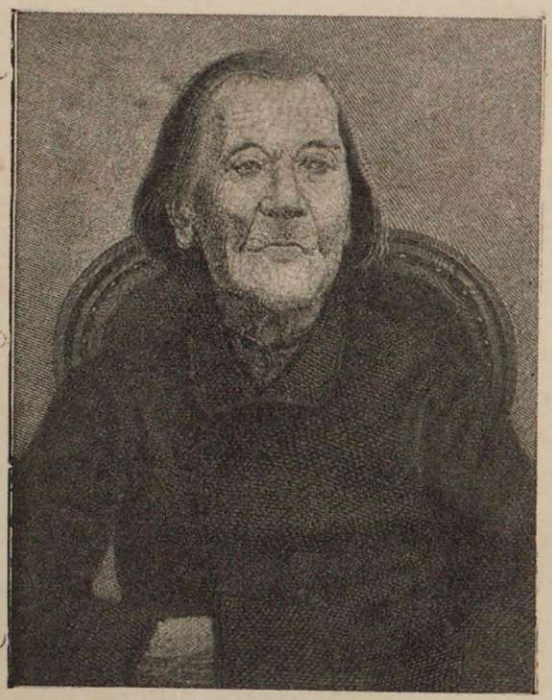
ваетъ Надю въ Петербургъ, милостиво разрѣшаетъ продолжать военную службу подъ именемъ Александрова и награждаетъ за храбрость солдатскимъ георгіевскимъ крестомъ. Свиданіе съ монархомъ, награда, новыя столичныя знакомства, шумный водоворотъ Петербургской жизни,—все это пролетаетъ свѣтлымъ, но мгновеннымъ сномъ.... Душа Нади жаждетъ иныхъ впечатлѣній.... Ее тянетъ въ полкъ, къ товарищамъ, къ неспокойной, полной превратностей походной жизни... И вотъ она снова тамъ, среди нихъ, на этотъ разъ уже въ Маріупольскомъ гусарскомъ полку. Снова походы, ученья, военная жизнь поглощаютъ съ головою Надю... А тутъ еще кстати подоспѣваетъ и отечественная война 1812 года... Новые подвиги, новая слава...

Н. А. Дурова въ 1839 г.
(съ современной гравюры).

Только въ 1816 г., контуженная вторично въ ногу, въ чинѣ штабсъ-ротмистра, Надежда Дурова выходитъ въ запасъ и возвращается въ домъ отца, въ Сарапуль. Здѣсь она живетъ вплоть до его кончины и переѣзжаетъ тотчасъ же послѣ нея въ Елабугу...

Въ Елабугѣ Надежда Андреевна живетъ до самой смерти, окруженная грезами и воспоминаніями о своей былой чудесной воинской жизни....

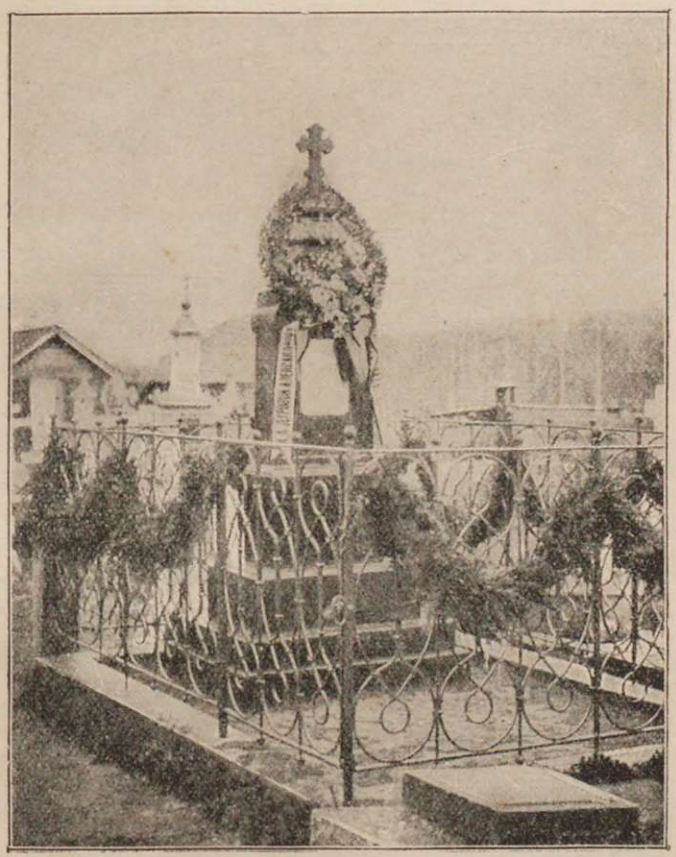
Перенесенныя событія, необычайныя впечатлѣнія молодыхъ лѣтъ даютъ творческую силу уму этой необыкновенной дѣвушки. Ея мысль и сердце вѣчно молоды, вѣчно воспріимчивы и полны образовъ минувшаго.... И вотъ вдохновеніе писателя посѣщаетъ ея душу... Сабля и палашъ замѣняются перомъ и Надежда Андреевна заноситъ всѣ свои впечатлѣнія на бумагу. У нея открывается недюжинный писательскій талантъ... Самъ великій Пушкинъ отличаетъ ее и, глубоко заинтересованный личностью дѣвушки-героя, даетъ ея запискамъ мѣсто на страницахъ редактируемаго имъ въ то время журнала «Современникъ». Изданныя затѣмъ отдѣльно записки «Кавалеристъ-дѣвицы» имѣли огромный успѣхъ. Этотъ успѣхъ воодушевилъ ихъ автора и побудилъ Надежду Андреевну Дурову написать еще цѣлый рядъ разсказовъ и повѣстей, нынѣ забытыхъ, но когда-то, много лѣтъ назадъ, заставлявшихъ зачитываться самые разнообразные слои русскаго общества...



Н. А. Дурова на склонѣ лѣтъ
(съ елабужской фотографіи).

Такова подлинная исторія Надежды Дуровой, этой далеко незаурядной свѣтлой личности, сыгравшей скромную роль на страницахъ русской исторіи, подлинная исторія смѣлой жизни дѣвушки-героя.

Бывшій Литовскій уланскій, теперь 14-ый драгунскій Литовскій полкъ, въ которомъ прошла значительная часть боевой карьеры Дуровой, до сихъ поръ свято хранитъ память объ отважномъ и доблестномъ дѣвушкѣ-уланѣ.



Памятникъ на могилѣ Н. А. Дуровой.

Въ офицерскомъ собраніи этого полка виситъ портретъ Дуровой въ уланскомъ мундирѣ. Тамъ же хранятся, какъ драгоцѣнные трофеи, ея послужной списокъ, кисетъ, шитый бисеромъ, коврикъ и картина, изображающая Наполеона— всѣ три вещи работы ея собственныхъ рукъ.

Имя Надежды Дуровой занимаетъ лишь маленькое мѣсто въ рядахъ героевъ, отдавшихъ свои силы и жизнь на пользу родинѣ, но все же имя этой беззавѣтно-отважной и мужественной дѣвушки, твердо убѣжденной, что ея служба въ рядахъ родного войска есть своего рода патріотическій подвигъ, навсегда останется въ памяти благодарнаго потомства...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

		стр.
Глава	I. Обитатели стараго сада.	1
»	II. Новая обязанность.—Въ садовомъ домикѣ.—Жанна д'Аркъ.	9
»	III. Въ послѣдній разъ.—Безъ возврата.	18
»	IV. Недавнее былое.	26
»	V. На казачьей дѣвкѣ.—Полковникъ.	52
»	VI. Новый другъ.	62

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

»	I. Вербунокъ.—Красавчикъ Юзекъ.	69
»	II. Первыя терніи.—Письмо на родину.	80
»	III. У Канутовъ.	90
»	IV. Бѣлая эльфа въ новой роли.	101
»	V. Первое боевое крещеніе.—Юная героиня.	108
»	VI. Неудачная поѣздка.—На краю гибели.	126
»	VII. Ефремъ Баранчукъ.—Въ лѣсу.	137
»	VIII. Два императора.—Новое счастіе.	162
»	IX. Въ Зеленомъ гротѣ.—Раскрытая тайна.	174
»	X. Незамѣнимая потеря.	183
»	XI. Событіе за событіемъ.—Въ столицу.	190
»	XII. Царская милость.	201

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

»	I. Старые знакомые.	210
»	II. У костра.—Едва не открывшаяся тайна.—На развѣдкахъ.	223
»	III. На шагъ отъ гибели.	238
»	IV. Опять Зося. — Бородино. — Контузія. — Грезы и дѣйствительность.	246
»	V. Снова въ полку. — Порученіе. — Мертвый домъ. — Мнимая тревога.	262
»	VI. Дѣдушка Кутузовъ.	278
»	VII. Французы въ Москвѣ.—Дома.	287
»	VIII. Заключеніе.	299

2011146920